

Занимательная фольклористика

Автор-составитель

Л.В.Седова

Саранск

2014

Введение

Термин «фольклор» появился в XIX веке. В буквальном переводе с английского языка обозначает «народное знание», « народная мудрость». В современной науке под фольклором понимаются произведения народно-поэтического искусства, а наука, изучающая их, получила название фольклористики.

Народно-поэтическое творчество мордвы, как и других народов, зародилось очень давно и до появления письменности было единственной «неписаной историей» народа, художественно отразившей важнейшие черты народной жизни. На протяжении многих веков устное творчество накопило огромные идейные и художественные ценности. Значение поэтического творчества особенно велико для мордвы, т.к. вплоть до XX века народ не имел своей развитой письменности. Почти 96 % населения было безграмотным. И все то, что пережили люди, особенности быта, обычаи, обряды, мировоззрение – все это передавалось из поколения в поколение и дошло до нас благодаря бесценным кладезям народной мудрости. Фольклор мордовского народа является одним из основных источников при изучении прошлого. Он остается и важным средством воспитания характера, лучших человеческих качеств: мужества, смелости, стойкости, честности, доброты. Создавая художественный язык, поэтическую образность, народ веками вырабатывал свои эстетические идеалы, свой стиль. Поэтому фольклор является одним из добрых учителей наших литераторов.

Устно-поэтическое искусство имеет свои особенности, свои признаки. Наиболее существенным признаком фольклора является **коллективность** его создания, исполнения и распространения. Создание и исполнение фольклорных произведений тесно связаны между собой. Коллективность может проявляться по-разному. Наряду с коллективным исполнением произведений (песен) отдельные виды фольклора (сказки, причитания и др.) создавались и исполнялись талантливыми людьми, которые, однако,

создавали и исполняли свои творения вместе с коллективом. Произведения, передаваясь устным путем из поколения в поколение, в течение многих веков, изменялись народом. Сказочник, рассказывая сказку, каждый раз изменял ее в зависимости от состава и поведения аудитории. Произведения то сокращались, то увеличивались в зависимости от реакции аудитории. Исполнитель всегда находился под контролем своих слушателей, которые возгласами одобрения или порицания как бы управляли исполнителем и создателем произведения.

Переходя из уст в уста, от поколения к поколению, постоянно подвергаясь обработке, фольклорные произведения обычно живут долго, столетиями. Наиболее совершенной формы произведение достигает после того, как коллектив подвергнет его длительной обработке. Коллективность создания в фольклоре связана с коллективностью исполнения. Этим фольклорное произведение отличается от литературного (фольклорное постоянно меняется, а литературное сохраняется в том виде, как написано автором).

Следующим признаком фольклора является **устность** передачи. Коллективность и устность всегда взаимосвязаны. Прозаические жанры – сказки, легенды, предания, былички – наиболее подвержены изменениям при устной передаче. По сути, каждый рассказчик творит свое произведение заново, создает новый текст. В этом случае следует говорить о **вариативности** фольклорных произведений. Каждое народное произведение, не имевшее твердого текста, жило в народе во множестве вариантов. Все варианты равноправны, но при их публикации наиболее ценными являются полные и художественно совершенные. Вариативность – одна из причин долгой жизни многих произведений, ведь исполнители всегда стремились приблизить текст к современности. Наблюдения показывают, что наиболее талантливые люди были и исполнителями, и авторами, и хранителями народного творчества.

Фольклор – искусство слова – органически связан с разными видами искусства. Так, текст народной песни тесно связан с мелодией. В сказках сказочник должен не только передать содержание, но и выступать как чтец-декламатор. В некоторых случаях он сопровождает свой сказ жестом и драматическим действием. Таким образом, сказочник выполняет одновременно функции автора и актера, воздействуя на слушателей не только текстом, но и исполнением. Записанный на бумаге текст песни или сказки не может передать того впечатления, которое получают слушатели при исполнении их талантливыми мастерами.

Глубокая связь с жизнью характерна для всех жанров фольклорных произведений. Даже в образах фантастических врагов народ видел не только каких-то чудовищ, но и воспринимал их как конкретных насильников и завоевателей родной земли. Фантастика, вымысел, чудесные события в содержании многих народных произведений – все это так или иначе сочетаются с реальной жизнью. По мнению А.М.Горького, фантастика и романтическая мечта помогали народу «возвысить человека над действительностью».

Народ понимал и принимал только таких героев, которые ему были близки и дороги своими качествами. По такому же принципу создавались и отрицательные персонажи, которые вбирали в себя различные антинародные качества. В том же плане строился сюжет, создавались конфликты, развертывалась композиция. Четкая, ясная разноплановая композиция имела большое значение: такой сюжет помогал быстрому запоминанию.

Устно-поэтическое творчество мордовского народа бытует на эрзянском и мокшанском языках. Но есть произведения, которые известны на русском языке, хотя повествуют о прошлом, и записаны были от людей мордовской национальности.

При большом сходстве творчества мокши и эрзи о полном сходстве и полной общности говорить нельзя. Существуют и некоторые различия как в

содержании, так и в форме исполнения. Например, в прошлом у эрзи бытовали женские обрядовые моления «Бабья каша», «Хир сари» и др., которых у мокши не обнаружено. Наоборот, в мокшанских деревнях конца XIX века записаны интересные празднества и моления в честь языческих покровителей Ведявы и Норовавы. В мокшанском и эрзянском свадебном ритуале различно соблюдались обычаи наречения невесты и обрядовая церемония в честь Ведявы. Почти в каждом жанре мордовского фольклора можно обнаружить общность и определенные различия.

Память... она поистине безгранична. Отметая все лишнее, наносное, плохое и злое, народ бережно сохраняет и передает из поколения в поколение то, что ему дорого и свято, помнит о тех, кто жил для людей. Мир держится на людях трудолюбивых, душевно богатых, искренних, добрых, скромных. Они всегда оставляют о себе след в памяти людской, которая греет и освещает будущее. Проходят века, а имена далеких предков живут рядом с нами. Наверное, отсюда и исходит та преемственность поколений, которую нельзя не заметить.

С богатым народно-поэтическим наследием мордвы теперь могут познакомиться и русские. Каждый текст переведен на русский язык, хотя перевод не может показать всю полноту и богатство мордовского языка. Ведь при переводе нарушается ритмика и синонимические ряды в песнях, встречаются такие обороты речи и выражения, которые нужно объяснять и которые при этом теряют свою неповторимость и привлекательность.

Знакомство с устно-поэтическим творчеством народа помогает понять и оценить красоту мордовского края, духовное богатство людей, веками живших здесь и оставивших на память родники народной мудрости. Возможно, поэтому оно так притягивало и продолжает притягивать к себе внимание людей творческих: писателей и поэтов, художников, музыкантов и исполнителей, черпающих в фольклоре удивительные образы и краски, изобразительно-выразительные средства.

Часть 1. Из истории мордовской фольклористики

Зарождение и развитие мордовской фольклористики

Мордовская фольклористика зародилась во II половине XVIII века. В ее истории выделяются три этапа:

- со 2-й половины XVIII века до 80-х годов XIX века;
- с 80-х годов XIX века до начала XX века;
- с 20-х годов XX века до настоящего времени.

Первоначально внимание обращалось лишь на изучение семейного быта и религиозных обрядов мордвы. Только немногие собиратели и любители фольклора попутно фиксировали календарные, свадебные и другие песни. Так, начиная со 2-й половины XVIII века стали появляться описания путешественников Российской Академии наук И.И.Лепехина, П.С.Палласа, И.Т.Георги и др. В них даются первые сведения о мордовских молянах, свадебных и похоронных обрядах. Большую роль сыграло Русское географическое общество, в программу которого входило всестороннее изучение России и населяющих ее народов. Немало материалов поступило о мордве из губерний ее исконного расселения. Записаны они были в большинстве своем на русском языке, в вольном пересказе автора статьи, без паспортизации. В течение XIX века было издано уже около 200 таких фольклорно-этнографических статей и очерков, которые публиковались в различных периодических и отдельных изданиях, в частности, в губернских и епархиальных «Ведомостях» Казанской, Нижегородской, Пензенской, Самарской, Саратовской, Симбирской и других губерний.

Интерес русских ученых к мордве возрастал. Появились первые исследователи истории, быта и устного творчества мордовского народа (И.Н.Смирнов «Мордва», В.Н.Майнов «Очерк юридического быта мордвы», И.И.Дубасов «Очерки из истории Тамбовского края» и др.), которые так или иначе использовали фольклорные произведения в своих трудах, но пока еще

не ставили перед собой задачи публиковать мордовские тексты. Эти работы явились как бы переходными, подготовившими новый этап в развитии мордовской фольклористики.

История, быт и фольклор начинают привлекать внимание и русских писателей. Известный русский писатель П.И.Мельников-Печерский был одним из первых историков мордвы. Находясь в постоянных разъездах по приволжским губерниям, писатель побывал в Арзамасе, Алатыре, Темникове, Ардатове и других местах, населенных мордвой. Поэтому он хорошо представлял и эрзян, и мокшан. За многие годы архивных изысканий и непосредственного изучения мордвы он накопил огромный фактический материал. Часть его писатель издал в 1839-1851 годах. Это – «Дорожные записки на пути из Тамбовской губернии в Сибирь», «Исторические известия о Нижнем Новгороде», «Общественные моления эрзян», «Нижегородская мордва», «Эрзянская свадьба», «Мокшанская свадьба».

«Очерки мордвы» П.И.Мельникова-Печерского явились первой попыткой обобщить на основе мелких печатных работ и рукописных материалов быт, верования и моляны мордвы Нижегородской губернии. Эта работа содержала немало ценных фактов о верованиях и божествах древней мордвы, оказала влияние на последующие работы. Особенно большой интерес представляют те главы, в которых автор рассматривает мордовскую мифологию, сообщает подробности совершения мордовских молян. Все эти вопросы писателем излагаются своеобразно, иначе, чем другими авторами, писавшими о мордве. Однако вокруг материалов писателя возникали и продолжают споры о том, что многие фольклорные произведения, помещенные в «Очерках мордвы», являются авторскими. Поэтому к фольклорному наследию П.И.Мельникова-Печерского нужно подходить критически. Но все-таки большинство его фольклорных материалов подтверждается более поздними записями, что свидетельствует об их подлинности.

Местная русская интеллигенция и духовенство, живя среди мордовского населения, наблюдали их быт, нравы, обычаи, верования и интересовались народным творчеством. О результатах этих наблюдений сообщалось в отчетах, а также в публикациях различных периодических изданий, сборниках и путеводителях. В 80-х годах XIX века начал коллекционировать рукописи А.А.Титов. Он скупал старинные материалы в большом количестве, и в его крупную коллекцию попали некоторые рукописи о мордве, сохранившиеся до наших дней (РО библиот. Салтыкова-Щедрина в С-Петербурге).

Следующий этап ознаменовался появлением книг чисто фольклорного характера, а также ученых, вышедших из среды самой мордвы. Первым и сравнительно полным изданием этого периода является сборник А.Юртова «Образцы мордовской народной словесности», который вышел в Казани и состоял из двух выпусков. В первый выпуск вошли 48 текстов эрзянских обрядовых и необрядовых песен, а во второй – 80 эрзянских загадок и 28 сказок. Все тексты даны с параллельным переводом на русский язык.

Издание сборника А.Юртова послужило толчком для собирания и публикации мордовского фольклора. В начале 90-х годов выходит сборник финского собирателя, профессора Хельсинского университета Хейкки Паасонена «Образцы мордовской народной литературы» в двух частях. В первую часть вошли 54 текста обрядовых и необрядовых эрзянских песен, 46 пословиц и 415 загадок, а во вторую – 18 эрзянских сказок. Ученый в 1888 и 1898-1899 годах записывал мордовский фольклор в регионах компактного проживания мордвы. Все тексты записаны им очень точно, снабжены переводом на немецкий язык, что давало возможность зарубежному читателю познакомиться с мордовским народным творчеством.

После выхода этих сборников ученый продолжал записывать образцы мордовского фольклора. Собранный Х.Паасоненом материал был настолько обширным, что после его смерти было решено создать специальное научное

учреждение по изучению и публикации богатого наследия финского фольклориста. В 1938 году под руководством Пааво Равила вышел первый том под названием «Mordwinische Volksdichtung». Вплоть до 1977 года продолжалось издание 8-томной серии. Эти издания долгое время не имели себе равных в мордовской фольклористике.

В 1909 году в Санкт-Петербурге выходит первый сборник для массового читателя «Мордовские народные сказки», составленный С.Аникиным, куда вошло 14 сказок в переводе на русский язык.

Из этнографических исследований мордовского населения отдельных регионов, прежде всего, необходимо отметить труд академика А.А.Шахматова «Мордовский этнографический сборник» (СПб, 1910), в котором содержатся материалы, собранные в двух эрзянских селах Оркино и Сухой Карбулак Саратовского уезда. Это подлинно научное издание: тексты произведений народного творчества записаны с фонетической точностью, и к ним дан подстрочный перевод на русский язык. В области собирания и изучения мордовского фольклора он не имел себе равных в то время по новизне материала и богатству представленного в нем мордовского обрядового и необрядового фольклора. Единственным недостатком сборника является то, что записи в нем сделаны без точной паспортизации.

Важной вехой в истории собирания и публикации этнографического материала и произведений устной поэзии мордвы и других народов Поволжья явилось возникновение в 1879 году общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. С первого же дня своей организации общество обратило внимание на важность собирания всех видов фольклора. Деятельность первого мордовского просветителя, педагога и фольклориста Макара Евсевьевича Евсевьева развертывалась в этом научном обществе. На его заседаниях он выступал с сообщениями о мордовских песнях. На страницах издаваемого обществом журнала «Известия

археологии, истории и этнографии» он печатал мокшанские народные песни Инсарского и Краснослободского уездов.

Полевая работа дала Евсевьеву возможность лучше освоить методику сбора материалов и расширить круг знаний. Он вел комплексное изучение памятников истории и культуры своего народа. В фольклорных экспедициях Евсевьев собрал богатейший материал по устно-поэтическому творчеству мордвы, создал своеобразную «энциклопедию народной жизни», состоящую из песен, сказок, пословиц, загадок, свадебных причитаний и других жанров устного творчества. Он считал фольклор ценнейшим художественным сокровищем, запись произведений вел с глубоким знанием дела, не искажал их по своему умыслу, как пытались это делать некоторые собиратели. При собирании памятников песенной поэзии он не ограничивался только записью текстовой части, а фиксировал и их мелодию. После себя он оставил сто фонографических валиков с записью различных мелодий.

Почти в течение полувека ученый проводил полевые исследования, посетив 450 сел и деревень ныне Мордовской, Чувашской, Татарской, Башкирской республик, Пензенской, Нижегородской, Ульяновской, Самарской, Тамбовской и Оренбургской областей. В этих поездках он не только записывал свои наблюдения и образцы устного творчества, но и делал фотографии.

Важную роль в развитии мордовского просветительства сыграла связь М.Е.Евсевьева с Русским географическим обществом. На страницах первого отечественного исторического журнала «Живая старина» он опубликовал работы «Описание мордовской свадьбы», «Остатки языческой религии мордвы Пензенской губернии», за которые ему были присуждены серебряная, а затем и малая золотая медали РГО. Эти работы поставили его в число крупнейших исследователей этнографии мордвы.

В 80-е годы XIX века Евсевьев вплотную занялся работой по собиранию материалов по мордовской свадьбе. Уже до 1891 года им были

собраны свадебные причитания в двух губерниях – Симбирской и Нижегородской. В последующие годы фольклорист ездил в Пензенскую и Тамбовскую губернии. Во время этих поездок убедился, что собранные им свадебные причитания далеко не полны. Он произвел первые научные записи текстов. Записана свадьба очень тщательно и полно, не пропущена ни одна мелочь.

Свадьба в основном записана в бывших Алатырском и Буинском уездах. Основной вариант, по признанию самого ученого, записан со слов матери-эрзянки – Кобаевой Ирины Петровны. Потом все это неоднократно проверялось и дополнялось. В 1925 году М.Е.Евсевьев опубликовал работу под названием «Мордва Татреспублики». В ней наряду с историей мордвы Татреспублики он описывает и свадебные обряды. В течение 45 лет, до конца своей жизни ученый продолжал собирать мордовские свадебные обряды и песни. Наверное, поэтому до сих пор «Мордовская свадьба» Евсевьева остается самой полной и всеохватывающей публикацией, представляющей собой обобщенный вариант эрзянской свадьбы. Она, по сути, представляет собой точную фотографию, которая отражает подлинную мордовскую свадьбу во всех деталях, со всеми обрядностями, причитаниями, песнями. Ученый сумел показать, что мордовская свадьба – это яркое народное празднество, драма, сочетающая в себе народное мировоззрение, мифологию, устно-поэтическое творчество и народные игры. *(Худ. Н.Е.Горчакова. Мордовская свадьба, 2012, с.41 или 166).*

Собирание и изучение мордовского фольклора в 20-х годах XX столетия до образования Мордовской АССР велось главным образом под руководством М.Е.Евсевьева, председателя Мордовского культурно-просветительного общества при Казанской учительской семинарии, а также краеведческими музеями Казани, Пензы, Саратова и первыми мордовскими газетами «Од веле» («Новое село»), «Якстере теште» («Красная звезда»).

В области собирания и изучения мордовского фольклора большую роль сыграла книга М.Маркелова «Саратовская мордва», куда вошли заговоры, верования, гадания, календарные песни, свадебные обряды, похоронные обряды и причеты. Из необрядового фольклора сюда вошли сказки, загадки, песни. Сборник «Саратовская мордва» представляет собой вслед за сборниками Паасонена и Шахматова образец научного собирания фольклорного материала.

С учреждением в 1932 году Мордовского научно-исследовательского института (впоследствии – МНИИЯЛИЭ, а ныне – Институт гуманитарных наук) в истории мордовской фольклористики начинается новый, самый плодотворный этап. Систематическими стали экспедиции ученых и аспирантов института по собиранию устно-поэтического творчества мордовского народа. В последующие годы стали проводиться и фольклорные экспедиции студентов филологических факультетов Мордовского гос.пед.института им. М.Е.Евсевьева, Мордовского ордена Дружбы народов гос.университета им. Н.П.Огарева. В дело собирания народного творчества помимо ученых определенным вклад внесла местная интеллигенция: учителя, краеведы, работники печати. (*Центр гум.наук, с.174; Морд.энц., т.2, с.467*).

К 60-ым годам было издано уже около 20 популярных сборников по всем жанрам на мокшанском, эрзянском и русском языках. В 1939-40 годах вышли два сборника – «Эрзянь фольклор» («Эрзянский фольклор») и «Мокшень фольклор» («Мокшанский фольклор»). После этого стали непрерывно издаваться сборники произведений по отдельным жанрам мордовского фольклора: сказок, песен, пословиц и загадок. Собирание богатого фольклорного материала и издание популярных сборников для массового читателя создали условия для составления академических сборников по всем жанрам мордовского фольклора.

В 1961-66 годах были изданы «Избранные труды» М.Е.Евсевьева. В первые два тома вошли мордовские народные песни, в третий – мордовские

народные сказки и загадки, в четвертый – основы мордовской грамматики, в пятый – мордовская свадьба и этнографические исследования. Каждый том снабжен предисловием и примечаниями к текстам. Все произведения даны с параллельным переводом на русский язык.

Издание серии «Устно-поэтическое творчество мордовского народа» (УПТМН) явилось следующим важным этапом развития мордовской фольклористики. Было решено издать ее в 8 томах, однако впоследствии пришлось расширить и довести до 12 томов (18 книг). Каждый том посвящен отдельному жанру, некоторые тома выходили в 2-х или даже 3-х частях.

Уже с начала XX столетия мордва была расселена по многочисленным районам старой России: Пензенской, Симбирской, Саратовской, Казанской, Тамбовской, Оренбургской губерниям. Мордовская речь звучала на Крайнем Севере, на просторах Сибири и Дальнего Востока. Она присоединялась к местным старожилам или основывала свои новые поселения рядом с русскими. Несмотря ни на какие взаимодействия и влияния со стороны, народная поэзия мордвы-переселенцев неизменно продолжала во всем сохранять самобытность и оригинальность.

Илларион Сергеевич Сибиряк (Поздяев) – участник гражданской войны, ученый и общественный деятель часто совершал поездки по различным районам Среднего Заволжья, Сибири, Дальнего Востока, Крайнего Севера. Во время своих многочисленных встреч с представителями мордовской диаспоры интересовался народным творчеством. Начал он эту работу еще в молодые годы и продолжал всю свою долгую жизнь. Так, еще в 1936 году вышел сборник под названием «Урвакстома койть ды морот» («Свадебные обряды и песни»), собранные И.С.Сибиряком в Бугурусланском округе Сибири. К началу 80-х годов он представил в МНИИЯЛИЭ для издания рукопись под названием «Мордовские народные песни Заволжья и Сибири», которая и была издана 9 томом серии «Устно-поэтическое творчество мордовского народа».

Еще один том УПТМН, 11-й, явился региональным. Он посвящен народным песням мордвы Пензенской области, куда вошли традиционные обрядовые и необрядовые песни, а также песни и частушки советского периода.

Практически все жанры мордовского фольклора были изданы, кроме одного – устных рассказов. Несмотря на то, что первые записи устных рассказов были опубликованы еще Шахматовым (воспоминания из жизни сказителей, остросоциальные рассказы о барине Арчилове и барских нравах, о выборе места под поселение и др.), новых текстов в экспедициях записано было очень мало. Поэтому 10 том, посвященный жанрам сказочной прозы, вышел без жанра устных рассказов. И только в 1991 году в книжке для детей младшего школьного возраста «Земля была б без них мертва...» наряду с преданиями было включено 40 устных рассказов (ранее не публиковавшихся). В них запечатлены яркие образы людей сильных, честных, бескорыстных и мужественных, героев нашего времени.

Со времени выхода в свет 10 тома УПТМН, посвященного жанрам сказочной прозы, прошли уже десятилетия. За это время появилось немало новых записей легенд, преданий, быличек и устных рассказов. Сделаны они были не только на территории современной Мордовии, но и в других регионах, где и поныне проживает мордва. Все эти тексты существовали только в рукописном виде. В 2011 году был издан сборник на русском языке «Из глубины веков: легенды, предания, былички и устные рассказы мордовского края», более трети которого составили новые, ранее неизвестные рукописные тексты. Значительно пополнился и жанр устных рассказов, их стало уже 94, что позволило выделить внутри него соответствующие циклы.

В соседних с Мордовией областях также немало внимания уделяли собиранию образцов устного творчества (как русского, так и мордовского) писательница А.П.Анисимова («Песни и сказки Пензенской области»,

«Песни и сказки Поимского района»), краеведы М.Е.Афиногенова и В.И.Лебедев («Загадочный город мохши»). В Нижегородской области – фольклорист В.Н.Морохин, составитель сборника «Нижегородские предания и легенды», в который вошли также и произведения о мордве, Л.А.Климкова и Ю.А.Курдин «Предания. Народная поэзия Арзамасского края» в 2 кн.).

С середины 60-х годов XX века стал собирать произведения мордовского фольклора уроженец с.Шенталы Шенталинского р-на Самарской обл. Чувашев Михаил Иванович. Большую часть его собрания представляет песенное творчество мордовских сел Среднего Заволжья, Самарской, Оренбургской областей, Татарстана и Башкортостана. Это – плачи, причитания, эпические и лирические песни. Фольклорист собрал более 1200 образцов устного народного поэтического и музыкального творчества, сделал множество записей народных обрядов и верований. Его записи хранятся в Саранске, г.Тарту в Эстонии и в Самаре.

Итогом более чем 100-летнего изучения мордовского народно-поэтического творчества стала публикация антологии «Памятники мордовского народного музыкального искусства» в 3-х томах (1981-1988). Текстологические принципы издания разработаны составителем Н.И.Бояркиным и редактором Е.В.Гиппиусом. Авторский коллектив: Н.И.Бояркин, Л.Б.Бояркина, А.Д.Шуляев, О.Е.Поляков и П.Я.Бардин. Из более чем 3 тысяч единиц музыкального фольклора, зафиксированных экспедициями МНИИЯЛИЭ, в антологии опубликовано около 300 произведений, представляющих типические образцы музыкально-поэтической классики народа. В издание вошли песни и плачи всех жанровых и стилевых видов традиционного искусства: с древнейших календарно-обрядовых до поздней лирической песни. В первом томе опубликованы мокшанские обрядовые песни и плачи междуречья Мокши и Инсара, во втором – мокшанские необрядовые песни междуречья Мокши и Инсара, в третьем – эрзянские обрядовые песни и плачи Заволжья.

«Памятники» ярко отобразили самобытный музыкально-поэтический талант народа.

Долгое время изучение мордовского фольклора ограничивалось преимущественно собиранием и изданием текстового материала. Научное изучение проявлялось только в написании предисловий к сборникам и отдельных статей в газетах и журналах.

Первое монографическое исследование по мордовскому фольклору принадлежит А.И.Маскаеву. Это была вышедшая в 1947 году «Мордовская народная сказка». Здесь автор впервые обобщил результаты собирания мордовских сказок, определил их жанровые разновидности. Особенно ценным является классификация мордовских сказочных сюжетов. При создании этой классификации ученый использовал все печатные тексты, а также рукописные фонды мокшанских и эрзянских сказок.

В 1964 году вышла еще одна монография А.И.Маскаева «Мордовская народная эпическая песня». Она отличается как своим объемом, так и охватом большого круга научных проблем и привлечением огромного количества народно-поэтических произведений. Это исследование явилось итогом многолетней работы ученого по изучению мордовского народного эпоса, определения его социальной природы и особенностей содержания и формы. Именно Маскаевым впервые было выдвинуто положение о небогатырском характере мордовского эпоса.

Фольклористом Л.С.Кавтаськиным написаны такие исследовательские работы как «Творчество современных мордовских сказителей (1951), «Мордовская народная песня» (1957), «Эпические и лиро-эпические песни мордовского народа» (1963).

Исследованию эпических произведений мордовского народа посвятил две своих монографии А.М.Шаронов, много лет занимавшийся данной проблемой. Это: «Мордовский героический эпос: сюжеты и герои» (2001) и «Эрзя, Меря, Русь в историографии России» (2013).

Достаточно подробно исследовала исторические произведения мордвы М.Ф.Ефимова. Этому жанру она посвятила три монографических работы: «Поэтический язык мордовских исторических песен (1968), «Мордовские исторические песни» (1980), «История в песнях» (1991).

В 1980 году выходит работа К.Т.Самородова «Мордовская обрядовая поэзия». В ней автор рассмотрел происхождение и формы бытования мордовской обрядовой поэзии, ее жанры: календарно-обрядовая поэзия, свадебные обряды и песни, похоронные обряды и причеты, а также показал степень изученности проблемы в целом. Автором дан глубокий анализ идейно-тематического содержания, особенностей поэтики обрядовых жанров и их национальной специфики.

В книге «Песни ходят по селеньям» (1976) А.Г.Самошкин систематизировал лирические жанры мордовского фольклора, сделал сравнительно-исторический анализ, раскрыл русско-мордовские фольклорные связи и их влияние на поэтику и стилевое своеобразие необрядовой мордовской народной поэзии. В книге «Сказительские традиции мордвы» (1989) ученый одним из первых мордовских исследователей обратился к выявлению и изучению историко-литературной значимости мордовских поэтов-сказителей конца XIX – начала XX веков. В том числе дан и анализ творчества мордовских сказительниц Е.П.Кривошеевой, Ф.И.Беззубовой и С.М.Люлякиной.

Результатом комплексного исследования мордовского детского фольклора стал ряд публикаций Э.Н.Таракиной. Это – «Мордовский детский фольклор» (1971), «Некоторые мордовско-русские параллели в мордовском детском фольклоре» (1972), «Отражение жизни народа в мордовских колыбельных песнях» (1973), «Бытование мордовских детских колядок» (1975), «Роль фольклора в детском воспитании» (1984).

Основные проблемы исследований Т.П.Девяткиной нашли отражение в монографии «Мокшанские свадебные обряды и песни» (1992), энциклопедия

«Мифология мордвы», впервые осуществленная среди финно-угорских этносов и изданная в 2004 – на английском, в 2008 – на арабском, в 2010 – на эстонском языках. С 1994 года она участвует в проекте по подготовке энциклопедии уральских мифологий (г.Хельсинки).

Итогом исследования народных музыкальных традиций, профессионального и самодеятельного искусства стало создание Л.Б.Бояркиной первой в России национально-региональной энциклопедии «Мордовская музыкальная энциклопедия» (2011).

Собирание, публикация и изучение отдельных жанров мордовского фольклора подготовили почву для создания сводного национального эпоса. 20 ноября 1969 года бюро Мордовского обкома КПСС и Совет Министров Мордовской АССР приняли постановление «Об издании мордовского народного эпоса». 23 февраля 1970 года был утвержден план исследований МНИИЯЛИЭ, в котором работа над мордовским эпосом возлагалась на коллектив сектора фольклора под руководством ведущего мордовского фольклориста А.И.Маскаева. Составителями эпоса были определены Г.Я.Меркушкин, В.В.Горбунов, А.Д.Шуляев. Позднее, на седьмом году работы над эпосом, к основным составителям присоединился А.М.Шаронов.

Работа над мордовским эпосом давалась нелегко и явно затягивалась. Менялись названия: «Тюштя», «Эрямонь идема» («Защита жизни»), «Сын молнии». И только в 1977 году, получив название «Масторава» («Мать земли»), эпос был представлен в трех вариантах (на мокшанском, эрзянском и построчным переводом на русский язык). Все эти тексты были приняты сектором фольклора и представлены на утверждение ученого совета института, который рекомендовал к изданию в трех книгах. Русский перевод правлением Союза писателей Мордовии предложено было доработать. Однако в силу целого ряда причин издание затянулось на годы. Только в 2009 году Мордовское книжное издательство приняло решение опубликовать русский перевод эпоса «Масторава», сделанный одним из наиболее

талантливых поэтов Мордовии В.Ю.Юшкиным. Эта публикация осуществлена по рукописи, датированной 1982 годом. (Худ. В.И.Федюнин. *Масторава, 2012, с.337*).

Мордовский эпос – это гениальное творение ума и сердца народа, это единый взгляд на природу и мир, это художественная летопись жизни и быта. Он неповторим, как неповторим любой народ на земле.

Мордовские фольклористы

Евсевьев (Кобаев)

(Элита, т.1)

Макар

Евсевьевич

М.Е.Евсевьев (18.1.1864, д.Малые Кармалы ныне Ибресинского р-на Чувашской республики – 11.5.1831, г.Казань, 20.2.2004 перезахоронен в г.Саранске), ученый, просветитель, педагог. Профессор (1921), коллежский советник. Окончил Шераутское начальное училище (1876), Казанскую учительскую инородческую семинарию (1883), историко-филологический факультет Казанского университета (1892). С 1892 работал учителем и наставником приготовительного класса Мордовского образцового начального училища при Казанской семинарии. В 1919 вследствие «казанских чисток» был арестован вместе со своими учениками, почти три месяца провел в тюрьме и освобожден был благодаря ходатайству Наркомпроса РСФСР. С 1920 – зав.отделом, научный сотрудник Казанского краеведческого музея. Одновременно преподавал историю и этнографию мордвы, мордовский язык в высших и средних учебных заведениях Казани (Восточная академия, Восточный педагогический институт, Казанский педагогический университет и др.).

В фольклорных экспедициях Евсевьев собрал богатейший материал по устному творчеству мордвы. В конце 1920-х годов издал сборники эрзянских сказок и песен. Собранные Евсевьевым уникальные материалы

публиковались в изданиях Финно-угорского общества (1894, 1980). Научные заслуги Евсевьева получили высокую оценку общественности. Финский ученый П.Равила назвал его «мордовским Лённротом» (1931). Имя Евсевьева присвоено МГПИ, библиотеке и улице г.Саранска. Он был членом Финно-угорского общества РГО, Общества археологии, истории и этнографии, Православного миссионерского общества, членом Комитета по изучению языковых и этнографических культур народов СССР, президентом угро-финской секции Восточно-финского комитета АН СССР. Награжден орденами Св.Станислава и Св.Анны.

Маскаев

(Мордва, с.374)

Андрей

Иванович

А.И.Маскаев (14.8.1907, с.Вязга ныне Теньгушевского р-на РМ – 11.7.1975, г.Саранск), фольклорист, литературовед. Доктор филологических наук (1966), профессор (1967). Заслуженный деятель науки МАССР (1975). Член СП СССР (1940). Участник Великой Отечественной войны. Окончил Мордовский аграрно-педагогический техникум (1929), Саратовский гос.пед.институт (1932). В 1932-33 – зав.учительскими курсами при Саранском гороно; 1933-38 – учитель в Атяшевской школе 2-й ступени, Чамзинской ср. школе; 1938-40 – ст.научный сотрудник по эрзянской литературе и фольклору, 1940-41 – зав.сектором литературы и фольклора, 1945-48 – ст.научный сотрудник, 1948-56 – зав.сектором мордовской литературы и фольклора, 1968-70 – зав.сектором мордовского фольклора МНИИЯЛИЭ; 1956-57 – доцент кафедры мордовских языков и литературы МГПИ; в 1958-66 – декан историко-филологического факультета, доцент кафедры русской и зарубежной литературы, позднее профессор этой кафедры Мордовского госуниверситета.

Всю жизнь посвятил собиранию и изучению устного народного творчества. Как литературовед изучал мордовские сказки и эпические песни,

взаимодействие русско-мордовских фольклорных и литературных традиций. Автор более 50 научных и учебно-методических работ, школьных учебников, хрестоматий и программ, является составителем многих фольклорных сборников. Награжден орденами Трудового Красного Знамени, «Знак Почета», медалями.

Самородов

(Мордва, с.374)

Кирилл

Тимофеевич

К.Т.Самородов (15.4.1910, с.Н.Толковка ныне Ковылкинского р-на РМ – 7.12.1991, г.Саранск), один из основоположников мордовской фольклористики, литературовед, переводчик. Доктор филологических наук (1988). Заслуженный работник культуры МАССР (1985). Лауреат Государственной премии МАССР (1989). Член СП СССР (1964). Почетный член Международной комиссии паремистов. Окончил Саранский пед. техникум (1931), Московский гос. институт истории, философии и литературы им. Н.Г.Чернышевского (1939).

Вся научная деятельность Самородова связана с работой в МНИИЯЛИЭ. Здесь в 1950 году окончил аспирантуру, работал научным сотрудником, заведующим сектором фольклора. Активно занимался исследованием малых фольклорных жанров. Изучал календарную и семейно-обрядовую поэзию. По результатам исследования фольклора издал несколько сборников народного творчества: «Мокшанские пословицы», «Эрзянские пословицы», «Эрзянские сказки», «Мокшанские сказки», «Мордовские загадки» и др. Занимался составлением и текстологической обработкой материалов серии «Устно-поэтическое творчество мордовского народа». Критические статьи Самородова посвящены творчеству мордовских сказителей. Автор 30 школьных и вузовских учебников, хрестоматий и программ по литературе и устному народному творчеству.

Кавтаськин

(Мордва, с.374)

Лука

Семенович

Л.С.Кавтаськин (7.2.1911, с.Большой Толкай ныне Похвистневского р-на Самарской обл. – 21.6.1977, г.Саранск), фольклорист, переводчик, литературовед, критик. Кандидат филологических наук (1953). Заслуженный работник культуры МАССР (1971). Член СП СССР (1948). Участник Великой Отечественной войны. Окончил финно-угорское отделение Ленинградского историко-лингвистического института (1931), МГПИ им. А.И.Полежаева (1939). В 1944-74 – научный сотрудник сектора мордовской литературы и фольклора МНИИЯЛИЭ.

Творческий путь Кавтаськина как фольклориста определился под влиянием богатых устно-поэтических традиций родного села, матери Елизаветы Матвеевны, знатока и исполнительницы произведений фольклора. Регулярную работу по сбору мордовского фольклора он начал в 1934, приняв участие в 1-й фольклорной экспедиции НИИ мордовской культуры. Собранные материалы вошли в его сборник «Эрзянский фольклор» (1937). Кавтаськин исследовал мордовскую необрядовую поэзию, выделив в ней песни мифологического содержания, песни-сказки, баллады, исторические, лиро-эпические, семейно-бытовые, солдатские и детские. Внес значительный вклад в подготовку и издание трудов М.Е.Евсевьева в 5 томах, создание и публикацию серии «Устно-поэтическое творчество мордовского народа». Литературоведческая деятельность ученого во многом связана с исследованием творчества мордовских сказительниц.

Борисов

(Мордва, с.375)

Андрей

Григорьевич

А.Г.Борисов (26.11.1925, с.Сабанчеево ныне Атяшевского р-на РМ – 19.3.1991, г.Саранск), фольклорист, педагог. Доктор филологических наук

(1988), профессор (1990). Участник Великой Отечественной войны. Окончил Козловское пед.училище (1943, ныне Атяшевский р-н), Мордовский гос.университет (1959). В 1964-91 – на кафедре русского языка и литературы, мордовских языков и литературы МГПИ им. М.Е.Евсевьева; ст.преподаватель, доцент, профессор.

Собиратель произведений устного творчества, составитель фольклорных сборников для детей: «Раз, два, три...» (1970, 1971, 1973), «Диво-дивное, чудо-чудное» (1979), «Летят, летят утушки» (1982), «Как волк колядовать ходил» (1983), 6-го тома «Устно-поэтического творчества мордовского народа» (1972).

Ефимова

(Мордва, с.363)

Мария

Федоровна

М.Ф.Ефимова (8.1.1937, пгт.Зубова Поляна ныне Зубово-Полянского р-на РМ), фольклорист, педагог. Кандидат филологических наук (1968), доцент (1973). Окончила Зубово-Полянское пед.училище (1956), Мордовский гос.университет (1961). В 1965-2005 – преподаватель, доцент (с 1970) кафедры финно-угорских литератур университета.

Исследовала проблемы развития мордовской фольклористики и исторический фольклор мордвы: необрядовые песни, проблемы взаимосвязи русско-мордовских фольклорных традиций и литературы; фольклор финно-угорских народов; мордовскую народную балладу. Автор более 50 научных работ, в том числе 8 монографий, учебников, учебных пособий, хрестоматий.

Награждена Почетной грамотой районного Совета депутатов Администрации Ленинского района г.Саранска, дипломом за участие в Республиканской межведомственной выставке литературы, выпускаемой вузами, НИИ и организациями и творческий вклад в совершенствование выпуска ведомственной литературы.

Самошкин

(Мордва, с.375)

Анатолий

Григорьевич

А.Г.Самошкин (26.7.1937, с.Тарханская Потьма ныне Zubovo-Полянского р-на РМ – 23.10.1985, г.Саранск), фольклорист, педагог-методист. Кандидат филологических наук (1965), доцент (1969).

Окончил Мордов. гос.университет (1960). Работал корреспондентом газеты «Мокшень правда», преподавал в МГПИ им. М.Е.Евсевьева и в МГУ им. Н.П.Огарева.

Самошкин внес вклад в соби́рание и изучение малых жанров мордовского фольклора и сказительского творчества. В соавторстве с Н.Видмановым издал сборник «Мордовские частушки» (1962), с Л.С.Кавтаськиным – 5-й том серии «Устно-поэтическое творчество мордовского народа. Частушки». Он – автор и составитель ряда учебников, учебных и методических пособий, программ по литературе и фольклору.

Шуляев

(Мордва, с.375)

Алексей

Дмитриевич

А.Д.Шуляев (28.8.1941, д.Поповка Ширингушского (ныне Zubovo-Полянского) р-на РМ, фольклорист, этнограф. Заслуженный работник культуры РМ (1996). Лауреат Гос.премии МАССР (1990). Член СП России (1993).

Окончил историко-филологический факультет МГУ им.Н.П.Огарева (1964). С 1965 по 1968 год учился в аспирантуре МНИИЯЛИЭ. С 1968 года – старший научный сотрудник сектора фольклора и искусств этого института.

Участвовал в фольклорно-музыкальных, этнографических и комплексных мордовских, финно-мордовских, венгро-мордовских международных экспедициях (1990-1991). Он был участником фольклорных экспедиций по изучению духовной культуры мордовской диаспоры на

территории Армении, Башкортостана, Татарстана, Чувашии, Нижегородской, Оренбургской, Рязанской, Пензенской, Самарской областей. Записи его материалов отличаются бережным отношением к устному народному творчеству. Фольклорист собрал громадное количество фольклорных текстов, описаний обрядов, древних праздников и обычаев родного народа.

Шуляев – автор более 120 работ по проблемам фольклористики, соавтор учебного пособия «Мордовское устное народное творчество», антологии «Памятники мордовского народного музыкального искусства», один из составителей мордовского народного эпоса «Масторава», один из авторов-составителей антологии «Духовное наследие народов Поволжья: живые истоки» (2001), один из авторов хрестоматий народной культуры «Живая память поколений: духовная культура мордвы Zubово-Полянского района» (2009), «Мотивы родной земли: духовная культура жителей Zubово-Полянского района Республики Мордовия» (2012). Во всех своих работах он стремится наглядно продемонстрировать роль и значение традиционной лирики в современной духовной жизни мордовского народа.

Шаронов

(Муз.энц., с.378)

Александр

Маркович

А.М.Шаронов (18.2.1942, с.Шокша ныне Теньгушевского р-на РМ), фольклорист, мифолог. Доктор филологических наук (2002), профессор (2011). Лауреат Гос. премии РМ (1995), Международной книжной выставки-ярмарки (1995), Литературной премии Общества М.А.Кастрена (1997). Член СП России (1999).

Окончил Мордов. гос.университет (1969). С 1973 года работал в МНИИЯЛИЭ мл., ст. научным сотрудником сектора мордовского фольклора, ведущим научным сотрудником отдела филологии и финно-угроведения. В 1979-2000 – ст.преподаватель, доцент МГУ им.Огарева. С 2012 – ст.

сотрудник отдела мониторинга социальных процессов Научного центра мониторинга РМ.

Сфера научных интересов: мордовские исторические песни; русско-мордовские фольклорные отношения. Автор более 280 научных и учебно-методических работ, общественно-политических публикаций, составитель 2-й книги 1 тома серии УПТМН «Исторические песни XVI-XVIII веков», один из составителей мордовского народного эпоса «Масторава». Один из лидеров национального движения (с 1989). Член редколлегии национальных газет и журналов. Член организационных комитетов, делегат 1-го съезда общества «Масторава» (автор его устава), делегат 2-го и 6-го съездов мордовского народа. Награжден медалью «За усердие».

Таракина

(Элита, т.2)

Эльвира

Николаевна

Э.Н.Таракина (2.1.1943. с.Голубцовка ныне Ромодановского р-на РМ), фольклорист, педагог. Кандидат филологических наук (1972), доцент (1987).

Окончила Мордов. гос.университет (1964). С 1969 – мл., ст. научный сотрудник сектора фольклора МНИИЯЛИЭ; в 1981-87 – ст.преподаватель, доцент, в 1987-92 – зав.кафедрой литературы МГПИ им. М.Е.Евсевьева.

Собиратель устного творчества детей в Мордовии, Башкирии, Татарии, Нижегородской обл., Алтайском крае. Таракина – автор разделов вузовского учебного пособия «Мордовское устное народное творчество» (1987) и ряда статей. Подготовила детские книжки «А, сезяка, сезяка, мекс пулынеть кувака» («Ой, сорока, сорока, почему твой хвост длинный») и «Щакай, макста перяка» («Тетя, протяни пирожок»).

Награждена Почетными грамотами Министерства просвещения СССР и ЦК профсоюза работников просвещения, высшей школы и научных учреждений, Гос. Собрания РМ.

Бояркин

(Мордва, с.495)

Николай

Иванович

Н.И.Бояркин (11.3.1947, с.Киржеманы ныне Чамзинского р-на РМ), этномузыколог, дирижер, композитор, педагог. Доктор искусствоведения (1996), профессор (1997). Заслуженный деятель искусства РФ (2008). Заслуженный работник культуры МАССР (1982). Лауреат Гос.премии РМ (1990, 2002), премии Главы РМ (2005, 2008). Член Союза композиторов СССР (1981).

Окончил Саранское музыкальное училище (1966), Казанскую гос.консерваторию (1971). В 1971-72 – дирижер оркестра Дальневосточного военного округа; 1972-74 – преподаватель хоровых дисциплин, художественный руководитель и дирижер симфонического оркестра Саранского музыкального искусства; в 1978-91 – зав.сектором фольклора и искусств в МНИИЯЛИЭ; с 1992 – зав.кафедрой народной музыки Мордовского гос.университета. Внес вклад в развитие финно-угорской этномузыкологии. Являлся организатором и научным руководителем музыкально-фольклорных экспедиций в Республиках Мордовия и Татарстан, Пензенской, Ульяновской, Самарской, Оренбургской, Новосибирской и Томской областях. Автор более 350 научных и учебно-методических работ. Его труды опубликованы в России, Белоруссии, Грузии, Финляндии, Эстонии. По линии Международного совета народной музыки ЮНЕСКО, СК РФ, РАН выступал с докладами, лекциями и мастер-классами в Бельгии, Германии, Голландии, Франции, Швейцарии, Финляндии, Польше, Эстонии.

Награжден дипломом СК России, почетным дипломом Российского авторского общества под патронажем Президента РФ.

Бояркина

(Элита, т.1)

Людмила

Борисовна

Л.Б.Бояркина (10.2.1948, г.Казань), этномузыколог, педагог. Кандидат искусствоведения (1985), доцент (1990). Заслуженный работник культуры РМ (2004). Лауреат Гос.премии МАССР (1990), Всероссийского конкурса Фонда развития отечественного образования РАО (2006).

Окончила Казанское музыкальное училище (1967), Казанскую гос.консерваторию (1972). В 1972-80 – преподаватель Саранского музыкального училища; 1985-91 – зав.кафедрой теории, истории музыки и музыкальных инструментов МГПИ им.М.Е.Евсевьева; в 1991-2000 – доцент, с 2000 – профессор кафедры народной музыки Мордовского гос.университета. Внесла вклад в сохранение мордовской народной музыки. Автор более 300 научных и учебно-методических работ. Организатор и участник музыкально-этнографических экспедиций, читала лекции по музыкальной финно-угристике в учебных заведениях Финляндии и Эстонии.

Седова

(Мордва, с.375)

Лидия

Васильевна

Л.В.Седова (26.2.1948, г.Поворино Поворинского р-на Воронежской обл.), фольклорист, педагог. Кандидат филологических наук (1976), доцент (1992), член-корреспондент МАНПО (1998).

Окончила Мордов. гос.университет (1971), аспирантуру при МНИИЯЛИЭ (1976). В 1977-84 – мл., ст. научный сотрудник сектора фольклора и искусств МНИИЯЛИЭ; 1984-87 – преподаватель МГУ им. Н.П.Огарева; 1987-2004 – ст.преподаватель, доцент, зав.кафедрой филологии (1990-2002) МРИПКРО.

Сфера научных интересов: мордовский фольклор; сказочная проза. Автор более 50 научных и учебно-методических работ, в т.ч. 3 учебных пособий для школ, а также программ и методических рекомендаций. Подготовила и выпустила 8 фольклорных сборников («Мордовские пословицы, поговорки, приметы и загадки: поэтические образцы житейского

опыта» – 2009, «Из глубины веков: легенды, предания, былички и устные рассказы мордовского края» – 2011) и др. Сборник «Легенды и предания мордвы» (1982) в 1992 переведен на японский язык (переводчик Тада Таку).

Отличник народного просвещения (1993). Награждена медалью «Лауреат ВВЦ» (1995), Почетной грамотой Республики Мордовия (2003).

Беляков

(Муз.энц., с32)

Василий

Петрович

В.П.Беляков (1.1.1952, с.Большое Маресево ныне Чамзинского р-на РМ), фольклорист. Кандидат филологических наук (1990). Окончил Мордовский гос.университет (1978). В 1969-70 директор ДК в Б.Маресево. В 1970-72 служил в Советской армии. В 1973 работал на Саранском заводе полупроводниковых изделий. В 1978-81 ст.методист Республиканского научно-методического центра народного творчества и культпросветработы; 1981-92 – мл., ст. научный сотрудник сектора фольклора и искусств, 1998-2004 – ст.научный сотрудник отдела мордовской литературы и народного творчества МНИИЯЛИЭ. В 1992-98 – директор Республиканского центра культуры народов РМ. Участник и руководитель фольклорных экспедиций по изучению духовной культуры мордвы и диаспоры Пензенской, Рязанской, Самарской и Ульяновской областей. Принимает участие в научном проекте «По следам экспедиций финского ученого Х.Паасонена» (Хельсинкский университет). Автор научных статей по проблемам мордовской фольклористики. Зарубежный член финно-угорского общества «Suomalias-ugrilainen seura» (г.Хельсинки; с 1999).

Девяткина

(Элита, т.1)

Татьяна

Петровна

Т.П.Девяткина (8.5.1953, с.Старая Теризморга ныне Старошайговского р-на РМ), фольклорист, мифолог. Доктор филологических наук (1994), профессор (2000). Заслуженный деятель науки РМ (2003).

Окончила Мордовский гос.университет (1975). В 1975-80 – завуч, учитель русского языка и литературы в средних школах № 2, 30 г.Саранска. В 1983-98 – мл., ст., ведущий научный сотрудник сектора фольклора и искусств МНИИЯЛИЭ; 1989-91 – преподаватель, в 1994-96 – профессор кафедры финно-угорской литературы Мордовского гос.университета; с 1997 – профессор кафедры мировой и национальной культуры, с 1999 – литературы МГПИ им. М.Е.Евсевьева (по совместительству). С 1998 – профессор кафедры социально-гуманитарных дисциплин Саранского кооперативного института Российского университета кооперации. В 1992 – стипендиат Шведской королевской АН. В 1994-95 – стипендиат Международного центра по обмену исследователей на кафедре финно-угроведения Хельсинкского университета.

Читала лекции по традиционной культуре, фольклору и мифологии мордвы в университетах Эстонии, Венгрии, Канады, В Словенской академии наук. Автор более 90 научных работ, опубликованных на русском, эрзянском, мокшанском, немецком, эстонском, финском, английском, арабском языках.

Мордовские сказительницы

Кривошеева

(Элита, т.1)

Ефимия

Петровна

Е.П.Кривошеева (1.6.1867, д.Тарасовка ныне Камешкирского р-на Пензенской обл. – 24.6.1936, г.Саранск), сказительница. Одна из зачинателей национального сказительского искусства. Была неграмотной. В молодости считалась хорошей песенницей, в зрелые годы – умелой исполнительницей и знатоком обрядового и необрядового фольклора. Открытие творческого дара

Кривошеевой принадлежит ее сыну, поэту и педагогу И.П.Кривошееву. С 1922 он записывал исполняемые ею произведения. Одно из лучших – «Плач о Кирове», известное под названием «Как мне горе мое выплакать». Она сложила его сразу после сообщения по радио об убийстве 2 декабря 1934 С.М.Кирова, выразив в традиционной форме и манере бытового плача, как личную скорбь, так и переживания всего общества. Другой жанрово-стилевой разновидностью стали сказы: «Помните о прошлом» (1933), «Завещание матери» (1934), «О моей жизни» (1935) и др. Лучшие произведения сказительницы вначале были опубликованы на русском языке в центральных изданиях (газета «Правда», фольклорный сборник «Творчество народов СССР» и др.), затем было издание в Мордовии. Первый сборник «Лайшемат ды морот» («Плачи и песни») был издан в 1937. От Кривошеевой записано более 30 авторских и фольклорных произведений разных жанров.

Беззубова

(Элита, т.1)

Фекла

Игнатъевна

Ф.И.Беззубова (27.9.1880 с.Н.Турдаки ныне Кочкуровского р-на РМ, – 2.5.1966, г.Саранск), народная сказительница. Народная певица МАССР (1940). Член СП СССР (1938). Работала в хозяйстве отца. В 1918 в поисках лучшей жизни с мужем уехали в Сибирь, но вскоре из-за его болезни вернулись в с.Семилей (ныне Кочкуровского р-на РМ). Здесь жила и работала в колхозе до переезда в Саранск (1939).

Унаследовала сказительские традиции от бабушки, которая была известна среди односельчан как хорошая песенница. Впервые поэтическое дарование Беззубовой было оценено в 1936 участниками фольклорной экспедиции НИИ мордовской культуры. Они записали от нее традиционные и авторские сказы и песни. Тогда же произведения сказительницы стали печатать республиканские газеты и журналы. В 1939 вышел сборник

Беззубовой «Народной морот» («Народные песни»). В годы Великой Отечественной войны она сочиняла сказы, песни-призывы, частушки, отразившие патриотическое настроение народа. В составе творческих бригад выезжала на фронт, выступала перед бойцами. Ее последний прижизненный сборник «Сказт ды морот» («Сказы и песни») был издан в 1958. Беззубова – автор 80 импровизаций различных форм и жанров. Ее творчество является одним из наиболее зрелых в мордовском и отечественном искусстве 1930-40 годов. Награждена орденами Трудового Красного Знамени, «Знак Почета».

Люлякина

(Мордва, с.374)

Серафима

Марковна

С.М.Люлякина (29.7.1922, с.Подбельск ныне Похвистневского р-на Самарской обл. – 17.1.1993, г.Саранск, похоронена на родине), сказительница, поэтесса, композитор. Заслуженный работник культуры МАССР (1990). Лауреат Государственной премии МАССР, премии Комсомола Мордовии (1992). Отличник культурного шефства над селом (1985). Внесла большой вклад в развитие мордовской культуры, обогатила песенное искусство республики исполнительским мастерством.

Подлинным учителем Люлякиной была ее бабушка, известная сказительница Самарской губернии, привившая ей любовь к родному языку. Формированию истинно народного творчества поэтессы способствовали богатые фольклорные традиции Бугурусланского уезда (ныне Похвистневский р-н). С раннего детства Люлякина участвовала в сельских, районных, областных смотрах художественной самодеятельности, сочиняла песни. В своем селе организовала хор сельской молодежи. Выступала с концертами на сценах сельских клубов и ДК, на радио и телевидении, в центральном Доме литераторов в г.Москве, Чехословакии, Финляндии, Эстонии.

Люлякина – автор сказов, баллад, сказок, стихов, басен, пьес, загадок, песен, частушек, которые печатались в республиканских газетах, журналах, сборниках, антологиях, выходили отдельными изданиями. Оставила большое рукописное наследие. В 1983 одна из ее книг «Моронь гайть» («Песенный звон») была удостоена диплома 1 степени на Международной книжной выставке. Во многих школах Мордовии созданы музеи и экспозиции, посвященные жизни и творчеству сказительницы. Она – дипломант 1 – 3-го всесоюзных фестивалей народного творчества, Всесоюзного смотра самодеятельности художественного творчества.

Родькина

(Элита, т.2)

Елена

Илларионовна

Е.И.Родькина (20.09.1924, пос.Красная Уржа Старошайговского р-на РМ – 17.2.1980, г.Саранск), мордовская народная певица. Заслуженный работник культуры МАССР (1960). Дипломант Республиканского фестиваля искусств.

Певческие традиции унаследовала от отца. С 12 лет участвовала в художественной самодеятельности, сочиняла песенные тексты. В 1942 году переехала в пос.Красный Мельцанского (ныне Старошайговского) р-на, где организовала женский фольклорный хор, ставший известным пропагандистом фольклорных и личных песен певицы. Хор участвовал в 1948 году в концертах в Москве (Колонный зал Дома союзов, филиал Государственного академического Большого театра Союза ССР, Концертный зал им. П.И.Чайковского), а также в Горьком и др. городах.

Для творчества Родькиной характерны связь с народными традициями фольклорной поэтики, многоголосного стиля; стремление расширить образную сферу народных песен современными темами. Любимый жанр певицы – частушка.

Итак, мордовский народ вплоть до начала XX столетия не имел своей письменности. Несмотря на это, он создал богатое, своеобразное и высокохудожественное творчество, в котором отразились представления народа о мире и человеке, его назначении на земле, идеалах красоты и счастья. И передавались эти творения из поколения в поколение устным путем. Уже со II половины XVIII века в отчетах русских путешественников стали появляться первые сведения о мордовских обрядах. Позднее история, быт и фольклор мордвы стали привлекать внимание и русских писателей, и зарубежных ученых. Целая плеяда мордовских фольклористов, начиная с конца XIX и весь XX век, неустанно собирали, публиковали и исследовали мордовское устно-поэтическое творчество. Все это позволило приступить к созданию национального эпоса. Далеко не все народы имеют свой эпос. Мордовский народный эпос «Масторава» занял достойное место в одном ряду с такими шедеврами мировой культуры, как «Калевала», «Калевипоэг», «Манас», «Олонхо» и другие.

Часть 2. Жанры мордовского фольклора

Жанровый состав устно-поэтического творчества мордвы богат и разнообразен. Народом пройден значительный путь исторического развития, и в творчестве многосторонне отразилась вся его жизнь.

Жанры, входящие в состав мордовского фольклора, различаются между собой по содержанию, структуре, поэтике и функциям. В фольклоре, как и в литературе, употребляются две формы речи — стихотворная и прозаическая. Все стихотворные произведения отличаются соединением слова и напева. Прозаические произведения рассказываются, а не поются. Драматические произведения в фольклоре тоже существуют, но имеют специфические особенности: здесь слово и напев соединяются с действием, которое обычно представляет собой обряд или игру. В мордовском фольклоре нередки промежуточные жанры: лиро-эпические песни, песни-сказки, легендарные предания и т. д.

Несмотря на то, что каждый отдельный жанр имеет свои особенности, им всем свойственны общие черты, которые и объединяют жанры во внутренне связанную систему. Изображение народной жизни, отражение народной психологии и воззрений, выражение народных идеалов и стремлений присущи всем жанрам фольклора.

Каждый жанр имеет свою особую задачу — изображение одной из сторон жизни. Произведения одной группы жанров имеют своим предметом историю народа (исторические песни, предания), другой — труд и быт народа (календарно-обрядовые песни), третьей — семейные и личные отношения (семейно-бытовые песни), четвертой — моральные воззрения народа и его жизненный опыт (пословицы, приметы) и т. д. Но все вместе взятые жанры широко охватывают быт, труд, историю, общественные и личные отношения людей, таким образом, дополняя друг друга.

Для фольклорных жанров характерны простота, краткость, экономичность, сюжетность, поэтизация природы, определенность моральных оценок героев (явно положительных или явно отрицательных).

Понимание фольклорных произведений затрудняется тем, что возникли они давно, и в процессе длительного бытования что-то стерлось из памяти, что-то изменилось, а кое-что было привнесено современностью. Точно датировать произведение трудно, поскольку никто не знает, родилось оно сразу после исторического события или какое-то время спустя.

В формировании и развитии фольклорных жанров происходят сложные процессы взаимовлияния и взаимодействия. Своеобразной формой взаимодействия жанров является включение произведений одного жанра в произведения другого (пословиц, поговорок, детских песенок и загадок в сказки и др.). Длительное сосуществование жанров приводит к переходу одного жанра в другой (устный рассказ может в определенных условиях перейти в предание, а осложнившись легендарными мотивами, – в легенду). Происходит отмирание целых жанров (календарно-обрядовая поэзия, традиционные свадебные причитания) и появляются новые (частушки).

У каждого фольклорного жанра — своя история, свой путь развития. Одни жанры (мифологические песни, сказки, обряды) возникли давно, много веков назад, другие (частушки) — недавно, на рубеже XX века. Одни древние жанры сейчас почти не бытуют, забываются, другие — сохранили лишь свою форму, содержание же совершенно изменилось. В сказках, эпосе, пословицах сохранился значительный мифологический слой, но в каждом отдельном жанре это прослеживается по-разному.

Календарно-обрядовая поэзия

Календарно-обрядовая поэзия составляет самую обширную, самую сложную область обрядовой поэзии мордвы и является наиболее древней по своему происхождению. Возникла она в связи с трудовой практикой и отразила древние языческие взгляды на природу, на хозяйственно-бытовые заботы.

Надо полагать, что первоначально на ранних ступенях родоплеменного строя календарные и другие обряды мордвы совершались всем родом, коллективно и носили общественно-бытовой характер.

В календарно-обрядовой поэзии отражены события природы и общественно-бытовой жизни. У мордвы, как и у других народов мира, в календарно-обрядовой поэзии нашли отражение представления людей родового строя. В тот далекий период человек находился в полной зависимости от природы и был бессильным перед ее непонятными и страшными силами. По его представлениям, все предметы и явления должны были иметь своих духов-хозяев, которых он старался расположить в свою пользу особыми магическими приемами. Повторение по необходимости этих магических действий и слов создавало обрядовую поэзию. Но так как подобные действия и слова совершались каждый раз в определенные календарные дни года, то естественно эта обрядовая поэзия стала календарной.

Каждый календарный праздник совершался мордвой, как и другими земледельческими народами, прежде всего для того, чтобы повлиять на природу, обеспечить хороший урожай, приплод скота, достаток и благополучие в семье.

Вплоть до XX века для руководства общественными молениями и праздниками избирался один из почтенных старцев (озатя — у мокши, покшатя — у эрзи). Избранный озатя или покшатя исполнял свои

обязанности до конца жизни; у него хранились священные штатолы (свечи, ковши, жертвенные ножи и т. д.).

Дошедшие до нас обряды и песни во многом утратили свою прежнюю языческую чистоту. Некоторые из них осложнились элементами христианской религии или же забылись.

Календарно-обрядовая поэзия распадается на ряд циклов: зимний, весенне-летний и осенний.

Зимние календарные обряды и песни

С 24 декабря по 6 января — Святки. Это самое веселое праздничное время для мордвы, когда запасы урожая еще не истощились и много свободного времени.

Святки у мордвы, как и у русских, сопровождались не только обрядами (играми, плясками, гаданиями, ряжением), но и пением определенных песен: колядок, тавусеней. Среди святочных песен мордвы особенно большое место занимали колядки.

Рождественский сочельник по-мордовски назывался *калядань чи* (день коляды). В этот день мордва начинала колядовать. Обычай был довольно распространенным: во многих местностях до самого последнего времени собирать колядные пирожки ходили по домам и колядовали не только дети, но и взрослые.

Обычно колядовали группой. Руководитель при входе в сени отворял все двери, бросал горсть зерен с заклинательными словами: «Тити-пити, курочки, сколько зерен я бросил, пусть столько одоньев будет у вас на гумне». После этого начинали петь колядки.

Святочные гадания у мордвы большей частью сходны с русскими: девушки гадали о суженом, парни — о рекрутстве, взрослые — об урожае.

Вечером под Новый год начинали совершать праздничное моление тавусень в честь покровителя свиней. В день Нового года в каждой семье варили свиную голову, жарили поросят и совершали обряды, которые

сопровождались песнями-тавусень. По своему содержанию и форме песни-тавусень во многом напоминают колядки, исполняются они почти с теми же обрядами, а вместо припева «каляда» употребляется «тавуся». Мордовские песни-тавусень более древнего происхождения, чем колядки.

Весенне-летние календарные обряды и песни

В этот цикл входят песни, посвященные призыву весны; масленичные песни-ивавы; великопостные песни, бытующие в разных районах под разными названиями, в зависимости от их припева; песни вербного воскресенья в честь богини вербы и весеннего ветра, а также песни, посвященные проходам весны.

Весенние обряды и песни направлены на то, чтобы лучше подготовиться к посеву и уходу за новым урожаем, чтобы своевременно провести посев яровых и огородных культур.

Весенний цикл календарной поэзии в мордовских селениях начинался 14 марта (по новому стилю), в день святой Евдокии и продолжался до Петрова дня (12 июля). Этот цикл самый продолжительный. В нем много обрядов, сопровождаемых произведениями, в которых содержатся обращения к божествам и предкам с просьбой богатого урожая.

Мордва совершала религиозно-магические обряды. Пеклись ритуальные пироги в виде птицы, которые назывались «ласточки» или «жаворонки». Когда кликали весну, пироги поднимали на крыши домов, сараев и пели веснянки.

Встреча весны особенно торжественно проходила в дни Масленицы. К этому времени гостившие у своих родных девушки-мордовки возвращались обратно в отцовский дом с пряжей, которую, по обычаю, в течение многих недель пряли. Теперь девушки и женщины готовили пшеничную муку и ежедневно в течение Масленицы пекли блины. Несколько блинов пекли в виде птицы сороки, с ними встречали на пригорке весну, напевая одну из обрядовых песенок.

Двоеверие мордвы особенно ярко сказалось в великопостных обрядах и песнях. Несмотря на Великий пост, продолжавшийся в течение семи недель (от Масленицы до Пасхи), на улицах девушки пели своеобразные веселые песни частушечного типа. Вся молодежь считала своим долгом по вечерам Великого поста обойти все село и перед каждым домом, где есть девушка или парень, пропеть одну или несколько песен (вийанамат, уянамат).

К великопостным весенним песням относятся еще песни вербного воскресенья. Бытование этих песен было связано с особым языческим праздником, который мордва устраивала на вербное воскресенье в честь Вармавы (Вермавы)¹. В древности крестьяне верили в магическую силу вербы, считали, что она обладает живительной силой. После крещения мордвы этот языческий обряд осложнился элементами христианской религии.

Несмотря на то, что христианская церковь запрещала в дни Великого поста все виды увеселений, молодежь мордовских сел почти каждый вечер, даже на страстной неделе, пела песни, которые посвящались житейским событиям и обычаям. Все эти обряды и песни имели хозяйственные цели, были связаны с заботами о весенних полевых работах, о новом урожае и выполняли воспитательную функцию: высмеивали за неумелость в работе ленивцев, воздавали честь умельцам.

Великопостные песни посвящены вопросам общественного и семейного быта, теме труда и любви, но в основе их — воспевание обновляющейся природы. В далеком прошлом исполнение таких песен имело магический смысл, но в конце XIX века он был утерян и песни стали исполняться как увеселительные.

Весенние обряды и песни завершались праздником Троицы, а в первое воскресенье после Троицы народ провожал весну.

Следует отметить, что в календарно-обрядовой поэзии мордвы песни летнего цикла исполнялись очень редко. Да и сами обрядовые моления в течение летней страды проводились реже, чем весной.

Осенние обрядовые песни

Осенний цикл от двух предыдущих отличается тем, что в этот период почти все обрядовые праздники совершались как языческие моления, которые сопровождались пением молитвенных песен (пазморот).

Осенний сезон аграрного календаря мордвы начинался со сбора первых видов урожая, с июля месяца и продолжался до декабря. Все обряды и песнопения распадались на два вида:

- 1) аграрно-общественные, в честь божеств по сбору урожая;
- 2) семейно-бытовые, посвященные покровителям дома, двора и гумна, с выражением просьбы здоровья людям, благополучия скоту и сохранения урожая.

К первому виду относятся моляны: яблочный спас, медовый спас, сельский молян, моление стариков, моление женщин, моление серпа и др. Ко второму — семейные праздники: молян в честь богини двора, молян в честь богини дома и др.

По народным представлениям, Вирява² (мать леса) и Паксява³ (мать поля) будто не всегда охотно расставались со своими дарами. Поэтому перед началом сбора фруктов, овощей и злаков устраивали в честь их моления, обращаясь с просьбой благословить на сбор урожая. Особенно усердно и торжественно эти моления проводились осенью, когда человек уже ощущал результаты своего труда.

Первыми осенними праздниками (озксами) были медовый и яблочный спасы. В конце августа, после посева озимых проводился праздник *озим озкс* (моление озимых) в честь богинь: земли — Модавы⁴, поля — Паксявы, плодородия — Норовавы⁵. Для них после окончания жатвы считали необходимым посвятить специальный обряд *тарваз озкс* (моление серпа).

Паксява, по воззрениям мордвы, жила во ржи. Поэтому каждый хозяин связывал колосья на небольшом клочке земли своего загона, стелил около связки колосьев белое полотенце с хлебом и солью, серпы втыкал в землю, и все садились на последние снопы. Старшая из женщин-жниц благодарила Паксяву за хороший урожай.

В конце октября праздновался всеми селениями большой трехдневный праздник *велень озкс* (широкое моление), посвященный богине полей — Паксяве, богине села — Веляве^б и другим покровителям по поводу окончания всех полевых работ и уже собранного богатого урожая. Это был самый торжественный, многолюдный общественный праздник древней мордвы.

Осенью также торжественно справляли и некоторые семейно-бытовые моления. В начале ноября заканчивался выпас скота, с летнего пастбища скот возвращался домой на зимовку. В связи с этим совершался *кардаз озкс* (моление хлева) — последний праздник осеннего цикла. Жители каждого дома ставили стол посреди своего двора, на нем расставляли разные кушанья, произносили молитвы, обращенные к божеству двора Кардаз-сярко⁷ и содержавшие просьбы о благополучном сохранении и увеличении скота. По окончании моления оставляли кусочки стряпни в хлевах и возвращались домой обедать.

Таким образом, в основе общественных и семейных праздничных обрядов мордвы лежали хозяйственные занятия и земледельческая деятельность. Во всех традиционных праздниках мордовского народа мы ясно видим сочетание христианских элементов с языческими.

Молебнo-заклинательные песни зимних праздников

Колядки и таунсени

Ой, коляда! На краю леса озерко,
Ой, коляда! На берегу озерка сосенка,
Ой, коляда! На сосне кузовок,

Ой, коляда! В кузовочке гнездышко,
Ой, коляда! В гнездышке голубка.
Ой, коляда! Красные сапожки на ногах.
Ой, коляда! Синий тулупчик на ней,
Ой, коляда! Зеленая шапка на голове,
Ой, коляда! Словно позолочен кончик ее клюва.
Ой, коляда! Какая у голубки пища?
Ой, коляда! Желтое зерно, пшеница.
Ой, коляда! Что у голубки за питье?
Ой, коляда! Бьющий родник — ее питье.
Ой, коляда! В сторону села воркует —
Ой, коляда! Чует рождение мальчиков.
Ой, коляда! В сторону поля воркует —
Ой, коляда! Знает об урожае хлебов.
Ой, коляда! Подай-ка, бабушка, пирожок!
Ой, коляда! Чтоб маслом был помазанный,
Ой, коляда! Чтоб по кузовку растекалось.
Ой, коляда! Девушка пригожая Любава,
Ой, коляда! Ходит по зеленому лугу,
Ой, коляда! Расчесывает волосы гребешком,
Ой, коляда! Вышитое платье на ней,
Ой, коляда! Чистый платок на ней,
Ой, коляда! Словно маков цвет ее руця⁸,
Ой, коляда! В кадке пыль покрыла платок,
Ой, коляда! В кадке руця запылилась,
Ой, коляда! Пошла мыть-полоскать.
Ой, коляда! И стирает, и полощет,
Ой, коляда! Словно медное монисто⁹ ее подмосток,
Ой, коляда! Словно серебряная груша ее валец.

Ой, коляда! Белье свое разобрала,
Ой, коляда! На иголке просушила.
Ой, коляда! Дай, бабушка, пирожок!

* * *

Коляда! Произрастающий хлеб да родится,
Коляда! Солома его с оглоблю,
Коляда! Колос его с конец дуги,
Коляда! Зерно его с коляду.
Лупушки-лапушки, давай, молодушка, пирожки.

* * *

Тавуся! Бабушка, отвори, ноги замерзли!
Тавуся! Куда ты, милый, ходил?
Тавуся! Ходил просо смотреть.
Тавуся! Какое, милый, просо?
Тавуся! С яичный желток зерна,
Тавуся! С большой пирог колосья,
Тавуся! С оглоблю стебли,
Тавуся! Лутушки, латушки,
Тавуся! Давай, бабушка, пироги.

Песни весенне-летних праздников

Песни-призывы весны

Жаворонок, птичка,
Весенний легкий ветерок,
Лети ты на широкое наше поле,
Принеси хорошую погоду,
Чтобы хлеб наш уродился,
Чтоб хватило зерна для еды.
Чтоб над нашим наделом
Солнце высоко ходило,

Чтоб над нашей землей
Туча низко проходила.
Принеси с собой песни,
Пусть хлеба высокие будут,
Пусть хозяйка поля пожалеет нас,
От засухи сбережет,
Даст влагу земле,
Накормит нас.
Ласточки, услышьте нас,
Скорее заметьте нас!
Скорее прилетите сюда,
Чтобы часто дожди были,
Чтобы травы много выросло,
Чтобы уродились хлеба.
Жаворонки, услышьте меня.
Спасите от нужды нас!
Накормите голодных,
Оденьте раздетых-разутых,
Безногим дайте ноги,
Немым — речь,
Слепым — зрячие глаза,
Глухим — добрый слух,
Больным — здоровья.

* * *

Жаворонки, услышьте нас,
Скорее заметьте нас!
Мы вот приглашаем вас,
На крышах наших ждем вас,
Хлебом-солью угостим вас,

Добрым словом назовем вас.
Обратно сюда прилетите,
На крыши наши садитесь,
Мы вам еду принесли,
Чтобы вы все склевали,
Желудки свои наполнили,
Зобики свои увеличили.

* * *

Где кукушка куковала?
Где пташка щебетала?
В дальнем лесу, рощице,
Ой, да на первом дереве рощицы,
На первой ветке того дерева,
Да в Соболевском бору.
Ой, на верхушке сосны сидит.
На ветке, уцепившись, держится.
Ой, серая, с крапинками она с виду,
В красные сапоги она обута,
Словно шелковая кисть ее хохолок,
Эй, да словно позолочен ее клюв.
На восток обернувшись, кукует —
Слышно о богатом урожае,
На юг обернувшись, кукует —
О рождении мальчиков слышно,
На запад обернувшись, кукует —
Об уходе девушек слышно.

Песня в честь Ведявы¹⁰

Расстался со мной друг хороший.
Как мне не плакать?

Полный дом детишек,
Полный двор скотины,
Не накормить их, не напоить.
Боюсь, большая вода зальет,
Боюсь, буря разбросает.
На кончиках веток огонь горит.
— Ведява, матушка,
Что плачешь, горюешь,
Много слез льешь?
— Как мне не плакать?
Как мне не горевать?
Ушел мой милый дружок,
По верхушкам деревьев вода течет,
Отпустите меня в текущую воду,
Дядь, купи мне серебряную лодку,
Унесет меня текущая вода,
Унесет меня большая буря.
Не люблю, не терплю
Много рыбок ловящих,
Много рыбы убивающих.
— Ведява, матушка, в большой воде живешь,
Из большой воды выходишь,
По всей земле разливаешься,
Словно серебро идешь,
Словно золото катишься,
Все, что встречаешь, моешь,
Повсюду ты нужна.
Мы сюда пришли,
Руки вымыли,

Белыми платками вытерли.
Чистыми добрыми руками,
С легкими добрыми мыслями
Курочек своих принесли,
Перед тобой положили,
Твое имя помянули.
Моление наше видишь.
Курочек наших возьми,
Слова наши услышь,
Что просим — нам дай,
Чего боимся — обереги.
Кто на тебя упадет,
Кто нехорошо подумает,
Пусть тому плохо не станет,
Пусть не ушибется,
Здоровье у того не отнимай.
Кто тебе поклонится,
Кто к тебе с просьбой обратится,
Того прости, милость прояви,
Прости его ум в голове,
Прости его стан,
Его два видящих глаза,
Два слышащих уха,
Ушиб смой-утри,
Здоровье верни.

Песня в честь Норовавы

Норовава, матушка,
Норовава, кормилица!
Думали твоему имени почести отдать,

Хотели твоему имени почтение отдать.
Сварили бочку пива,
Испекли хлеб-соль,
Поставили праздничный стол,
Постелили скатерть,
Положили хлеб-соль,
Поставили ведро пуре¹¹,
Наполнили пивные кружки,
Зажгли светлые свечи,
Отдали тебе свои поклоны.
С хорошими мыслями кланяемся.
Добрými глазами посмотри,
Посмотри на наш богатый стол,
Посмотри на наше приветствие,
Посмотри с хорошими мыслями.
Почему мы кланялись,
Что мы у тебя просим?
Просим, чтобы хлеб уродился
С толстой соломой, с желтым зерном.
Всевышний Нишке¹², свет-кормилец,
Посмотри на нашу Нороваву,
Пошли на наши хлеба тихий, хороший дождик,
Корням дай влагу, верхушкам — росу.
Заботящийся о нас бог, кормилец,
Посмотри на землю,
Отвори небесные двери.
Пусти тихий, хороший дождик,
Сохрани от сильного ветра, плохого града,
Сохрани хлеба от тех, кто ходит по меже,

Завязывает узелки,
Силы у хлеба отнимает!
Сохрани, бог Нишке, хлеба от горячего ветра,
От уничтожающей ржавчины.
Стой сам за наши хлеба,
Везде, везде, на каждом участке.
Наполни, бог Нишке, наделы скирдами,
Огороды копнами, амбары зернами.
Наполни, помоги,
Дай им прирост,
Заходящим, выходящим,
Пьющим, едящим
Доброго здоровья!
Дай, бог Нишке, кормилец,
Пашущему, боронующему, хлеб сеющему
Силу, здоровье, добро,
Вперед идущее дело.
Что бросим в землю-матушку,
Пусть уродится пригоршнями!
С оглоблю пусть будет солома,
С желток — зерно!
Не умеем мы тебе молиться,
Не переставай кормить нас,
Не переставай делать нам добро.

Молебное песнопение при выходе на весенний сев

Всевышний бог, кормилец!
Мать урожая, богиня урожая!
Что посеяно в землю, уродилось бы,
Поддай, Всевышний бог, кормилец!

Мохнатый корень, широкий лист,
Толстую солому, длинный колос,
Желтое, хорошее, полное зерно!
На листья его подай, Всевышний бог,
Теплую росу, тихий ветерок,
Теплый, частый дождик.
Всевышний бог, кормилец!
Не пусти дурного дождя,
Не пусти дурного ветра,
Не пусти дурного града.
Сохрани, Всевышний бог, кормилец,
От червя, жука, от дурного мороза!
Дай, Всевышний бог, кормилец,
В гумна большие одонья,
В амбары полные сусеки.
Дай пашущим, боронящим
Доброе здоровье,
Добрые успехи в делах.
Пошли ты добрые встречи,
Добрые пожелания,
Соху тянуть хороших лошадей.
Всевышний бог, кормилец!
Уродился бы хлеб повсеместно,
На счастье каждому в семье,
На счастье родственников,
На счастье приходящих нищих.

Вербные песни

В ночь на вербное воскресенье молодежь устраивала особый праздник под названием *вербань салмат* в честь Вермавы, то есть матери вербы.

Молодежь делилась на две половины по протекающей через село речке, и каждая половина проводила праздник отдельно в заранее нанятом доме. Около полуночи накрывалось несколько столов. Перед иконами зажигались свечи. Заранее приглашенная старушка произносила вслух молебную песню — пазморо, просила Вермаву дать девицам и парням здоровья и сохранить от дурной славы, чтобы уродился хлеб, размножился скот. В качестве гостей приходили на праздник и женатые мужчины. После ужина гости проходили между рядами: парни и девицы ветками вербы ударяли их по одному разу.

Перед рассветом молодежь с вербами в руках отправлялась по домам участвовавших на празднике хлестать спящих. Подходя к дому, девицы пели:

Вставай-ка, невестушка, вставай-ка

Широкие ворота отворять,

Девиц — молодич впускать!

Ты не бойся, невестушка!

Вербой мы тебя похлещем,

До другого года здоровья дадим.

Молодушка отпирала ворота, девицы входили в избу и ударяли всех спящих вербой. При этом пели:

О, спите, спите!

Не бойтесь, что проснетесь!

Вербой мы вас похлещем,

До другого года здоровья дадим,

Для хорошего урожая,

Для доброго здоровья.

Потом хлестали вербами скотину в хлевах или перед весенним выгоном, при этом лошадей заклинали:

Каряя (или сивая) любимая лошадь!

Тяжелые работы делающая,

Держи себя справной,
Чтоб ноги были крепкие,
По дорогам и полям ходячие,
Много дел делающие.
Корову заклинали:
Коровушка, молоком кормящая!
Детей растить помощница!
В каждую зиму приноси
По два теленка.
Каждое лето будь молочной —
От души благодарим.

Встреча Пасхи

В первый день Пасхи проводили следующие обряды. Девушки деревни одевались в лучшие свои наряды. Одна из них уходила из деревни на восток и там пряталась. Другие шли с песней к околице, чтобы встретить «Пасху», брали с собой ведро пива. Там они пели песню:

Девушки, девушки,
Боярыни, госпожи,
Зачем мы пришли?
Для того мы пришли,
То нас собрало,
Собрались мы, девушки,
Мы Пасху ждать,
Красивый день скликать.
С какой стороны Пасха придет,
С какой стороны красивый день придет?
Со стороны восхода солнца,
Перед Нишке пазом она была

Красиво одетая,
Хорошо она собратая.
Придет она в белом платье,
На платье — фартук,
Придет она в шелковом платке,
В косах — лента,
Обрадует наше село,
Развеселит поляну нашу.

Как только ведро с пивом ставили на землю, девушки останавливались и запевали новую, быструю песню:

Приходи, приходи, Пасха,
Приходи, приходи, красивый день,
Дочь бога Нишке,
Посланец Высшего бога,
Вот ведро пива,
Наполнена пивная чаша,
Поклонимся тебе в ноги,
Напоим пивом,
На руки тебя возьмем,
В село принесем,
Семь дней продержим,
На восьмой проводим
Снова по зеленому лугу,
Среди красных цветов.

«Пасха» шла навстречу девушкам. Те в свою очередь направлялись к ней с пивом и пели:

Идемте, девушки,
Пасха наша видна,
Идемте, госпожи,

Красивый день наш заметен.

Навстречу ей выйдем,

Чашу пива поднесем,

В ноги ей упадем,

Красивую песню споем,

На руки ее возьмем,

В село принесем,

Развеселит она село наше,

Разукрасит поляну.

«Пасхе» подносили кувшин пива, и все преклоняли колена на мордовский лад (низко садились на корточки, правую ногу отводили назад так, что ее колено было ниже левого, оно, однако, не касалось земли) и пели:

Боярыня Пасха,

Госпожа, госпожа,

Божья посланница,

Всевышнего бога любимица,

Богом послана,

На семь дней отпущена

По земле ходить,

Пуре пить,

Хмельною быть,

Красивые песни петь.

Увидь-ка наши поклоны,

Выпей нашу чашу пива,

За руки наши возьмись-ка,

В село наше идем-ка,

Украшать наше село,

Веселить нашу поляну.

«Пасха» пила из кувшина. Девушки брали ее за руки и возвращались с ней в деревню с песней:

Девушки, боярышни,
Вот дождались мы, кого ждали,
Вот дождались мы радость нашу.
За руки ее мы возьмем,
В село наше приведем.
Село наше обрадуется,
Радуюсь, с песнями встретят нас,
С поклоном встретят нас.

Остальные жители села ожидали на околице. Девушки входили в село и пели:

Радуйся, все село!
Вот теперь пришла, кого мы ждали,
С песней, с пляской мы встретили ее,
За руки мы ее взяли,
В наше село привели,
Обрадует она наше село,
Развеселит нашу поляну.
Со стороны восхода солнца она пришла,
В сторону заката снова уйдет
По зеленому лугу,
По красивым цветам.

Всю пасхальную неделю девушки праздновали и с «Пасхой» ходили из дома в дом.

Песня проводов весны

Весна, весна,
Весна-красавица!
Ты всю землю

Зеленью одела,
Ты всей земле
Тепло принесла!
Провожаем тебя.
Мы встречали тебя
С хлебом-солью,
А обратно провожаем
С сожалением
И сердечностью,
Со словами теплыми.
За тобой теперь
Пришло летечко.
Было бы побольше
Теплых дождичков,
Теплых дождичков,
Летних гроз.
Густых хлебов,
Народились бы в семьях
Умные мальчики.

Молян в честь бога Грома

Бог грома, Илья,
Небесный царь,
На трех огненных конях
По небу едешь,
Молнии загораются от колес,
В левой руке у тебя гром,
В правой руке у тебя дождичек,
Громом прогремишь,
Дождиком пройдешь —

Мать-землю намочишь,
Посеянный хлеб вырастишь,
Голод утолишь,
Жаждущее сердце утолишь.
Вместе мы подумали,
Вместе поговорили.
В одно место пришли молиться,
Кланяться, тебя просить.
Молимся тебе,
Просим у тебя.
Курочек зарезали,
Поклоны отвесили.
Ты поклоны наши увидь,
Молитву нашу услышь,
Курочек наших возьми,
Что просим — дай,
На наши хлеба дай
Тихий хороший дождик,
Тучей ходящий,
Помощь и добро делающий.
Не пускай на землю
Сильный злой град,
Плохое делающий,
Посеянные хлеба ломающий,
К черной земле прибывающий.
Бог Грома, кормилец,
Не заставляй нас голодать,
Не заставляй нас плакать,
Пожалей старых стариков,

У которых силы иссякли,
Пожалей молодых, растущих,
Которые силы набирают.
Принесенное нами возьми,
Что просим — дай нам!

Песнопение в честь Нишке

Всевышний Нишке, свет-кормилец!
Вот пришли к тебе
С молением,
С хлебом-солью,
С чашками, с салмою,
Кланяемся тебе,
С просьбой обращаемся к тебе,
С добрыми мыслями
Обращаемся к тебе,
С добрым сердцем.
Дай на земле-матушке
Урожайного хлеба,
Толстой соломы,
Крупных колосьев.
Вот тебе яйца,
Чтоб с желток было зерно!
Пошли, бог Нишке, кормилец,
На землю-матушку тихий хороший дождик,
Дай хлебам дождика,
Корням — сырости,
Верхушкам — росы.
Охраняй их от сильного ветра,
Сильного града.

Дай, бог Нишке, кормилец,
Пашущему-боронящему, работнику
Доброго здоровья!
Заметь наш поклон.
Услышь нашу молитву!
Со старым хлебом молимся,
Нового дай,
Не переставай кормить нас!
Сколько салмы в миске,
Столько добра нам дай.
Сверху дождичком бы лило (добро),
Снизу родничком бы выходило,
Что мы проживем,
То помоги все возратить!
Всевышний Нишке,
Свет-кормилец,
Не пускай в село тяжелого налога,
Скотине, упряжке
Дай доброго здоровья!
Тяжесть пусть мимо пройдет,
Здоровье в село пусть входит!

Песни осенних молян

Яблочный спас

В конце лета в день яблочного спаса каждый хозяин брал в церковь яблоки, чтобы их освятить. Дома их ставили на стол и произносили следующую молитву:

Праздник спаса,
Бог яблок, кормилец,
Дай нам хорошей жизни.

Каждый день пусть, словно яблоко,
Вкусным будет,
Каждый день пусть, словно яблоко,
Красно пройдет.
Сохрани, спас-батюшка,
Зеленый густой наш сад
От бури-урагана,
От острозубых мышей, зайцев,
Вырасти сладкие яблоки,
Пусть они считаются не по одному,
А мерами, осьминами¹³,
Чтоб хватило их не только для семьи,
А чтоб хватило их и для нищих, калек,
Их сладость чтоб дошла
До родителей, старых дедушек и бабушек.
Всевышний бог, милостивый,
Приди к нашему столу
Сладкие яблоки есть,
Старых людей помянуть,
Здоровье охранять.

Моление при выходе за яблоками

Покровительница леса, Вирява,
По лесу, по чащобе ходящая!
Ты лес знаешь до последнего дерева,
Лес исходила до последней колоды,
В темном лесу твой дом,
Там твое место, житье-бытье,
По лесу, по чащобе ты ходишь —
Ростом с лес делаешься,

Когда из леса ты выходишь —
С травой ты сравниваешься.
По большому лесу когда ходишь —
С деревьями ты одинакова.
Когда по широкому полю ходишь —
С травой ты одинакова.
Когда в лесу крикнешь —
По всему лесу тебя слышно.
Когда в широком поле крикнешь —
По всему полю тебя слышно.
Земля гремит от твоего голоса,
Народ боится твоего шума,
Покровительница леса, Вирява,
Богиня деревьев, колод, кормилица,
Благослови, разреши
Ты в твой лес зайти,
По лесу, чащобе ходить,
Лесные яблоки собирать.
Не дай потерять направление,
Не отнимай сообразительность.
С пустыми руками меняпусти,
С полными выпусти.

Медовый спас

Праздником меда считается второй осенний спас — медовый. К этому дню каждый хозяин готовил мед, который приносили в церковь, чтобы отслужить молебен. Затем каждый в своем доме произносил над ним молебное заклинание — ознома:

Медовый спас, счастливый праздник,
Дай нам сладостной и здоровой жизни.

Пусть будет жизнь наша, словно мед,
Пусть пройдет она сладостно.
Как расцветают на лугу цветы,
Так пусть наша жизнь расцветает.
Как пчелы собирают сладкий мед,
Так пусть в нашем доме
Добро, богатство копится.
Приходи, спас-батюшка,
С нами сладкий мед есть,
Медовое пюре пить,
Пригласи с собой с неба
Святых, ангелов,
Умерших родителей.
Тружениц-пчел
Сохрани от воров-разорителей,
Мороза, стужи и злых глаз.

Молян в честь богини дома, двора

Этот семейный молян проводили также осенью, после уборки урожая, в каждом доме. Резали овцу, ноги и голову варили и клали на стол. Иногда приглашали на молян и родственников. Хозяин или хозяйка молились, произнося следующий вариант озономы:

Хранительница дома, Кудюртава¹⁴, матушка,
Богиня лубка, бревна, кормилица,
Вот тебе зарезали с мягкой шерстью овцу,
Голову, ноги отрезали,
В жаркой печке сварили,
Вытащили стол,
Постелили скатерть,
Зажгли яркие свечи,

Положили хлеб на стол.
Вот тебе праздничный хлеб,
Дай нам здоровья.
Вот тебе чаша пива,
Пошли к нам входящих — выходящих,
Чашу пива пьющих!
Вот горшок каши!
Сколько крупинок в горшке,
Столько добра пусть будет!
Хранительница дома, Юртава¹⁵, матушка,
Храни находящуюся во дворе скотину,
Лошадей для упряжи,
Доящихся коров,
Овец с мягкой шерстью.
Не пускай другую богиню
Скотину портить,
Защищай от злодеев,
От плохо думающих, плохое делающих,
От плохих глаз, плохих мыслей!
Хранительница дома, Кудюртава, матушка,
Храни семью моего дома,
Защищай семью от болезней,
От трудностей, неприятностей.
Дай семье моего дома
Здоровья, успехов в делах!
Что видят глаза,
Пусть то достанут руки!
Что нам понравится,
То дай нам в руки!

От всей души кланяемся,
Добрými глазами посмотри на нас!

Женский молян

Сельский молян,
Родительский молян!
Бог Нишке, Верховный бог,
Дай ты всему селу доброго здоровья!
Сельский молян,
Защити ты село от злых людей,
От недругов,
Дай доброго здоровья во время ходьбы,
Сна и бодрствования, во время вставания, падения.
Дай, Верховный бог, урожайного хлеба,
Толстой соломы, длинного колоса, частого зерна.
На гумна дай частые кучи снопов, высоких скирд.
На ток большие копны, большие клады.
Вот тебе желтые красивые пироги с яйцами
За лошадей, за упряжь.
Вот белые пироги с творогом
За коров, за надой.
Вот чашка с галушками за овец.
Сколько в чашке галушек, родительский молян,
На столько пусть больше станет овечек с серой шерстью.

Свадебная поэзия

Свадебная поэзия мордвы — явление выдающееся и в художественном, и в историко-бытовом отношении. Причитания, созданные мордовскими женщинами, сопоставимы только с наиболее замечательными мировыми достижениями в этом жанре.

Свадьба относится к числу древнейших обрядов, она вобрала в себя ряд экономических, правовых, религиозных и поэтических элементов, объединенных общей тематикой. Свадьбе, как и другим обрядам, свойственна обязательность и устойчивость отдельных сценок и обычаев.

Традиционный свадебный обряд и свадебный фольклор были тесно связаны с бытом старой мордовской деревни, но развивались в зависимости от конкретных исторических условий. Многие обычаи со временем изменялись, стирались, переосмысливались, а зачастую просто получали совершенно иное звучание.

Мордовская свадьба состояла из трех главных этапов: предсвадебный, собственно свадьба и послесвадебный. Вокруг них группируются все остальные обрядовые действия.

Предсвадебный этап — наиболее продолжительный по времени и напряженный. Во-первых, невеста должна сшить себе наряды. Во-вторых, подготовить множество даров. В-третьих, она должна была выучить причитания. В большинстве случаев вся эта подготовка велась постепенно, на протяжении нескольких лет. И все же на предсвадебный этап падало множество забот. Невесте помогали подруги, которые в течение всего предсвадебного этапа неотступно находились с нею.

День свадьбы — второй этап обряда. Самым трогательным и поэтичным моментом является расставание с девичеством и вольной волюшкой. Тема расставания с родными и подругами является вообще одной из центральных и проходит через всю свадьбу. Заключительным эпизодом второго этапа является возвращение поезда с невестой в дом жениха.

Новобрачных у входа в дом встречал «медведь» — переодетая в вывороченную шубу женщина, а при входе молодую осыпали хмелем.

Третий этап — послесвадебный период — менее насыщен обрядами и традиционными сценками и сравнительно устойчив.

У мордвы-эрзи и мордвы-мокши в фольклоре много общего, но имеются и различия, в том числе и в обрядовых традициях. Так, на мокшанской свадьбе основным моментом третьего этапа является наречение молодой, т. е. ей дается новое имя. Обряд этот у мокши сохранялся до последнего времени, у эрзи он был изжит уже в 80-х годах XIX века.

В эрзянской свадьбе, по сравнению с мокшанской, значительно большую роль играли причитания, у мокши более распространенным жанром явились корильные песни-пародии. Большое место в свадебном ритуале занимали песни величальные.

Обряд и песня органически связаны между собой. Передача свадебной поэзии от одного поколения к другому создавала широкие возможности для возникновения множества вариантов. В то же время исполнители стремились не нарушать установившихся традиций. Они очень бережно сохраняли их.

Обычно мастерству исполнения свадебных песен и причитаний девочки начинали готовить себя еще с малолетства. Учили их этому пожилые, знающие женщины — главные передатчицы опыта. Свадебная поэзия формировалась и жила в крестьянской среде. Она насквозь пропитана крестьянским мировоззрением, в ней отражен быт старой мордовской деревни.

Предсвадебный период

Сватовство

Когда парню исполнялось 17 — 18 лет, родители говорили ему: «Пора жениться». Невесту искали очень тщательно, перебирали до семи поколений ее родственников.

Каждый участник сватовства обматывал себя (под шубой) белыми нитками или лентой, что означало верный, чистый путь. Иногда под пятку в лапоть клали монету. Это делалось для того, чтобы сватовство было удачным.

Придя в дом невесты, на стол ставился кошель с хлебом, сваха садилась на лавку, обязательно под матицу, что сразу говорило о цели ее прихода. Если достигалось согласие с родителями невесты, то приходили родители жениха. Они приносили с собой каравай хлеба, бутылку водки. Перед уходом из дома невесты сваты разрезали пополам хлеб здоровья. Половину хлеба брали с собой родители жениха, вторую — родители невесты. Это означало, что сватовство состоялось и возврата не будет.

Невеста, узнав о сватовстве, как бы ошеломленная этим, причитывала:

Ох, матушка родимая!

Ох, матушка-кормилица!

Видно, дом твой стал теснее,

Видно, семья твоя увеличилась,

Видно, из детей я одна лишняя,

Из детей твоих одна я мешаю тебе!

При светло горящей свече,

При свечном дыме

Силе губанской¹⁶ обещала меня отдать,

Дружине ногайской рассказала обо мне.

За стакан вина пропила меня,

За кусок хлеба проела меня.

На веки вечные обрела меня

В нелюбимой семье жить,

Множество упреков терпеть,

Каждому угождать.

Запой

В запове участвуют родственники с обеих сторон. От жениха — самые близкие родные: мать, отец, крестный отец, крестная мать, дядя. Со стороны невесты — даже самые дальние родные и соседи. Сам жених не присутствует.

До заповя, т. е. перед тем как сесть за стол, на стол ставят горшочек с двумя горящими лучинами. Это, как объясняют сами исполнители, для того чтобы сердца молодых горели всю жизнь ярко и пылко, словно этот сверкающий огонь.

Затем оба свата берут шубные рукавицы и бьют по рукам, что означает окончательный договор обо всем. Во время пира происходит одаривание невесты.

Сваха преподносит невесте подарки от родственников жениха. Первый подарок от крестной матери. Сваха при этом приговаривает:

Этот подарок прислала
Молодого Василия (имя жениха)
Крестная мать, матушка,
Давшая красивое имечко,
Державшая тяжелое тельце!
За этот подарочек
Прошу длинную до пят рубашечку
С длинными до пальцев рукавами.

Дарит подарок жениха:

Молодая голубушка Анна!
Красивая голубушка Анна!
Это дарит,
Ох, молодое дитятко мое,
Ох, сын мой красавчик.
Ходил он в град-городок,

Все лавки обошел он,
Все полки с товарами просмотрел.
Задумал он купить товар
Такой, что светится без солнца,
Такой, что колеблется без ветра.
Не нашел такого он,
Не купил такого он.
И этот подарок прислал он,
Чтобы вам долго жить,
Чтобы долго вместе быть,
Чтобы были ласковы,
Чтобы были общие думы.

Обычно невеста до трех раз возвращает подарок жениха. Сваха отвечает:

Не отбрасывай, голубушка,
Не отбрасывай, сестреночка.
Пусть понравится тебе (подарок),
Пусть придется по душе тебе.
Прислан, чтобы понравился,
Куплен, чтобы пришелся по душе.
Возьми-ка его ты в руки,
Приложи-ка его ты к сердцу!

Невеста принимает подарки. После этого все гости, кроме невесты, едут кататься по селу. Невеста причитает.

Причитания на заре

С этого времени невеста приступала к подготовке нарядов. Отныне и до дня свадьбы невеста всегда находилась в окружении своих подруг. Они готовили наряды, вышивали полотенца, шили рукава¹⁷, женские рубашки, помогали невесте в разучивании причитаний.

За три дня до свадьбы начинаются причитания невесты на заре:

Что делается с моим сердцем?

Чему я так рада?

Или уже нет

На сердце у меня горюшка сердечного,

В головушке боли головной,

Ух, не болезнью ли я заболела...

Потом невеста обращается к Юртаве — хранительнице дома, причитывая:

...Хранительница двора, матушка!

Не пугайся ты голоса рыдающей,

Не страшись ты крика погибающей! Ух, ух, ух!

Не о тебе недобрый

Голос этот испустила я.

Не о тебе недобрые

Слова эти говорю я!

Ох, мне быть

Из дому уходящей.

Ох, мне быть

Разрушающей гнездо,

Оставляющей место свое!

Ох, мне быть

Покидающей дом свой,

Оставляющей семью свою!

Ух, мне быть

Из дому уходящей.

Ух, мне быть

Ласточкой, покидающей крышу,

Голубкой, оставляющей двор.

Ух, мне быть

Дятлом, оставляющим соседей,

Жаворонком, оставляющим село!

Ух, мне быть

Кукушкой, покидающей лес!

Ух, мне быть

Соловьем, бросающим луг!

Ух, мне быть

Осой, покидающей поле!

Ух, мне быть

Бабочкой, покидающей цветок!

Ох, сама я буду

Тающей, словно масло,

Исчезающей, как масляный дым! Ух, ух, ух!

Далее невеста обращается к матери, брату, подругам. Причитания на заре продолжаются три-четыре утра.

Приготовление нарядов

В доме невесты собирались подруги. Группа девушек подходила к невесте, кланялась ей и при этом пела русскую песню:

Гуляй, гуляй, девица!

Гуляй, красавица!

Пока ль волюшка своя,

Не покрыта голова.

Покроют головушку,

Наложат заботушку,

Чужие отцы-матери

Без вины журят-бранят,

Без виновности бить велят,

Утром рано вставать велят.

Невеста отвечала, причитывая:

Боярышни-подруженьки мои!

Молодые, красивые голубушки мои!
Ух, зачем кладете вы земные поклоны?
Не богом Нишке данное я дитяtko,
Не богом посланное чадо я,
Не раздаю я счастье.
Поклонитесь-ка вы богу Нишке,
Он даст вам счастья,
Он судьбу вам предскажет.
Хозяюшки-голубушки мои!
Молодые, красивые голубушки мои!
Понапрасну не пойте красивую песню!
Не пойду я с вами,
Словно медный гребень, в зеленый лес,
На зеленый, красивый лужок
Красивые песни петь,
Словечки ясные говорить,
Шутки-басни сказывать,
Думу одну думать ...

Затем подружки невесты (13 — 15 человек) шли к жениху — печурки смотреть. Здесь их угощали, и это продолжалось до позднего вечера. Мать и невеста к жениху не ходили.

В доме жениха исполнялось множество самых различных песен, как свадебных, так и обычных. После вечера в доме жениха девушки уходили к невесте. Жених посылал с ними веник и мыло для предстоящей бани.

Печение пирогов в доме жениха

Печение пирогов происходило в доме жениха накануне свадебного дня. Приглашались обычно близкие родственники (три — пять человек), которые приносили чашку муки и столько же пшена.

Печению пирогов придавалось исключительное значение, оно совершалось в торжественной обстановке. Накануне в доме жениха приглашенные женщины творили тесто. При этом все делалось тоже в определенном порядке: три раза насыпали муку, три раза наливали воду, три раза подсаливали тесто и столько же раз обходили вокруг него. В день печения пирогов стряпухи ставили стол посреди избы, а на него — квашню. Присутствующие зажигали две свечи и обходили с ними вокруг теста, чтобы предупредить возможное колдовство.

Сваха, стоя перед присутствующими, спрашивает благословения Нишке:

Благослови, бог Нишке!

Пусть голос мой будет хороший,

Пусть слова будут обильными!

Пусть не обрывается час,

Пусть не обрывается два

Голос мой,

Пусть не иссякают слова мои обильные!

Далее обращается она к хранительнице дома:

Хранительница дома, матушка!

Не пугайся моего голоса непривычного,

Не страшайся моего крика неслыханного!

Не для дурного голосом причитываю,

Не на беду словечки эти сказываю.

На радость голосом причитываю,

На радость слова эти сказываю.

Жду я, что в дом мой

Войдет еще один человек,

Жду я в свою семью прибавленьице!

Далее сваха обращается к стряпухам со словами:

Стряпухи мои из рода хорошего!
Золовки-голубушки мои!
Берите-ка сито частое,
Примитесь-ка вы да за Нороваву.
Не затевайте тесто без закваски,
Не месите вы тесто жесткое.
Маслянистее замесите вы,
Посдобнее испеките вы!
Я ведь пойду с Норовом
К чужому роду-племени.
Чтоб мне не было совестно,
Чтоб не упрекали меня.
Золушки-подруженьки мои!
Сношеньки-сестрички мои!
Уж как будете, голубушки, в печку жаркую
Хлебушко сажать –
При этом произнесите-ка:
«Хранительница печи, матушка!
Не обжигай ты низ,
Не высушивай ты верх!
Пусть будет (хлеб) белый, как сахар,
Пусть будет вкусный, словно орех».
Я как пойду в чужую сторону,
Я как приду к сватушке:
У него собрана вся родня,
Приглашены все сношеньки!
Пусть понравится им,
Пусть покажется им!

Стряпухи поют в честь богини плодородия Норовавы.

Когда пирог испечется, стряпухи украшают его. Обычно в курник-пирог втыкали сосновую ветку, а рядом ставили двух испеченных из теста голубей, символизирующих жениха и невесту.

Невестина баня

Накануне дня свадьбы невеста моется в бане. Обряд этот принято называть баней девичества (невестина баня). Прежде чем идти в баню, подруги расплетают невесте косу, что приводит ее в отчаяние. Наконец, она в сопровождении подруг уходит в баню. Идет медленно, с остановками, и причитывает:

Что творится с моим сердцем,
Чему я так рада?
Или больше нет (в это время)
На сердце у меня горюшка сердечного,
В головушке боли головной?
Хоть была я сироткой,
Хоть была я несчастной,
И то столько не было
На сердце горя сердечного,
И то столько не было
В головушке боли головной.
А теперь накликала я на себя
Горюшко сердечное,
Навлекла я на себя
Боль головную ...

При выходе из дома невеста причитает:

Хранительница двора, матушка!
Не пугайся голоса рыдающей,
Не страшись крика погибающей.
Голосом завываю я,

Не о тебе недобрые
Слова эти говорю я.
О своем девичестве,
О вольной волюшке своей
Голошу я,
Жизнь свою оплакиваю,
О своей головушке рыдаю.
Не тебе, хранительница двора, матушка,
Из дому уходить,
Из семьи отделиться.
Не тебе разрушать гнездо,
Оставлять место насиженное.
Из семьи отделяющейся,
Мне быть
Разрушительницей гнезда,
Оставлять место насиженное.
Мне быть
Голубкой, бросающей сарай.
Мне быть
Ласточкой, покидающей крышу.
Мне быть
Дятлом, оставляющим соседей.
Мне быть
Жаворонком, покидающим село.
Мне быть
Кукушкой, оставляющей лес.
Мне быть
Соловьем, бросающим сад.
Мне быть

Осой, бросающей поля,
Бабочкой, покидающей цветы.
Сама я буду лучиной гореть,
Словно дым, исчезать!

Невеста медленно, с остановками, приближается к бане, где ожидают подруги, истопившие ее. Перед невестой закрывают дверь бани и не открывают до тех пор, пока невеста не скажет имени своего будущего мужа. Вместе с тем невеста перед входом в баню причитает:

Хранительница бани, матушка!
Хранительница бани, серебряная!
Прямые, словно скалки, бревна твои,
Как зеленый шелк, мох твой,
По обе стороны окна твои.
У одного окошечка разую я
Свои, словно витые, ноженьки.
На другое положу я
Две шелковые рубашечки.
Хранительница бани, матушка!
Хранительница бани, серебряная!
Перед тем, как я войду,
Выпусти-ка зеленый дымок
Поверху по-над потолком.
Развей ты свой пепел
Понизу по-над полом.
Тихий пар оставь-ка свой
Ты в теплой банюшке!
Оттого прошу я,
Хранительница бани, матушка,
Много у меня горя сердечного,

Много у меня боли головной!

Ох, нету сил, чтоб себя одеть,

Ох, не сумею я свою

Головушку покрыть! Ух, ух, ух!

Входит в баню. Вместе с ней входят две-три девушки. Здесь невеста с подругами гадают: на горячие камни плещет три раза по кружке воды, чтобы узнать характер жениха. Если пар сильно зашипит — жених сердитый, слабо — покладистый, учтивый и любящий. Остальные ждут в предбаннике и поют песню, предвещая приближение жениха:

Откуда, откуда этот парень?

Откуда этот молодец?

Красивая рубашечка на нем,

Красивым шелковым поясом он опоясан,

Блестит конь его,

Светится конь его!

Хороший молодец дорогу ищет,

Добрый парень дорогу спрашивает.

Кого, кого он ищет,

Кого, кого он спрашивает?

Хорошую Анну ищет он,

Красивую Анну спрашивает он!

После бани, одевшись, невеста начинает причитывать:

Спасибо, хранительница бани, матушка!

Спасибо, хранительница бани, серебряная!

За мягкий шелковый веничек!

Спасибо за тихий пар твой,

Спасибо за серебряную да золотую воду!

Я думала — дашь облегченьце

Да развеселишь мое личико.

Но я не получила облегчения,
Ух, не повеселело лицо мое,
Ух, не причесала головушку свою,
Не заплела свою косыньку!
Невесту наряжают в руцю и накрывают фатой.

Заплетание косы

Заплетание косы — завершающий этап предсвадебного периода. Заплетание косы — один из наиболее трогательных моментов свадьбы, рубеж между девичьей жизнью и замужеством. Невеста плачет, сокрушается. Обращается к матери:

Ух, матушка-кормилица!
Рассмотри-ка, рассмотри меня,
Пока еще девичество-волюшка моя,
Пока красивы золотистые волосики.
Погоди-ка вырву, матушка,
Красивый золотистый волосок,
Желтый золотистый волосочек.
Как корни волос болят,
Пусть так болит за меня сердечко твое.
Как корни волос причиняют щемящую боль,
Ух, пусть так щемит сердце твое!..

Суть расставания состоит в том, что невеста отдает кольцо с лентой и клоком волос незамужней подруге или младшей сестре. Девушка, получившая этот «символ», обязана достойно соблюдать наказ невесты.

Невеста обращается к своему девичеству:

Ух, девичество мое, волюшка моя!
Ух, боярышничество мое, доброта моя!
Что же мне теперь делать,
Уж куда мне пойти?

Куда я теперь дену тебя, девичество мое?
Проводила бы тебя под крышу кормильца-батюшки,
Да крыша плохая у него.
Проводила бы тебя я зимним днем
По снежной зимней дороге —
Зимний день короток,
Зимняя дорожка узка.
Она узка и занесена (снегом),
Боюсь навстречу идущих.
А еще больше боюсь сзади едущих!
Уж да они могут задеть кончиком оглобли тебя,
Могут санями сбить тебя!
Ух, как бы не сбили с дороги,
Как бы не закопали в сугробе!
Отправила б тебя летним днем,
По хорошей летней дороге —
Летний день долог,
Летняя дорога широка.
Хоть широка дороженька, но она пыльная,
Запылятся твои
Красиво обутые ноженьки,
Лапти твои, словно казанские коты¹⁸.
Проводила бы тебя в гору —
На горе много мелких камешков,
Много сухой травы,
Износятся твои, словно казанские коты, лапти.
Отправила б тебя в огород,
Меж кусточков вишни —
Изорвется твоя как маков цвет рубашечка!

Погоди-ка, отправлю я тебя, девичество мое,
По длинной шелковой дороженьке,
По серебряному, словно блюдце, полю,
Вдоль больших оврагов и гор,
Посреди красивой поляны.
Пусть на том месте будет
Поставлена серебряная скамеечка.
Садись-ка ты на ту лавочку,
Девичество мое!
Вольная, превольная жизнь моя

Сноха заплетает косу невесте и рассказывает о замужней жизни, о жизни в чужих людях.

День свадьбы

Сбор поезжан

В доме жениха накануне свадьбы собирались его друзья, товарищи и сверстники. Они мылись в бане и угощались, договаривались о составе поезда. Жених за невестой не ездил. Он обычно ждал невесту в церкви. Поезжане собирались в доме жениха рано утром, в два-три часа ночи. Перед отъездом поезда их угощали и слегка мазали каждому поезжанину голову маслом.

Перед выездом поезда женщины и девушки, присутствующие на свадьбе, величали каждого поезжанина:

Хороший наш барин-сватушка!
Добрый хозяин наш сватушка!
Куда собирается наш сватушка,
Куда снаряжается наш хозяин?
На красивое дело он собирается,
На доброе дело он отправляется.
Во что одевается наш сватушка,

Во что наряжается наш дядюшка?

В шелк, бархат (одевается он),

Новый шерстяной кушак,

Сапожки на высоких каблучках,

Шапка как у подрядчика.

Иди-ка ты поближе,

Встань-ка ты перед нами!

Будьте ласковыми,

Пусть бог Нишке даст вам

Словечки ясные.

Ногайцами назовут вас,

Пусть покажется — боярами,

Ногайцами назовут вас,

А вы этому радуйтесь.

Потом величали сваху (мать жениха):

Боярыня-свахонька!

Подходи-ка ты поближе,

Встань-ка ты передо мной!

Маслом виски помажем.

Пусть Нишке позволит вам

Ласковые словечки найти!

Так же величают каждого поезжанина в отдельности. После этого сваха поворачивается на восток, кланяется и говорит:

Благослови, бог Нишке,

Чтобы голос был звонкий,

Словечки ясные.

Пусть целый день тянется голосочек мой,

Пусть целый день не кончатся слова мои.

На красивое дело иду я,

На доброе дело собираюсь я.

Кланяется в землю и обращается к хранительнице дома.

Приезд свадебного поезда к невесте

Рано утром свадебный поезд жениха приезжал в дом невесты. Услышав звон колокольчика, подружки невесты быстро закрывали ворота и становились у дверей, чтобы загородить путь поезжанам. Свадебный поезд останавливался у ворот. В это время девушки, подружки невесты, пели свои пародии, в которых высмеивали поезжан:

Вечером вышли мы на улицу:

Кардаз сярко плачет.

Утром мы вышли во двор:

Кардаз сярко смеется.

Ждали поезжан — приехали,

Ждали поезжан — пожаловали,

Знающий скажет:

«Это городские бояре!»

Незнающий скажет:

«Это ногайцы из богатого села!»

Славные бояре, поезжане!

Добрые хозяева, сватья!

Где свое времечко провели,

Где свою порушку вы коротали?

По селам ходили,

Добрую одежду собирали.

У поезжан гладки головы,

На них чужая одежда.

Где ехали эти поезжане,

Где скакали эти сватья?

Ехали по оврагам и балкам,

Между хлебными копнами.

От них хлебом пахнет,

Звон денежный раздаётся!

Девушки получают деньги — ворота открываются и поезжане входят в избу. При входе девушки снимают с поезжан шапки, прячут, украшают их, а потом требуют за них выкуп. Невеста в это время сидит на передней скамеечке, опустив голову, рыдает. Когда увидит поезжан, прячется в чулан. Поезжане во главе со свахой входят в дом. Сваха кладет на стол свадебный пирог и поет:

Мы и высокие, мы и широкие,

Мы и ветвистые, разветвистые,

Словно липовые деревья!

Где-то есть у меня

Хороший боярин-сватушка мой,

Боярыня-свахонька моя?

Вдоль большого леса мы ехали,

Дерево по дереву пересчитывали,

По два, по два перебирали.

Все выходит попарно,

Все получается четно.

Не нашли мы, что срубить,

Не нашли мы, что взять.

По лужку мы прошли,

Цветки пересчитывали.

Все получается попарно,

Все выходит четно.

Не нашли мы среди них лишнего,

Не нашли мы, что сорвать!

По селу мы прошли,

Все дома пересчитали мы,
Все семьи пересмотрели.
У всех ворота закрыты,
У всех двери заперты!

Девушки садятся за стол и требуют от поезжан выкупа.

Добрый боярин наш, сватушка!
Боярыня наша, свахонька!
Подойди-ка ты поближе,
Выходи-ка вперед.
Вынимайте-ка вы, выкладывайте
Из карманов кошелечки.
Не просим мы сотню,
Не требуем мы две.
Меди — горсточку,
Серебра — щепоточку,
Золота — на кончике ноготков,
Хоть листочек бумажных денег!

Упрямого поезжанина, который не одаривает девушек, укоряют:

Прежде чем ехать сюда,
Ты, наверное, кошачье стадо пас,
На печи сидел,
«Брысь-брысь» кричал
Да в пастушью суму гроши собирал.
Но все-таки надо одарить боярышень-девушек,
Но все-таки надо одарить хозяйюшек-девушек!

Если он по-прежнему упрямится, то добавляют:

Младшие поезжане-чертенята,
Неоближенные вы ягнята!

Узнавание невесты

Невеста и группа девушек садятся за стол, накрываются фатой и вытягивают руки. Нужно узнать невесту. Невесту одаривают деньгами. Если не угадали — одаривают девушку, на которую указали.

Обряжание невесты

Обувание в лапти, привезенные свахой от жениха, символизировало подчинение мужу. Поэтому невеста сопротивляется, борется за свою вольную волюшку. Но приходит время подчиниться.

Сначала обувают невесту. Далее невеста обращается к хранительнице дома:

Хранительница двора, матушка,
Хранительница дома, кормилица!
Подуй-ка ты, подуй,
Скрой-ка ты следы моих ног,
Чтоб не нашли меня поезжане,
Чтоб не нашли меня ногайцы!

Катание по селу

Кататься по селу едут один-два парня, невеста и пять — семь ее подруг. При этом очень важным считалось не допустить к невесте чужого человека, уберечь ее от колдовских чар. По старинным представлениям, невеста в период свадьбы — беззащитное существо: колдуны и злые люди всячески стремятся навредить ей. Невесту покрывают фатой, а сваха незаметно втыкала в спину зипуна иголку, чтобы уберечь невесту от злых духов.

Невеста, поехавшая кататься вместе с подругами, делает несколько остановок. В центре села она причитает:

...Остановите-ка, остановите
На месте моего боярышничества,
Много раз сюда приходила я
Во время недельных праздников,
Во время недельных радостей,

Много плясала я и пела,
Много шутила, говорила я.
Стояла я — под ногами снег таял!
Во время летних денечков
Стояла я — лужа под ногами сохла!

Невеста отдает прощальный поклон в сторону кладбища и возвращается домой. Ее встречают мать и другие участники свадьбы.

Укладка сундука

Невеста принимает участие в укладке вещей и при этом причитает:

Ух, матушка-хранительница!
Пойдемте-ка, пойдем
Общее добро делить,
Ай, не прошу я, матушка,
У тебя скотинушки.
Не прошу я, кормилица,
У тебя целого дома,
Готового, построенного сарая!
Не прошу я, родная,
Земли пахотной,
Посеянного, выращенного хлеба,
Не прошу я, кормилица,
Из двора твоего скотинушки,
Упряжки лошадей,
Дойной коровушки!
Не прошу я
Овечки с шелковыми кудрями!..

Сваха подбадривает невесту:

Молодая голубушка Анна!
Не плачь, голубушка,

Не плачь, сношенька!
Мы берем тебя в семью свою
Дитем своим!
Мы тоже живем в доме,
Мы тоже ходим в двери,
Мы тоже смотрим в окно,
Мы тоже едим хлеб,
Мы тоже пьем воду.
Ты не плачь, сношенька, не плачь!
Нет у меня лишней работушки,
Нет у меня лишней заботушки,
Нет, не пошлю тебя, сношенька,
Тяжелую воду носить:
Ведро мои сами катятся.
Коромысло мое идет само, запинаясь,
Дрова мои сами в дом идут,
Веник мой сам по полу ходит,
Пыль с полу сам подметает!

Угощение гостей

После укладки сундука невесты участники свадьбы садятся за стол. Сначала угощаются поезжане. Им на стол подается пирог, который они должны выкупить. Каждый поезжанин кладет определенную сумму денег на пирог. За столом поют разные веселые песни.

Невеста сидит пригорюнившись, с заплаканными глазами. Она накрыта фатой. Родные успокаивают ее. После поезжан за стол садится невеста и с ней все ее подруги, а также другие ее родственники. Сноха снимает с невесты фату и надевает на голову панго — женский головной убор.

Раздача даров

Невеста встает у стола, рядом с ней на скамейке лежат приготовленные подарки. Первый подарок она вручает своему брату. При этом причитает:

Братушка — отцовское сердце мое!

Стыжусь я подойти к тебе поближе,

Боюсь я встать с тобой рядом.

Не стыжусь я, братушка,

Своего плохого вида.

А стыжусь я, братушка,

Плохого подарка своего!

Я сама знаю, братушка,

Не такой подарок нужен,

Не так должно быть!..

Затем невеста подходит к своей матери, кланяется ей в ноги и причитает:

Ух, матушка родимая!

Этот подарочек дарю я

За то, что вырастила меня,

За то, что в люльке качала,

Когда я была маленькой,

Когда я росла,

Не знала ты сна и покоя,

Не знала дневного отдыха!

Уставали твои ноженьки,

Уставали твои рученьки.

Ух, матушка-кормилица!

Ух, родимая кормилица!

Не жалуйся, не жалуйся.

После раздачи даров ближним родственникам невеста одаривает крестных мать и отца, сноху, свекра и свекровь, а также остальных сородичей.

Благословение

По окончании раздачи даров начинается последний этап свадьбы в доме невесты — напутствие родителей. Мать разрешает дочери назвать свекра и свекровь «отцом», «матерью», но невеста в родном доме назвать их так не решается. Она обращается к ним:

Чужой дядя, дядюшка!
Чужая сноха, сношенька!
Коль любя берете меня,
Коль вы с желанием берете меня
В свою семейку членом семьи,
Среди детей дитем своим —
Взгляните-ка ласково,
Развеселите-ка личики свои.
Возьмите-ка из моих рук
Мою благословенную хорошую икону!

Затем наступает последний момент. Невеста навсегда прощается с родительским домом. Она идет от матери к двери, прощается с каждым углом, со всеми присутствующими по старшинству:

Ух, видно, правда, я ухожу,
Ух, видно, правда, я отделяюсь!
Ух, сколько ни пробыла — придется уходить,
Сколько ни задерживалась бы — придется отделиться.
Наступил назначенный день,
Наступил обещанный час!
Последний часок я здесь провожу,
Последние минуты я пребываю.

Отъезд поезда в дом жениха

Двое молодых парней, родственники невесты, берут ее на руки и сажают в сани. Свадебный поезд направляется в церковь. Перед отъездом

сваха три раза обходит поезд с горящими лучинками и чашкой воды в руках. Свадебный поезд провожают с шумом, кричат, стреляют из ружей, бьют в корчаги¹⁹ и в заслонки палками и т. д., чтобы изгнать все неприятное.

Потом сваха садится на передние сани и быстро трогает коней. Невеста со своими урьвалями²⁰ и подругами едет на второй паре.

Поезд подъезжает к церкви, где целый день родственники жениха с крестной матерью ждали невесту. В церкви молодые становятся на разостланный платок, каждый из них стремится стать на него первым.

Приезд поезда в дом жениха

После венчания все направляются в дом жениха. Поезд останавливается у ворот. Одна из женщин выходит в вывороченной наизнанку шубе, в руках сковорода и хмель. Молодых осыпают хмелем, а сковороду кладут под ноги молодой. Она должна оттолкнуть ее ногами. Это делается для того, чтобы узнать характер невесты, если оттолкнет далеко — сердитая, осторожно отодвинет — покладистая. Стряпухи бросают под ноги молодых овес и хмель, чтобы молодые жили богато и весело.

Невеста в дом жениха привозит горсть земли, взятой из своего дома, и бросает ее под печку, чтобы «хранительница» нового дома приняла ее под свое покровительство.

В доме жениха невесту сажают на переднюю лавку и приступают к угощению гостей. На колени невесте сажают мальчика. Она его подержит немного и передает жениху. Невеста в доме жениха не ест, а поэтому ей кладут перевернутую ложку.

После угощения невеста приступает к раздаче даров, предназначенных для новой родни. Подарки она раздает без причитаний. Женщины в это время поют:

Посеяли девки лен!

Девки лен, девки лен!

Посеяли-пололи,

Белы рученьки накололи.

Проводы урвелей

После раздачи даров невеста впервые за всю свадьбу обращается к жениху:

Сказала ль бы я: «дяденька»,
Может быть, ты моложе меня.
Может быть, ровесничек мой.
Погоди-ка, я скажу: «ровесничек»,
Ровесничек — голубчик мой,
Пойдем-ка, пойдем
К твоему отцу-матери.

Подходят к свекру и свекрови. Здесь первый раз невеста называет их «отцом» и «матерью».

Во время проводов урвелей хозяева и другие родственники жениха берут в руки метлы, лопаты, дубины и т. п. С песнями, пляской бьют в ведро, корчагу и стены сарая, провожают урвелей. До позднего вечера продолжается гуляние. Невеста больше не причитает.

Послесвадебный период

Отгостки

На второй день свадьбы в доме жениха устраивается цыганский день. Приходят близкие родственники жениха. Женщины наряжаются: одна — цыганкой, другая — погорелой, а мужчины — цыганом, стариком и т. д.

В доме перед гостями разбивается горшок, и они пляшут на осколках. Немного погуляв дома, гости и жених с невестой идут на прогулку по родному селу, чтобы познакомить молодую с селом. На этом этапе свадьбы поют только веселые песни и разыгрывают различные веселые сценки.

На третий день свадьбы утром свекровь посылает молодую за водой или дровами. Придя к колодцу, невеста по четырем углам колодезного сруба оставляет по кольцу, а пятое бросает в воду. Это делается для того, чтобы

расположить к себе «хранительницу колодца». Когда первое поручение свекрови будет выполнено, гости встречают невесту возгласами: «Бойкая, бойкая!». Это делается для того, чтобы молодая смело приступила к исполнению обязанностей хозяйки в новом доме.

Через две-три недели после свадьбы молодые в один из воскресных дней идут к матери невесты. Этот обычай называется «отгостки». После отгосток невеста имеет право посещать родительский дом. Отгостки завершают весь свадебный цикл.

Причитания-плачи

Возникнув в далекой древности, причитания-плачи были неразрывно связаны с похоронными обрядами и обычаями. Они активно бытовали в течение многих веков, входя в жизнь и быт людей. Большая роль причитаний, активность их бытования и долговечность обусловлены значительностью темы, которая вечно волновала и волнует человека. Это — тема жизни и смерти, уход из жизни близкого и дорогого человека. В основе погребальных обрядов и похоронной поэзии лежат представления людей о жизни и смерти, загадочной для человека.

Художественная структура плача, формы похоронной обрядности изменялись в течение многих веков. В основе их — представления наших предков о том, что человек продолжает и после смерти свое существование, не порывая связей с оставшимися в живых близкими родственниками.

Долгое время у мордвы сохранялся обычай выбирать заместителя умершего, например, на 40-й день поминовения. Сюда же примыкает обряд избрания девушки, которая должна была выступить заместительницей своей скончавшейся подруги, не успевшей при жизни выйти замуж, и сыграть роль невесты. После похорон девушки собирались вокруг могильного холмика и, взявшись за руки, исполняли хороводную песню, кружась то вправо, то влево.

Народные плачи выражают чувство жалости об умершем, раскрывая положительные качества покойника: трудолюбие, заботливость, чуткость, отзывчивость. Такая социальная направленность причитаний и умелый подбор слов усиливают эмоциональное воздействие на присутствующих.

Если иметь в виду, что причитания сочиняются и произносятся путем импровизации, то можно представить, каким поэтическим даром обладали мордовские женщины, почти каждая из которых должна была уметь оплакивать умершего близкого человека.

Причитания-плачи у изголовья умершего не заканчивались. Они продолжали исполняться при изготовлении гроба, на улице вместе с траурной процессией, до тех пор, пока гроб не опускали в могилу. В плачах вопленица все время как бы сообщала усопшему о том, какие действия совершают над ним участники похорон.

Причитания-плачи создавались, исполнялись не только во время похоронного обряда, но и во время поминок на третий и девятый день после похорон, а также по истечении полугода и года. В поминальных плачах повествуется о том, какие события произошли в жизни семьи, какие тяготы приходится переносить, лишившись дорогого человека.

Причитания дочери на похоронах матери

После обмывания и одевания покойницу кладут на скамейку под образами, и дочь начинает оплакивать свою мать:

Ой, маменька-матушка,
Ой, маменька любимая,
Зачем, маменька, ты уходишь?
С вольным светом распрощалась.
Или тебе, маменька,
Света вольного не жалко?
Хорошую жизнь ты прожила,
В хорошее времечко ты жила,
О чем ты все время хлопотала,
А теперь ты все и всех оставляешь,
Ничего теперь больше не надобно тебе.
На земле ты век свой прожила,
Много грехов на себя ты взяла,
С ними тебе надо идти
На суд праведный на том свете.
Если спросят, маменька, о твоих грехах,

То скажи, что была ты вольным человеком,
Ничего не знавала,
Грамоте не обучалась, —
Так ответь ты боженьке,
Так отвечай ты хозяину.

Оплакивающая обращается к домовому и, плача, говорит:

Держательница дома Кудава,
Смотрительница дома любимая,
Ты открой свою дверь пошире,
Подними повыше косяки.
Не одна я зайду, не одна я пройду,
Сначала я проведу военных-пленных,
Затем я приведу
Семь человек из родни,
За ними позову отца родного.
Посмелее, посмелее, папенька,
Проходи-ка, папенька, проходи-ка,
Встань ты перед боженькой,
Встань-ка ты около моей матери,
Посмотри-ка ты на свою родню,
На семью свою оставленную.

Отец девушки умер давно. Поэтому при оплакивании она обратилась и к нему. Затем садится около матери и продолжает оплакивание:

Ох, маменька-матушка,
Ох, маменька любимая,
Куда теперь я денуся,
Где я, горестная, прислонюся,
Чтобы последние слова вымолвить,
Последние мысли высказать?

Встала бы, маменька, у ног твоих —
У ног твоих смерть черная,
Смерть черная, ненавистная.
В одной руке у нее коса,
В другой — яд,
Косой перерезала жилы ног,
Как травку повалила тебя,
А ядом душу отравила,
Очи твои погасила.
Маменька, встали бы у твоего изголовья,
У изголовья апостолы Петр и Павел²¹,
На руках книги вечные,
О хороших делах твоих в них крупно написано,
О нехороших — мелко написано,
Оберегают они твою жизнь.
Встала бы я у ротика говорящего —
Там сидит губитель твоей души.
Подожди, встану у слышащего ушка,
Не страшися, маменька, не бойся:
Не буду лить слезы горькие,
Не стану ронять слезы свои
На твою одежду вечную.
Не стану слезы утирать
Твоим платочкам носовым.
У меня, маменька, есть свой
Платочек слезы утирать.
Послушай-ка, маменька,
Мой наказ последненький:
Если ты пойдешь, маменька,

В жизнь вековечную другую,
В жизнь бесконечную,
Спаситель станет спрашивать:
Кто постель твою белую намочил,
Кто покрывало белое запачкал?
Ты ответь-ка, маменька,
Говори ему, матушка:
Жила на белом свете
Дочка моя несчастная,
Много горяшка перенесла она,
Много слез пролила она.
Она белую постель мою намочила.
Она белое покрывало запачкала —
Так она слезами за мое добро отплатила.
Если пойдешь к Спасителю,
Двадцать пять ступенек надо пройти.
На каждой ступеньке
Спаситель тебя будет спрашивать.
На первой ступеньке спросит:
Ходила ли ты к ранней службе-заутрене?
К поздней службе — к обедне?
На второй ступеньке
Он тебя спросит:
Навещала ли ты больных,
Лежащих в постели?
А на третьей ступеньке спросит он:
Принимала ли ты Божий дар?
На четвертой ступеньке он спросит:
Спасала ли ты людей на пожаре?

На пятой ступеньке спросит он:
Подала ли ты нищим проходим?
На шестой ступеньке спросит он:
Жалела ли ты сиротушек?
На каждой ступеньке Спаситель
Будет тебя спрашивать.
Ты, маменька, станешь ему отвечать.
Ох, маменька-матушка,
Ох, маменька любимая.
При жизни на этом свете
Много раз ты жалела меня,
Много добра мне сделала.
При жизни на этом свете
За добро твое не пришлось отплатить.
Погоди, за добро твое,
За все твое прижизненное добро,
Три раза тебе поклонюсь.
Пусть будет тебе
Мой первый поклон —
Ранние службы-заутрени,
Поздние службы-обедни.
Второй мой поклон тебе —
Пусть будет там жизнь твоя
Теплая и светлая.
Третий мой поклон за то,
Чтобы у твоей головушки
Горела днем и ночью лампада.
Так я отплачу за твое добро на этом свете.
На следующий день рано утром дочь оплакивает свою мать так:

Погодите, встану у родной матери,
Погодите, встану ближе к матушке.
Ой, маменька, кормилица моя,
Ой, маменька моя, боженька,
Заря зажгла свет свой огненный,
Землю светом своим осветила,
Новорожденных она запишет,
А мертвых вычеркнет.
И твое имя, маменька,
Из нашего списка вычеркнет,
В свою книгу она запишет.
Последнюю ноченьку ночевала,
Маменька, в своем домике,
Не на своей постели,
Не в наряженном тобою уголке.
Ночевала ты, маменька,
На желтой красивой лавке,
Желтая лавка была тебе постелью,
Белое полотно — твое покрывало,
Из белого полотна твоя подушка.
Больше ты дома не будешь ночевать —
В землю черную ты уйдешь.
Там тебя никто не встретит,
Там никто тебя не догонит.
Там нет пишущих белые письма,
Там нет посылающих весточки.
Больше с тобою не встретимся,
Больше с тобою не увидимся,
Про жизнь больше слов не скажем.

Жалеющей меня больше не будет.
Добрых слов мне никто не скажет.
После твоего ухода, матушка,
После ласки твоей теперь
На ноги обую лапти железные,
На шею повешу мешочек я,
В руки возьму железный посох
И пойду, маменька, по земле ходить,
По стране искать тебе подобную.
Не найду, маменька, не найду,
Не встречу, родненькая, не встречу
Сердечко матери любимой,
Любимой материнской души.

После этого дочь выходит во двор, подходит к гробовщикам и причитывает:

Ой, маменька, голубушка моя,
Ой, маменька, любимая моя.
Собрала я во дворе
Твоих братьев старших и младших,
Тебе они гроб мастерят,
Начну им говорить:
Пусть гроб будет не дубовый,
Не был бы он и липовый.
От дуба веет холодом,
Липовый скоро сгниет.
Нижняя доска пусть будет березовая,
А боковые — из яблони.
На правой стороне окошко прорубите.
Чтобы опереться, местечко сделайте.

Верхняя доска пусть будет сосновая,
А на ней крест нарисуйте,
Но все равно мне гроб не понравился,
Все равно он мне не по душе.
Не годится он для дома жилого,
Нет в нем светлых оконцев,
Нет в нем двери для выхода,
В зимнюю пору нет в нем тепла,
Для больного нет в нем постели.
Этот дом для вечной жизни предназначен,
Этот гроб в сырую землю будет опущен.
В обеденную пору его около маменьки ставьте,
Маменьку в этот гроб положите.

После этого дочь усопшей послала за деревом для надгробного памятника двух сыновей и продолжала причитывать, будто они уже ходили в лес:

Ой, маменька-матушка,
Ой, маменька любимая!
Твои внуки в лес ходили,
Искать для креста дерево,
Как подошли к лесу,
Хранительница леса
Вирява их спросила:
— Зачем вы сюда пришли?
Зачем вы в лес зашли?
Почему вы не вовремя ходите?
Что вы здесь ищете?
А они ей ответили,
Такие слова ей сказали:

— Скончалась наша маменька.

Тогда Вирява им сказала:

— Делянки для умерших-погибших

На западной стороне,

Идите, там высокое дерево подберите,

Идите, там дерево прямое срубите,

Которое без сучков,

Которое без задоринок.

Подобрали они дерево высокое,

Срубили они самое прямое.

Ой, ты, дерево святое,

Посмотрите-ка, для чего ты родилось,

Для чего ты выросло?

Не родилось ты

Для косяка окна светлого,

Не родилось ты для рамы окна светлого,

Не родилось ты для образа в углу,

Не родилось ты для стула.

Ты для любимой матери родилось

Сторожем охранять ее тело.

Не печаль ее душеньку,

Не огорчай ее тело мертвое,

Не тревожь ее сердечко.

Когда мужчины уходят рыть могилу, дочь или сноха покойницы оплакивает ее так:

Ой, маменька-матушка,

Ой, маменька любимая,

Посмотри-ка, маменька, собрались

Около тебя родственники мужнины.

За столом они сидят,
Пойдут они рыть могилу.
Когда они выйдут из дома,
Я им так скажу:
— Братья большой родни,
Братья самые близкие,
Вы пойдите, поднимитесь
На самую высокую гору.
Я дам вам наказ:
Около кладбища пройдите,
Обогните кладбище,
Для любимой матери хорошее место поищите,
Хорошее место найдите.
На восточной стороне холодно,
На полуденной стороне очень жарко,
На западной стороне очень темно.
На самой середине могилу выройте,
Чтоб рано утром восходящие
Солнечные лучи освещали могилку.
Такое место подберите,
Где много света не бывает,
Сильный ветер не дует.
А в летнюю пору на этом месте
Травка растет до колен,
Цветы опускаются до пояса,
На таком месте могилу выройте.
Когда вонзите первую лопату,
«Царю небесному» пропойте,
Когда вонзите вторую лопату,

«Отче наш» молитву произнесите.
Когда третью лопату вонзите,
«Богородицу» пропойте.
Могилка пусть будет глубокая,
Пусть она будет широкая.
С четырьмя углами, хорошая.
Оконце светлое прорубите,
Местечко сделайте, чтобы опереться,
Чтобы оно было удобное,
Матери любимой понравилось.
Послушай-ка, маменька, послушай!
Послушай-ка, любимая, послушай!
Такую могилу тебе сделают,
Такую могилу тебе приготовят,
Что она тебе понравится,
Сердцу твоему будет угодна.

Далее дочь покойницы входит во двор поклониться Юрхтаве и, возвращаясь обратно, продолжает причитывать:

Выходила я к Юрхтаве
Поклониться Юрхтаве.
И она была опечалена очень,
Она тоже очень горюет.
Сидит на серебряной скамейке,
Траурная одежда на ней,
Платком вытирает слезы свои.
Ой, она горько плачет,
Ой, она громко рыдает!
А я подошла к ней поближе,
Я подошла к ней и сказала:

— Почему ты так горько плачешь?

Почему ты так рыдаешь?

Она мне ответила:

— Как же я не буду плакать,

Как же я не стану рыдать?

Хозяйки дома у меня нет,

Хозяйка дома меня оставляет,

Некому будет по утрам во двор выходить,

Поздно вечером во двор приходить.

На углу двора стол стоит,

Около стола посыльный стоит,

Перед ним книга открытая,

В одной руке красный карандаш,

Новорожденных он записывает,

А черным карандашом он мертвых вычеркивает.

Сегодня он тебя вычеркнул,

В книгу мертвых он записал.

Через некоторое время дочь опять начинает оплакивать свою мать:

Ой, маменька-матушка,

Ой, маменька любимая моя,

Погоди, стану рядом с тобой

И сяду к тебе поближе.

К солнышку красному обращусь,

Одну просьбу ему выскажу:

— Сегодняшний день пусть подольше не проходит,

Пусть он будет длиннее.

Маменька любимая нас оставляет,

От нас она уходит.

Солнышко, заходящее не спеша, не спеша,

Ты пройди-ка по небу,
Не спеши ты укрыться,
Родная маменька не хочет уходить,
Из теплой избы выходить не желает.
Сегодня она уходит на место вечное,
В жизнь вековечную.
Больше мы ее не встретим,
Больше мы ее не догоним.
Сегодня около нее Боженька,
Сегодня около нее Спаситель,
К матери они пришли,
Стоят по обеим сторонам.
Два столба поставят.
А между этими столбами
Натянута серебряная цепочка,
На конце этой цепочки
Медная чаша подвешена.
Сегодня в честь родной матери
Эту чашку слезами горячими надо наполнить.
Когда она пойдет на небо к Богу,
Если будет эта чашка наполнена,
За это Бог простит ее грехи.
За это простит ее прегрешения.
Бог небесный скажет ей:
«При жизни на белом свете
Этот человек сделал много доброго,
Поэтому чаша ее наполнена
Слезами горячими».
Если пойдешь, маменька, на тот свет,

Если выйдут покойники тебя встречать,
Спросят они: почему местечко твое мокрое,
Или ты плыла по морю,
Или ты под сильный дождь попадала,
Отчего так мокро твое место?
Ты им ответь так:
«Не плыла я по воде,
Не попадала я под сильный дождь,
Горячие слезы меня смочили,
Горячие слезы мое место смыли,
Поэтому моя постель полинялая,
Поэтому моя постель помятая».

Когда гроб внесут в избу, положат в него покойницу, дочь начинает причитать:

Ой, маменька-матушка,
Ой, маменька любимая!
Радуйся, маменька, радуйся,
Рядом с тобой поставили
Вековечный гроб.
В этот гроб, маменька,
Сейчас тебя положат,
В этот гроб, маменька,
Тебя спрячут навсегда.
Ой, душа твоя, маменька, куда уйдет?
Ой, душа твоя, маменька, куда пойдет?
Над твоим телом она плачет,
Над твоим телом, маменька, рыдает.
С гробом, маменька, тебя возьмут,
Из твоего дома вынесут,

По селу тебя понесут.
Понесут тебя, маменька, на бугор,
Там тебе вырыли вечный дом.
В землю черную твой гроб опустят,
Черной землей засыпят, завалят.
Вечное знамя они поднимут,
Вечный памятник поставят.
Душа твоя с телом расстанется,
Душа из тела вылетит,
Скажет: куда я пойду?
Куда теперь я денусь?
На твое знамя поднятое она взлетит,
На поставленный крест сядет.
Голос ее Боженька услышит,
Слова ее Всевышний поймет,
С неба прилетит, матушка,
С неба сойдет, маменька,
Он за твоей душой.
Твою душу он обнимет,
Твою душу, маменька, приберет,
Ой, с собой он ее возьмет.

Когда гроб несут по селу, дочь причитывает:

Ой, родные, мои милые,
Ой, родные, близкие,
Я вас прошу:
В ногу все идите вы,
Не качайте, не тревожьте
Тело моей маменьки,
Не уроните, не разбейте

Гроб моей маменьки.
Ой, маменька, матушка,
Ой, маменька любимая,
Слышат или нет твои уши?
Мы тебя провожаем на твое место вечное,
На место вечное, в дом твой вечный.
Оттуда писем не пошлешь,
Оттуда весточку не пришлешь.
Хозяйка села, матушка!
Не пугайся моего голоса плакучего,
Не пугайся моих слез горячих.
Не для того, чтобы напугать тебя,
Подняла я голос свой рыдающий,
Не о тебе я слезы лью,
Так я маменьку любимую
Провожая на место вечное.
Провожая в вечный дом.

При приближении к могилам плачущая обращается к хозяйке кладбища:

Держательница всех могил,
Хозяйка кладбища, милая,
Хозяйка кладбища, матушка,
Покойники, мой род-племя,
Встречайте родную мать мою,
Примите матушку-кормилицу,
Не напугайте любимую маменьку,
Не обижайте свой род-племя,
Положите маменьку на место,
Возьмите к себе в жизнь вечную.

После похорон покойницу поминают прямо на ее могиле. Едят пироги, блины, яйца, пьют брагу. По окончании дочь оплакивает мать в последний раз:

Ой, маменька, ой, маменька,
Теперь ты в сырой земле,
Теперь ты в черной земле,
Пришла к родне — покойникам,
Теперь ты нас не увидишь,
Больше нас не услышишь,
Своими глазами на нас не взглянешь,
Свое лицо нам не покажешь.
Ой, хозяйка земли черной,
Ой, держательница-хранительница сырой земли,
Маменьку тепло прими-ка,
Маменьку жить хорошенько устрой-ка,
Земные грехи прости ты ей,
Серебряным крестом перекрести.
Ой, маменька-матушка,
Ой, маменька любимая,
В последний раз ты услышишь мой голосок,
Слезами твою могилку омою,
Хрустальной водичкою полью.
На крест могильный твой
Белое полотенце повесила,
Утром проснешься ты,
Этим полотенцем утри лицо,
Свою дочь ты вспомяни,
Со всеми родными поговори.
Ой, маменька-матушка,

Ой, маменька — белое молочко мое.
Ой, маменька — желтенькое маслице.
Живи хорошенько, живи здоровою.
Прощай, маменька,
Прощай, любимая моя, ой...
Мы пойдем, маменька, все домой,
Мы расходимся, милая, по домам.
Спи, маменька, спи.
Отдыхай, маменька, отдыхай.
Живи хорошенько, спи спокойно
В вековечном доме,
На вековечном своем месте!

Об отце

Ох, отец мой любимый,
Ох, отец-кормилец мой,
Ох, куда теперь мне идти?
Ох, куда теперь, батюшка, мне выйти?
Кому теперь я поручу
Свои дела нелегкие?
Кто мне теперь тяжелые дела
Будет в доме делать? Ой...
Без тебя теперь, отец родной,
Некому мне помогать,
Ой, некому твои дела теперь делать.
Ой, отец, любимый мой,
Ох, отец — кормилец мой,
Ох, кто теперь в селе
Без тебя мне поможет?
Не с кем мне посоветоваться,

Ох, не услышу теперь мудрый совет твой,
Ох, не увижу больше твои руки работающие,
Не увижу ясное солнышко,
Которое всегда согревало меня,
Ох, не услышу больше твою славу громкую,
Которая гремела по всему селу.
Ох, к кому теперь, отец, мне подойти,
Ох, кого мне на помощь позвать?
Ох, к кому теперь за ласковым словом
Мне обратиться и сходить,
Ох, к кому мне теперь пойти
За хорошим советом?
Ой, отец родной, любимый мой,
Погасла в моей душе
Радость большая прежняя,
Развеялись из души моей
Все мои мечты и помыслы.
Ох, куда пойду, куда выйду?
Ох, отец мой, отец мой,
Ох, отец мой, кормилец мой!
Как теперь, отец ты мой,
Из дома тебя вынести?
Как теперь, отец ты мой,
Тебя из дома будем провожать?
В вечную жизнь, отец мой,
Ты сегодня уходишь,
С нами больше, отец наш,
Не будешь никогда.
Без тебя, отец мой,

К нам никто не придет,
Без тебя, отец мой,
Нам помогать никто не станет.
Ох, отец, родненький,
Ох, отец, самый любимый,
Ох, отец наш, цвет черемухи,
Ох, отец наш, малина сладкая,
Погоди-ка, я вспомню,
Погоди-ка, я расскажу,
С тобой жить было хорошо,
С тобой жить было легко.
Пройдусь по улице,
Все меня почитают,
А выйду в люди,
Каждое мое слово выслушают.
При тебе, отец,
Жить в селе было легко,
Ой, с тобою, отец,
Легче и дышалось мне.
Ты всегда меня
Делу учил,
Ты всегда меня
На ум-разум наставлял.
Ой, отец родной, кормилец мой,
Ох, спасибо, любимый мой,
За хорошие советы,
За ласковые слова.
А еще спасибо, отец родной,
За то, что ты помогал мне во всем.

Ох, отец миленький,
Теперь я больше не увижу
Твоими руками сделанное дело.
Больше не услышу
Голос знакомый твой.
Больше не увижу я
Твою походку легкую.
Больше не встречу я
Твой умный светлый взгляд.

Плач о сыне, погибшем в Великой Отечественной войне

Чем успокою грудь свою, пылающую, как печь?
Чем остужу душу мою, пылающую огнем?
Чем обрадую, словно весенняя стужа, дрожащее сердце мое?
Ох, сыночек мой, Коленька, ох, дитяtko мое, Коленька!
Презренные люди убили тебя,
Словно бешеные собаки, они погубили тебя,
Вольный свет отняли у тебя,
Земной жизни лишили тебя,
Душегубной пулей сразили тебя,
Лишили жизни тебя смолоду,
В самую красивую пору-возраст!
Где лежит, сынок, стройное тело твое?
Если в пустом лесу, в чащобе лесной —
Лесные звери истерзали тело твое,
Лесные звери выпили твою красную кровушку.
Если в пустом поле, в гулкой степи —
Измученное тело твое степные птицы склевали.
Если тело твое в текущей воде —
Рыбы речные съели раненое тело твое,

Вода текучая унесла твою кровь!
Ох, сыночек мой, Коленька,
Ох, сыночек мой родненький!
Когда уходила душа твоя,
Когда покидала она вольный свет,
Сказал ли ты: «Прощай, прощай, вольный свет!»
Ох, убили-умертвили тебя бешеные собаки,
Обезумевшие собаки!
Ох, эта свирепая, грозная война!
Ох, эта черная война!
Много людей убила она,
Много душ погубила она.
Много вдовушек оставила она,
Много матерей потеряли сыночков!
Ох, эта черная смерть!
Ох, эта черная гибель!
В одной руке у нее нож,
В другой — острый палаш²².
Сумка у нее на шее,
Смертная чаша в ней.
Как она в твою сторону пошла,
Как она стала приближаться к тебе,
Задрожало измученное тело твое,
Испугалась алая кровь твоя!
Как она подобралась к твоим ноженькам,
Уцепилась за обе ноженьки,
Перестали они ходить по земле.
Как подобралась она к твоим рученькам,
Ухватила за ладони обеих рук,

Перерезала жилы рук твоих,
Перестал ты владеть своими рученьками.
Когда подобралась к пояснице твоей,
Когда поднялась до пояса твоего,
Остановила кровь во всем теле течь,
Онемели чувства твои,
Как подошла она к сердцу твоему —
Вонзила нож прямо в сердце.
Перестал твой язык говорить,
Перестали видеть твои глаза!
Когда подобралась к твоей голове,
Вынула из своей сумки смертную чашу,
Горькую желчь в рот твой вылила!
Когда из твоего тела вышла душа,
Прощай, прощай, сказала она, тело мое!
Вместе с тобой прожили,
Вместе нужду терпели!
В вечную землю ты ляжешь,
Горе мне большое принесешь,
Принесешь мне большую беду!

О дочери

Доченька, доченька,
Грустью подкосила ты меня,
Нет у меня моченьки ходить,
Татарник под ногами моими ты постелила,
Под голову крапиву жгучую положила,
Меня ежовой шкурой покрыла.
Доченька Машенька,
Средняя росточком,

Моя ты белоголовушка,
Моя ты краснолицая,
Доченька кудрявая,
Глазки, как у перепелочки.
Ты моя тонкопряшенька,
Длинное полотно ткущая,
Как елочка, ты статная,
Ветки елочки — твои пальчики, рученьки,
Доченька, милая,
Много нужды ты повидала,
Много голода ты перенесла,
Нечего было на тебя надеть,
На головушке не было,
Как у подружек, платочка,
Мечтала купить себе платъице,
Мечтала купить наряды.
На ногах не было даже портяночек,
В стуже много раз побывала ты,
Много упреков слыхивала,
Много укоров переносила.
Если бы тебя замуж выдала,
До полдороги проводила бы тебя,
Пока из глаз не скрылась — смотрела бы вслед тебе.
Умерших много идут туда,
Но оттуда никто не возвращается,
Не у кого спросить,
Как ты там поживаешь.
Если бы была я червяком,
В сырую землю вошла бы я,

Доченьку свою сыскала бы,
Открыла бы ей свою душеньку,
Высказала бы ей свое горюшко.

О суженом

Ой, погодите, я обращусь к своему суженому-близкому,
Суженый мой, нареченный, у-уй!
Ой, на кого ты меня оставил,
Кому ты меня поручил?
Ой, оставил ты меня в пустом доме, в пустом дворе.
Ой, что мне делать в пустом доме?
Куда я пойду,
Куда я себя дену?
Ой, скажу я своему суженому, у-уй!
Ой, ой, на кого ты оставил меня с детьми?
Двое моих детушек – мальчики мои:
Один из них еще плохо ходит,
Другой в люльке, грудной еще, у-уй!

Плач о Юрии Гагарине

Ох, братец мой, Юра!
Ох, любимый мой, Юра!
Как сокол, летал ты по небу,
Выше звезд ты взмывал.
Вся страна наша ликовала!
Весь народ радовался!
Где же ты погиб, Юра,
Статный, как белая березонька?
Не знаю, посредине ли дикой степи,
Среди степей ли раскинутых,
Не знаю, среди темного леса ли?

Посреди ли глубокой воды?
Как, Юра, услышала
Родимая матушка весть о тебе,
С горя места себе не находила,
Как услышала твоя женушка,
Занялось ее сердце жгучим пламенем!
Остались твои дети полусиротками.
Не успели запомнить
Лицо своего отца!
Весь народ охватило горе,
У каждого человека полились слезы горячие,
Весь народ о тебе печалится,
Вся Родина оплакивает смерть твою.
Всей стране ты был сыном,
Всему народу — героем,
Потому так плачет мир-земля!
Потому так горюет земля-матушка!

Заговоры

Кроме общественных и семейных молений, связанных с земледелием и проводимых торжественно в определенные календарно-праздничные дни, устраивались и «чрезвычайные» озксы по непредвиденным обстоятельствам. Заговоры (кортавтомат) исполнялись от случая к случаю, при неожиданных бедствиях, идущих якобы от злых наваждений недобрых духов. Различался характер исполнения календарно-обрядовых песнопений и заговоров. Молебные песнопения носили публичный, коллективный характер исполнения и произносились всегда вслух, а заговоры произносились шепотом, тайно, одним человеком.

По тематике мордовские заговоры охватывали почти все области жизни:

- а) заговоры, связанные с сельскохозяйственной жизнью;
- б) заговоры, вселяющие чувство любви (привороты, присушки) или вызывающие отвращение (отвороты, отсушки);
- в) заговоры от болезней, от пожара, от вора, от врага.

Заговоры, как правило, состоят из зачина, эпической части и закрепки. Зачины представляют собой краткие обращения к определенным мифическим существам и пояснения их магических функций.

После зачина идет эпическая часть, в которой рисуется целая картина: начинается подробное объяснение магических функций мифического существа. Это делается иногда путем трехкратного повторения, обращения к двум и более божествам. Ворожея просит каждую богиню принять вознаграждение и оказать помощь. Затем перечисляются части тела, с которых болезнь или зло изгоняется. При изгнании болезни, зла, напасти указывается какое-нибудь далекое и пустынное место.

После формулы изгнания обычно идет закрепка. Слово «аминь» в конце мордовских заговоров встречается редко, так как до принятия христианства мордва этого слова не знала.

Язык мордовских заговоров ритмичен, богат эпитетами; в нем встречаются и церковнославянские, и русские слова. Ритмика настолько развита, что почти все они приняли стихотворную форму.

Из эпитетов, наиболее часто встречающихся в текстах, можно отметить следующие: «огненная река», «золотой гребешок», «белая береза», «светлое солнце», «серебряная борода», «шелковые волосы» и т. д.

Заклинания отдельным божествам

Нишке паз, верховный бог,
Ты превыше всех богов,
Седьмой бог, кормилец,
На седьмом месте стоишь,
Над шестью богами наивысший!
Приготовленное нами мы принесли,
Перед тобой поставили,
Поклон тебе отвесили.
Приготовленное нами возьми,
Поклон наш заметь!
Что просим, нам дай,
Чего боимся, от того убереги!
Дай урожайного хлеба, — всякого добра,
Здоровья, долгой жизни!
Храни нас от злого человека,
Плохо думающего, плохое делающего,
Плохие советы дающего,
Береги от злого глаза, плохих мыслей,
От ходящего по меже надела,
Узлы завязывающего,
Сохрани хлеба от засухи!
Сохрани от сильного ветра,

Хлеб портящей ржавчины,
Сбереги от града,
От жаркой погоды!
Кто желает добра,
Того впусти в дом,
Того допусти до хлеба-соли!
Плохое замышляющего навзничь опрокинь,
Черной землей сделай,
Пусть стыдно ему будет,
Из среды людей выведи!
Бог Нишке, кормилец,
Благослови нас рассудком,
Добрым здоровьем,
Благослови уродившимся хлебом,
Приходящим добром!
Со старым кланяемся,
Новое дай!

* * *

Хранительница дома,
Богиня Юртава, матушка,
Богиня лубка и бревна, кормилица!
Накрыла я тебе стол,
Положила хлеб-соль,
Сварила курочку,
Так пришла тебя звать,
С насиженного места стронуть тебя,
Твой дом-жилье разрушить.
Богиня дома, матушка,
Оставь свое насиженное место,

Оставь свой дом, жильё,
Узнай мой голос,
Послушай меня,
Выйди, испей, поешь,
Утоли свой голод,
Успокой свое сердце,
Затем пойдем в новый дом.
На новое место,
Новое жильё обживать,
Новый дом оберегать.
Покровительница дома,
Богиня дома, матушка,
Богиня лубка и бревна, кормилица,
Вот тебе новое место, новая лавка,
Позвали мы тебя жить-поживать,
Дом, жилище оберегать.
Будь в новом доме жительницей,
Дома, жилища хранительницей,
На хорошие дела наставляющей,
О плохих делах сообщающей.
Пусть будет тебе по сердцу
Новый дом, новое жилище,
Новое место, новая лавка,
Новое гнездо!
Будь хранительницей дома,
Не допусти
Шляться, шататься,
По людям ходить,
Нажитое добро выносить.

Придя на реку ловить рыбу, рыболов сначала низко кланяется, потом произносит следующие озолмы²³:

Пришел по воде плавать,
Из воды рыбу ловить.
Кто старший над водой?
Кто покровитель воды?
Хозяйка воды — Ведява,
Покровитель воды — Ведятя,
Богине воды поклонюсь,
У бога воды попрошу:
Богиня воды, бог воды,
Мой поклон увидите,
Мои слова услышите!
Когда зайду в воду,
Буду по воде плыть,
В воде рыбу ловить,
Не задерживайте мою лодку,
Не держите мои весла!
Плывущая лодка пусть плывет,
Гребущее весло пусть гребет!
В воде плавают рыба,
У нее глаза светлы.
Есть божеская рыба,
Есть дьявольская рыба.
Кто над рыбой старший?
Кто у рыбы покровитель?
Белая плотва главная,
Налим — покровитель,

Белая плотва, налим —
Покровители рыб, старшие над рыбами.
Где вы живете?
Где вы обитаете?
Где ваш дом?
Где ваше место?
В великой воде, в большой воде,
На дне большой воды,
Там поставлен ваш дом,
Там ваше гнездо.
На языке белой плотвы,
Словами белой плотвы,
Хвостом налима
Скажу три слова:
Пусть попадется мне много рыбы!
Первое слово — белой плотве,
Второе — налиму,
Третье — хранителю воды.
Услышите мои слова,
Пошлите мне рыбу
В поставленный вентерь²⁴,
Наполните его божьей рыбой,
Пошлите божью рыбу,
От дьявольской рыбы сохраните!
Много рыбы не прошу,
Много рыбы не требую,
Прошу, сколько донесу,
Прошу, сколько могу поймать.
Чтоб хватило имя ваше помянуть,

Голод утолить!

Заговоры-присушки

Чтобы муж любил жену или жена любила мужа, парень — свою девушку, девушка — своего парня, ворожея брала в платок огуречные или подсолнечные семечки и клала их под чугуn. Потом в чугуn вливала горячую воду и шепотом произносила слова присушки.

Благослови, бог земли,
Увидь меня, мать воды!
С себя пояс сниму,
Застежку расстегну,
На кровать лягу не помолюсь,
С кровати встану не помолюсь,
На лицо воды не плесну,
Волосы-косы распущу,
Выйду из дома,
Дверь оставлю открытой,
Выйду из огороженного двора,
Ворота оставлю открытыми,
Выйду в задние ворота,
Низко поклонюсь:
Масторава²⁵, Ведява,
Имена ваши называю,
Глазами своими меня увидите,
Ушами меня услышите,
Семь чертей пошлите,
Семь чертей, чертят!
Слушайте, услышите,
Куда пошлю — идите,
Что скажу — делайте,

Пусть вас никто не увидит,
Ни встречный,
Ни за вами идущий!
По дороге идя, след оставляя,
Без дороги идя, дорогу делая,
Вы прямо идите,
К Василию на глаза,
Вокруг него встаньте,
Вокруг него пройдите,
В левое ухо войдите,
По мозгам разойдитесь,
Отнимите его рассудок!
Вниз спуститесь,
В сердце расположитесь,
Отнимите силу его сердца!
Еще ниже спуститесь,
Отнимите силу его ног,
Ночью спать не давайте,
Днем отдыхать не давайте,
Днем щекотите, ночью царапайте,
В беспмятстве пусть сидит,
Взявшись за сердце, пусть ходит!
Напомните ему, надоумьте его
О пучеглазой Еше,
Красивой ее покажите,
В сердце поселите!
Пусть покажется Васе
Еда золотом, яблочком,
Первым пасхальным яичком,

Первым весенним цветочком,
Синим колокольчиком!
Всю жизнь — до конца,
До последнего дня
Пусть Вася Ешу любит,
Пусть в сердце носит.

* * *

Большая вода, большая вода,
За большой водой есть дом большой,
В большом доме есть большая печка,
В большой печке большой котел,
В большом котле кипит большая вода,
И кипит, и через край льется, и брызжет и стекает.
Как в том котле вода
Кипела, лилась через край, брызгала, стекала,
Пусть так сердце Матри к Мите
И кипит, и льется через край, и брызжет, и стекает.
Пусть не знает она ночного сна,
Пусть не знает дневного покоя,
Пусть ночью сердце волнуется и ноет,
Пусть днем сердце терзается и болит,
Пусть каждый час на душе лежит,
Каждую минуту из ума не выходит,
В маковку входит,
По мозгам проходит,
По костям расходится.

Заговоры от глазных болезней

Двое (ворожея и больной) брали ковшик, шли к роднику. Перед тем как зачерпнуть воды, ворожея произносила шепотом:

Хранительница воды, мать моя,
Хранительница воды, матушка,
Из-под земли выходишь,
По земле течешь,
Серебром выходишь,
Золотом катишься,
Золотые комочки — твои камешки,
Много народу кормишь,
Много народу поишь,
Голод утоляешь,
Изнуренную душу лечишь.
Я пришла к тебе,
Хранительница воды, матушка,
Исцеления прошу,
Очищения, прощения.

Потом черпала воду, мыла больному глаза, говоря:

Вечерняя заря Дарья,
Утренняя заря Марья,
Свет Настасья,
Полуночная Маланья,
В этот час,
В эту минуту
Дайте исцеление.

* * *

Если у человека появилось бельмо на глазах, ворожея брала серебряную монету и, обводя вокруг глаз, шепотом говорила:

Дочь родимого бога,
Дочь Всевышнего бога,
Вот медная цепь,

Она огораживать будет
Рабу божью Акулину,
От болей, от распухания,
От слезного течения.
У моря огромный вяз,
На огромном вязе великая птица,
Эта птица лапами
Красный кровоподтек разгребает,
Клювом расклевывает.
Если есть бельмо,
То три раза по девяти подую.
А если только синяк болит,
Холодным дыханием подую,
Прогоню и убью эту болезнь.

Заговор от укуса змеи

Благослови, Нишке паз,
Благослови, Всевышний бог,
Где родился ты, вырос,
Где воспитывался ты,
На земле никому
Об этом не знать,
Под небесами никому
Словами не сказать.
Настоящий бог, наивысший бог,
Никого ты не боишься.
Когда сотворил ты землю
Своим добрым умом —
Траву, лес ты вырастил.
Когда сотворил небо —

Солнце, месяц появились,
Днем выходит бог солнца,
Ночью идет бог луны.
По твоему велению они ходят,
Свои дела выполняют,
Твоего приказа не слушаются,
Тебе они не возражают,
Ни вперед они не идут,
Ни сзади не отстают.
На земле ты создал
Большую воду, великую воду,
Три рыбки ты пустил,
Три рыбки, большие рыбки,
Они-то землю держат.
Еще создал на земле
Всякие души, разные языки,
Медведя создал, волка создал,
Лису создал, зайца создал,
Дикого кабана, дикого козла,
Красивое имя — куницу,
После всех
На земле (сотворил) ты змею,
Змею ты проклял,
Без ног ее создал.
Ни рук, ни ног —
Скользит, ползает,
Скрываясь, прячась, передвигаясь,
Кого она увидит, того ужалит,
Где жало оставит,

Это место распухнет,
Как только до сердца дойдет,
Этот человек умрет.
Знающий человек заговорит,
Опухоль заставит спасть,
Язык змеи (он) понимает,
Язык змеи он знает,
Он подует, пошепчет,
Опухоль заставит спасть.
Я, языкаястая, острословная,
Все языки понимаю
И змей не боюсь,
Язык змей понимаю,
Подую от жалящей змеи,
Плюну от змеиногo жала,
Подую от зеленой змеи,
Плюну от пестрой змеи,
От белоголовой змеи,
Подую от медянки.
Зеленая змея ужалила,
Опухоль заставлю спасть.
Пестрая змея ужалила,
Опухоль заставлю спасть.
Она змеиное жало выбросила,
В тело Олды пустила,
Жало вонзила,
Рана опухла.
Какая змея ужалила,
Ту проклянупу, ткну,

Изведу, уничтожу.
Из белого тела Олды,
Из красной ее крови
Опухоль выгоню,
Я уничтожу ее, заставлю спасть,
Здоровье больной возвращу.

Заговор от ушиба

Покровительница земли, мать земли,
Может быть, Иван упал на тебя,
Может быть, ушиб тебя,
Или он ушибся,
Вот приехал к тебе
Просить прощения
Со многими подарками,
Вот принес пуд меди, пуд серебра,
Лик царя.
Сколько букв написанных,
Столько подарков,
Столько даров,
Всем чтоб хватило,
Всем передай:
И богу правды,
И богу ссоры,
И богу угождения,
И держательнице земли,
Матери земли.
Вот дары, подарки,
Разделите копейками,
И большими деньгами, и мелкой монетой.

Бабушка Кочкор, дедушка Кочкор,
Всевышний бог, кормилец,
Представший перед Верховным богом,
Всходящее солнце, кормилец,
Восходящее солнце, кормилец,
Свечу тебе зажег,
Дым от свечи пустил.
Сударыня пятница,
Семь дочерей у пятницы,
Семь помощников,
Семь послушников,
На семь сторон проведите эту болезнь,
Это страдание, это место падения.

Заговор от лихорадки

Ложусь помолюсь, встану поклонюсь,
Искупаюсь в утренней росе,
Утрюсь полотенцем Ииуса Христа,
Выйду из двери через дверь,
Выйду из ворот через ворота,
Пойду на чистое место,
В чистом поле течет серебряное море,
В серебряном море лежит камень алатырь, —
На камне алатырь Мария-чудотворница,
Перед ней Никола-угодник.
Выйдут перед ними тринадцать девок,
Никола их спрашивает:
— Что вы за люди, куда идете?
— Николай милостивый,
Мы не люди, мы лихорадки.

— Куда вы идете?

— Мы идем в село кормиться,
Кровь пить, кости ломать,
Тело сушить.

— Ах, черные руки, черные глаза,
Ах, вы с непокрытыми головами, будьте прокляты,
Будьте прокляты, будьте прокляты.

— Николай милостивый,
Ты нас не проклинай,
Кого ты у себя дома держишь,
К ним мы не вернемся.
Кто твои молитвы произносит,
К тем не прицепимся.
Откачни раба Божьего.

Пословицы и поговорки

В мордовском фольклоре значительное место занимают малые жанры: пословицы и поговорки, каламбуры, загадки. Самым распространенным и жизнестойким видом является пословица. Это — краткое народное изречение, имеющее одновременно буквальный и переносный план или только переносный и составляющее законченное предложение. Широкому распространению и долголетию пословиц способствует, прежде всего, то, что они имеют практическое и назидательное значение. По своей краткости, меткости и мудрости пословицы представляют собой величайшую ценность: обогащают речь, придают ей выразительность и точность. Речь людей, знающих и использующих много пословиц, как правило, ярка, эмоциональна и понятна.

Создавались эти крупницы мудрости в течение многих веков и составляют ныне свод суждений: в пословицах ясно выражена оценка народом действительности, какая она есть или какой хотелось бы видеть.

Состав пословиц постоянно изменяется. Пути обновления разные:

- 1) пословицы, сочиненные кем-то на основе наблюдений над жизнью, трудом и бытом народа;
- 2) пословицы, выделившиеся из фольклорных произведений;
- 3) пословицы, образовавшиеся из литературных произведений;
- 4) заимствования из других языков (чаще всего из русского).

Весна красна цветами, а осень — пирогами.

Весенняя песня осенью завершается.

Весенний мороз коровий рог не сломит.

Весна придет — карман ленивого трясет.

Лето работает на зиму, зима — на лето.

В году два раза лето не бывает.

Летом заря с зарей встречаются.

Лето настанет — делам конца нет.

Летний день — зимнюю неделю стоит.
Зима спросит, что ты делал летом.
Лето теплое проспишь — зиму холодную проклянешь.
Придет май — о долгом сне не вспоминай.
Летом песни поешь — зимой слезы льешь.
Осень сеет, собирает, а зима варит, поедает.
Осенью и воробей богатый.
Красно поле не цветами, а хлебами.
Человеком родился — человеком и будь.
Человек не гриб, за день не вырастет.
Родиться человеком легко, но быть человеком трудно.
Молодость проходит мимолетно, старость — тихим шагом.
Молодые за дело берутся, старые — на отдых остаются.
Молодые берут силой, старые — умом.
От старости не спрячешься.
Старый не помолодеет, а молодой всегда постареет.
Стар, да четверых молодых стоит.
Сам стар, да сердцем молод.
Его года десяти кукушкам не прокуковать.
Что в молодости потеряешь, то в старости не вернешь.
Одинок в молодости — нет друзей и в старости.
Молодость уходит не спросясь, старость приходит без приглашения.
Женские работы в доме не видны (не заметны).
Девушка что цветок: всем нравится.
Мордовский народ — трудолюбивый народ.
У каждого народа свои обычаи.
Где бы человек ни ходил (ни ездил), а домой все же возвратится.
В родном краю, как в раю.
На чужой сторонушке и летом холодно.

В своем доме и стены помогают.
В родное село дорога шире.
Каков хозяин, таков и дом.
Без хозяйки (жены) дом — пустой дом.
На глупой жениться — лучше в болоте утонуться.
В доме каждому веничку свое место.
Плоха та птица, которая свое гнездо не любит.
Не нужно золотого клада, если в семье нет ладу.
С хорошим мужем везде житье.
Не хвали красоту жены, а хвали ее ум.
У плохого хозяина везде плохо.
Детей бить — надо зверем быть.
Дом с детьми — счастливый дом.
Материнское сердце лучше солнца греет.
Отца не хлеб кормит, а доброе слово детей.
Умеешь детей родить, умей их и воспитывать (вырастить).
Без отца — сирота, без матери — вдвое.
Чтобы умных детей вырастить, надо самому умным быть.
Жизнь делает зрячим и слепого.
Надо жить, а не гнить.
Живи не так, как (можешь) придется, живи так, как нужно.
В жизни встретишь ясную погоду, встретишь и грозу.
Пожнешь не то, что посеешь, а то, что вырастишь.
Вознаградишь землю один раз, она тебя — десять раз.
Хорошему хозяину нет плохих времен года.
От хорошего семени жди хороший урожай.
Какова земля, таков и урожай.
Нет плохой земли, есть плохой пахарь.
Лошадь гони не кнутом, а овсом.

У сытой лошади десять ног.
Плохой инструмент только дело портит.
Каждая вещь на своем месте красива.
Доброе начало — половина дела.
Один дурной поступок приведет к другому.
Дело делается не языком, а упорным трудом.
Кто за многое берется, тот с хорошим делом не справляется.
И телят пасти надо уметь.
Что не сможешь сделать, за то и не берись.
Дело не под силу — не обещай.
Плохой врач не лечит, а калечит.
Дятел век долбит, а мастером никогда не станет.
У плохого плотника много щепок.
У лошади четыре ноги и то спотыкается.
Легко говорить, тяжело дело делать.
Ни заботы, ни работы — только в дудку играть.
Без дела ходить — только ноги бить.
Кто работает, тот не скучает.
У лодыря всегда живот болит.
На работе «ай-ай», а денежки «дай».
На словах туда и сюда, а на деле никуда.
На работе мерзнет, а за столом потеет.
Языком — впереди всех, делом — позади всех.
Спину не согнешь — куска хлеба не возьмешь.
Не вини людей за то, что у тебя на спине заплаты.
Имеет много сил, да на деле хил.
Солнце не ждет, когда ленивый встанет.
На чужой каравай рот не разевай, сам добывай.
Чужим добром не разбогатеешь.

Достаток можно показать, а бедность — не скрыть.
Умеешь занимать, умей и платить.
В дороге сумка с хлебом тяжелой не бывает.
Когда трезв — смирен и тих, а выпьет — бешен и лих.
Сел за стол, а поднялся из-под стола.
В баню ходят мыться, а в кабак грязниться.
Пьянство к хорошему не приведет.
Хоть плохая избушка, но свой уголок.
Каждая птица по себе гнездо делает.
Война деньги (добро) жрет и кровь пьет.
Трус хвалит себя до битвы, а смелый — после боя.
Обманщик прямо в глаза не смотрит.
Жить обманом — играть с огнем: промахнешься — обожжешься.
Обманом долго не проживешь.
Человека обмануть можно только раз.
Обмануть обманешь, только краснеть сам будешь.
Честно жить – обманутым не быть.
Врешь, врешь — сам обманешься.
Воровством не прокормишься.
Вор идет молиться, а скажут — воровать.
Здоровье дороже золота.
Тот не знает цену здоровью, кто не болел.
Болезнь не разбирает бедных и богатых.
Плохой врач не лечит, а калечит.
Лечат не болезнь, а человека.
По лесу ходить – здоровым быть.
Для здорового и дорога к счастью шире.
Проголодаешься — черный хлеб калачом покажется.
Тот не слышит, кто не слушает.

Семь дел в одно время не делают.
Из его слов хоть веревку вей. (О болтунах.)
Хорошее с неба не падает — хорошее делают.
За плохим пойдешь — к плохому и придешь.
Дни те же, а времена другие.
Всякое начало имеет свой конец.
Красота не в парче (в шелке), красота в добром сердце.
Кто красоту не понимает, тому цветы не нужны.
Любишь говорить — люби и слушать.
Речь длинна, а мысли коротки.
Язык многое может сделать: и настроение поднять, и дело испортить.
Словами обидишь сильнее, чем ударом.
Хорошие речи не бывают длинны.
На словах — хоть куда, а на деле — ни туда ни сюда.
Плохое слово долго не забывается, хорошее — надолго запоминается.
Не спеши пустыми словами, спеши хорошими делами.
Много слов, да мало дел.
Слово не рыба, бреднем не поймашь.
Знай много, а говори мало.
Говорит, словно пустая кадушка гремит.
Скажешь на ухо — из села в село пойдет.
Не всяким слухам верь.
Думай не о слухе, а о том, кто пустил его.
В жизни не только песни, но и слезы увидишь.
Не радуйся чужим слезам, сам с ними встретишься.
Зло добра не делает.
Как ни прячь зло, все равно оно себя покажет.
Затравленная собака злее волка.
На него надежда, как на вешний лед.

Не кольцо красит пальцы, а пальцы — кольцо.
Ростом с дерево, а ум с орех.
Парень смел, да умом не спел.
Чужой ум хорош, а свой лучше.
Чужой силой не прокормишься, чужим умом не проживешь.
Ум за деньги не купишь.
Хорошо одет, да в голове ничего нет.
Вовремя (умно) сказанное слово дороже золота.
Умный не насмехается.
Умно начато, да глупо окончено.
Не надейся на силу, надейся на ум.
Днем ищет луну, а ночью — солнце.
Упрямство — признак глупости.
Ни в поле пахарь, ни во дворе работник.
Ни дома кормилец, ни в огороде чучело.
После рубанка топором не поправляют.
Трусливый и своей тени боится.
Сам неряха, а над людьми смеется.
Не спеши языком, торопись делом.
Ленивый только собирается, проворный уже возвращается.
Губами чмокал, а ушами хлопал.
Волка в овечье стадо не пускай.
На уме держи, а языком не болтай.
Продумаешь хорошо дело — не потеряешь даром день.
Что надо сделать сегодня — на завтра не откладывай.
Глаза жадного никогда не бывают сытыми.
У скупого душа дешевле гроша.
Что скупому попало, то пропало.
Кто не бережет одно зерно, тому не убережешь и тонну.

Бережливость — лучше богатства.
У каждой птицы свой нор, у каждого человека свой характер.
Не готовь петлю для других: своя голова попадет.
Кто много книг читает, тот много и знает.
Хорошие люди до смерти учатся.
Кто сам ничего не знает, тот никого и не научит.
Школа хороша, да лентяй ее не любит.
Хорошая песня за душу берет.
После дела и песня уместна.
Он, как свинья, не может жить без рытья.
Нового друга ищи, а старого не оставляй.
У соседа горе — горюй, у соседа радость — радуйся.
Хороший сосед лучше родственника.
Не нужны хлеб и соль — нужно доброе слово.
Правду и слепой видит.
Легкий путь — не всегда верный путь.
Совесть без зубов, да точит.
Не вини человека в том, в чем сам виновен.
Если никого не любишь — косо смотрят и на тебя.
Плохому человеку все плохие.
Язык ласковый, сердце собачье.
Где лисий хвост, там и волчья пасть.
Ищешь помощи — и сам помогай.
Доброе слово говорится не языком, а душой и сердцем.
У каждого человека свои привычки.
Привычку скоро не оставишь.
Кто себя хвалит, тот себя позорит.
Хвалу все любят, а критику — не каждый.
Сколько людей, столько и мнений.

Приметы

Народ всегда примечал: сколько выпало снега, какая была погода зимой и какой ожидается она весной и летом, что должно уродиться в лесу, в поле и в огороде, а на что будет неурожай.

В давние времена появился этот народный календарь. Каждый месяц имеет свои особенности, рисует поэтичную и яркую картину природы, тесно связанную с повседневной деятельностью земледельцев и скотоводов. Люди примечали, как изменяется погода, почему в разные годы может быть урожай на зерновые, а может быть и неурожай. Разные приметы возникали в результате длительных наблюдений над явлениями природы, поведением животных, птиц и даже насекомых, которые по-своему, инстинктивно чувствуют изменения в природе. Все эти знания проверены многолетним опытом наших далеких предков, во многих случаях подтверждены наукой, потому и придавалось им большое значение. Об этом свидетельствуют некоторые поговорки:

Без примет хода нет.

Стары люди примечали и нам завещали.

Народное творчество соединяет опыт многих поколений с современностью прежде всего тем, что эти золотые крупы знаний не потеряли своего значения и в настоящее время.

Зима с инеем — лето урожайное.

Если зима холодная — лето будет жаркое.

Весна ранняя — много воды.

Лес шумит — к буре.

Ранний листопад — ранняя зима.

Осенью журавли низко летят на юг — скоро снег ляжет.

Журавли на юг поздно летят — осень будет продолжительная и теплая.

Зайцы рано белеют — к раннему снегу.

Осенью снег рано ляжет, весной он поздно растает.

Паутина летает — к поздней осени.
Скворцы прилетают — весенние теплые дни наступают.
Зимой вокруг луны появится красный круг — к морозу.
Вечерняя заря красная — к ветру.
Утренняя заря красная — к ясной погоде.
Зимой вороны каркают — к морозу.
Курица на одной ноге стоит — к морозу.
После урожайного лета зима холодная.
Тучи плывут низко — к морозу.
Летом много желудей — зима холодная.
Звезды ясно блещут — к морозу.
Собака в дом просится — к морозу.
Кошка на улицу смотрит — к оттепели.
Новогодняя ночь звездная — горох уродится.
Рождественская ночь звездная — к урожаю орехов.
Если рожь начнет цвести с маковки — плохой урожай будет.
Если рожь начнет цвести с нижней части колоса — хороший урожай
будет.
Весной половодье сильное — к урожаю.
Зима богата снегом, лето — зерном.
Рождественские дни ненастны — летом дожди часты.
Весной гром рано гремит — лето хорошее.
Оконные стекла «плачут» — к дождю.
Соль сырая — к дождю.
Утром туман — к ясному дню.
Дым из трубы вниз опускается — к дождю.
Собака на спине валяется — дождь (снег) будет.
Галки в воздухе играют — к дождю.
Лошади фыркают — к дождю.

Ласточки низко летают — к ненастью.
Вороны каркают — к дождю.
Мухи больно кусаются — к сильному дождю.
Летний день знойный и тихий — к грозовому дождю.
Солнце после восхода за тучами скроется — к дождю.
После дождя комары толкуются — жара будет.
Туман падает на землю – к грибам.
Полетел пух с осины – иди за подосиновиками.
Белые да рыжики в болотах не купаются.
Рыжики растут щедро в хвойных лесах.
Белые грибы растут только в старых лесах.
Найдешь белый – остановку делай, ищи все семейство.
Валуй – указатель грибного места боровиков.
В сырую погоду грибы выходят на опушки и полянки, в сухую – прячутся в чащу.
Если глубоко вспашешь землю (до глины) – не будет урожая.
Комары появились – можно огурцы сажать.
Земля согреется – картошку сажают (перед Троицей).
Где твердая глина, там роют колодцы.
На песчаном грунте выроешь колодец – воды не будет.
Если на глубине до метра земля сырая, можно рыть колодец.
Где густая трава и над ней летает мошкара, там можно рыть колодец.
Если много брать из колодца воды, будет многоводный, если мало – высохнет.
В каком месте теплый воздух, там нужно строить дом.
Дом построишь на возвышенности – долго не сгниет.
Дом из сосны долго будет стоять, не сгниет.
У коровы рога гладкие – молочная.
Корова высокая – молоко нежирное.

Загадки

Загадка является третьим относительно самостоятельным жанром афористического творчества. На мордовских языках она носит название «содама ёфкс» (мокш.), «содамоёвкс» (эрз.), что означает «сказка для узнавания, отгадывания».

Загадка — это один из видов изречений, который создается и применяется как краткое замысловатое, обычно ритмичное описание какого-то предмета или явления с целью испытать сообразительность человека.

Мордовские загадки как поэтические произведения бытуют в трех видах. Среди них самыми распространенными являются загадки-метафоры. В них предметы отгадывания полностью заменяются другими предметами и явлениями путем сравнения их признаков:

Дома строю без углов,
Овец гоню без хвостов.

(Ульи и пчелы)

Менее распространенный вид — загадка-вопрос:
Что из дома нельзя вынести целым?

(Печку)

Существует и третий, совсем малочисленный вид загадки — загадка-задача, которая тоже носит шуточный характер:

Шли муж с женой, да сестра с братом,
Да шурин²⁶ с зятем. Много ли всех?

(Трое)

1. Крыша большая, а без столбов.
2. В синем озере дикий гусь плавает.
3. Днем смотрит одним глазом,
Ночью — многими.
4. В синем море
Горшок с маслом кипит.

5. Летом я от него прячусь,
Зимой я его ищу.
6. Пропадет — не сыщешь,
Взойдет — не спрячешь.
7. Увидеть можно,
Да взять нельзя.
8. Летит, летит — растет-расширяется.
Летит, летит — опять уменьшается.
9. За одну ночь целый мир пройдет,
И никуда ногой не коснется.
10. Через ворота серебряный конь глядит.
11. Красивая Матрена
Белый хлеб ест,
А вкуса не чувствует.
12. Брат с сестрой
Поочередно отдыхают.
13. На лугу серебряная наседка,
Тысячи птенцов вокруг.
14. В синем море блестят рыбы глаза.
15. Над лесом красная шаль.
16. День ясный —
Она за мной гонится,
День облачный —
Она от меня прячется.
17. В поле тебя находит,
В лесу потеряет.
18. Не прядет, не ткет —
Зимой в белой одежде,
Летом в зеленой.

19. У меня есть конь,
Всю землю объездил.
20. У меня есть корова,
Сама доится.
21. Красивую дугу в дождливые дни запрягаю.
22. Когда дождь — говорит,
Когда ясно — молчит.
23. Дедушка злится,
Невеста пугается.
24. Язык имеет, рта нет;
Всегда ест, зубов нет.
25. Без рук, без ног,
Без лестницы, без веревки
В небо подымается.
26. Брат с сестрой вдвоем,
Один пляшет,
Другая плачет.
27. Зимой спит,
Летом бегаёт.
28. И я его породила,
И он меня породил —
Никто матерью не называет.
29. Не упрекали (не ругали),
Не наказывали,
А слезы блестят.
30. У меня есть дерево:
С одной стороны листья белые,
С другой — черные.
31. Живут семеро товарищей,

- Годами равные,
Именами разные.
32. Двенадцать братьев
Бегут друг за другом,
А друг друга не догонят.
33. Двенадцать орлов,
Пятьдесят две галки.
34. У меня есть товарищ:
Летом большой,
Зимой маленький.
35. Две хозяйки стол накрывают,
За год в два цвета:
Одна — зеленой скатертью,
Другая — белой скатертью.
36. В середине поля дуб,
На дубу двенадцать веток,
На каждой ветке четыре гнезда,
В каждом гнезде семь яиц.
37. У меня есть дедушка,
Свое имя за год
Четыре раза меняет.
38. У женщины четверо детей,
По-разному наряжены.
39. Не стучит,
Не гремит,
В дом зайдет.
40. Сам из воды родился.
Сам воду рождает.
41. Осенью приходит без шума,

- Весной уходит с шумом.
42. С неба сыплется пшено,
Ни курица не клюет,
Ни человек не жует;
Солнце увидит — уберет.
43. И в воде не тонет,
И в огне не горит.
44. Я посеял зерно,
Корешки наверху,
Вершки внизу.
45. Солнце их порождает,
Солнце их обижает,
Солнце их уничтожает.
46. Зигзагом идет,
Никогда не возвращается.
47. Зимой отдыхает,
Весной ворчит.
48. Поперек воды бык стоит,
Народ ходит по его спине.
49. Вечером на землю ложится,
А утром улетает.
50. Голова есть, нога есть,
А рук — не счесть.
51. Постель стелет,
А сам не ложится.
52. И солнце не видит,
И луна не видит;
С деревьями вместе растет.
53. У опушки леса невеста,

- В год один раз плачет.
54. В белом девушка стоит,
Людям веники дарит.
55. Висит, висит яблоко в шляпке.
Упадет на землю —
Шляпу свою бросает.
56. Сто лет живет,
Рубашку не снимает.
57. И шелестит, и поет,
И летать хочет,
А с места не тронется.
58. Никто не пугает,
А всегда дрожит.
59. Цветет, а цветка никто не видит.
60. В маленьком горшочке сладкая каша.
61. На дереве краснеют
Девичьи щеки.
62. В лесу и в саду
Красные куски мяса на дереве.
Да есть их невкусно.
63. В углу стоит невеста,
Голова белой пеной покрыта.
64. Хоть и ясно,
Хоть и дождь,
Из-под зонтика не выходит.
65. В лесу растет, большая голова,
В десять раз тяжелее тела.
66. Сама не огонь.
А рукой — не тронь.

67. На обочине невеста, красива,
Кто ее тронет — колечко дарит.
68. Посередине леса девушка,
На голове красный платок.
69. Красненькая, сладенькая,
На солнышко поглядывает.
70. У меня есть многолетняя трава,
Растет выше двора.
71. Сруб рубят без углов,
Быков гонят без хвостов.
72. Ходят над нами
Вверх ногами.
73. Сам тоненький, жужжит,
Напьется крови — улетит.
74. Сам небольшой,
Больше себя ношу несет.
75. Под печкой мальчик свистит.
76. Ниток не имеет,
А красивый холст ткет.
77. Летает, но не птица,
Есть рога, да не бык,
Шесть ног — без копыт.
78. Без ног идет —
Никому не догнать.
79. Ходит, прыгая,
Плавает, как человек.
80. В воде ржавые ножницы.
81. В лесу двигается пастуший кнут.
82. Над окном птички,

- Домики из глины.
83. Днем слепой,
Ночью все видит.
84. Черная шуба его блестит,
Красивая песня его звенит,
На жердочке домик его стоит.
85. Потери нет, а всегда ищет.
86. Маленький воришка
Носит мягкую шубу;
У него нет ни ножа, ни буравчика,
А дырочки сверлит.
87. Иголки с собой носит,
А шить не умеет.
88. Живет на печке,
Сам одет в шубу,
Когда спит — песни поет.
89. Язык есть,
Да нет слов,
На затылке борода.
90. У меня три товарища:
Один меня кормит,
Другой поит,
Третий двор караулит.
91. Людей одевает в разную одежду,
А сама всегда в одной одежде.
92. Не болеет, а стонет.
93. На конце чурки две дырочки.
94. Вместе весь век живут,
Друг друга не видят.

95. Тридцать молотят,
Один поворачивает.
96. К пенечку грузди прилеплены.
97. Две матери
По пяти детишек имеют,
У всех одинаковые имена.
98. У меня есть товарищи,
Двое носят меня,
Двое кормят меня.
99. Мясной сучок,
Серебряный обручок.
100. Лицо железное,
Тело деревянное.
101. Руки есть,
Головы нет;
Зубы есть,
Рта нет.
102. Афоня — широкий лоб,
Всегда работает,
А пользы себе нет.
103. У меня есть овечка,
Хвостом ест.
104. Похожу с ней, погуляю,
За дверью потеряю.
105. Носом своим ныряет,
Хвостом своим закрепляет.
106. По полю бегает
Горбатая свинья.
107. Где ни пройдет,

- За ним земля портится.
108. В траве железная рыба плавает.
109. В лесу срублю,
Дома согну,
Посередине — тпру.
110. Три брата,
Один любит лето,
Другой — зиму,
Третий — и лето, и зиму.
111. Четыре брата —
И не встретятся,
И не расстанутся,
И не отстают.
112. Идет — следа нет,
Режет — раны нет.
113. Рот есть, языка нет,
Зубы круглые в животе
Мясо жуют.
114. Ветер подует —
Начнет летать;
Крыльями машет,
А с места не трогается.
115. Хозяина поймали,
Дом через окно вышел.
116. Среди усов золотые зубы.
117. Осенью посею,
Весной увижу,
Летом убери.
118. Домик о трех углах,

- В нем белая девица.
119. Сто голов,
А пояс один.
120. Родился с одной ногой,
Солнышко люблю,
Голова (моя) не качается,
За солнцем вертится.
121. В маленьком городе
Семьсот солдат.
122. Спашу — посею,
Он поспеет,
Я заплачу.
123. На грядке человеческая голова,
Без глаз,
Без носа и рта.
124. В земле злой старичок.
125. У меня есть наседка,
Двенадцать яиц под ней,
В земле целое лето насиживает,
А цыплят не выводит.
126. Меня не едят,
И без меня не едят.
127. Нет ни рук,
Нет ни ног,
А по стене подымается.
128. Жидкое — не вода,
Белое — не снег.
129. В одном горшке два теста.
130. Не испуган, а дрожит.

131. Толкну в бок — пропускает (меня),
 Не толкну — не пропускает.
132. Воробей быка держит.
133. Посредине дома сидит медведь.
134. На крыше бабушка сидит.
135. Имеет четыре ноги,
 А не корова.
 Перья есть,
 А не птица.
136. О четырех рогах,
 О двух животах.
137. Само легкое,
 А через крышу нельзя бросить.
138. День и ночь ходят,
 А на одном месте.
139. День и ночь идет
 И походку не изменит.
140. На стене дедушка,
 Каждое утро его целую.
141. Сама голая,
 Рубашка внутри (в животе).
142. Маленькое озеро,
 Железные берега.
143. Дед дубовый,
 Пояс вязовый.
144. Наверху дыра,
 Внизу дыра,
 Посредине огонь да вода.
145. Посуда новая, да дырявая.

146. Широкий подбородок.
Согнутый нос.
147. В земле кадушка с водой,
Никому ее нельзя вынести.
148. У меня есть дом,
Зимой теплый,
Летом холодный.
149. Сама без языка,
А много говорит.
150. Сам не говорит,
Берешь в руки — слово скажет.
151. В лесу родилась,
В лесу выросла,
В руках человека плачет.
152. Длина (ее) бесконечна,
Ширина без краев,
Высоты нет.
153. Железный язык,
Серебряный голос.
154. Над домами
Рыжий мерин скачет.
155. Что на свете быстрее всех?
156. Без чего человеку нельзя жить?
157. Что по лесу не пройдет?
158. У кого язык длиннее всех?
159. Что нельзя дома поставить?
160. Кто кормит (тебя)?
161. Что на свете жирнее всех?
162. Когда человек рождается, то чего у него нет?

163. Что в угол дома нельзя стоя поставить?
164. Кто после смерти краснеет?
165. Что нельзя отрубить?
166. Что нельзя сосчитать над землей?
167. Что тяжелее всех?
168. Что было вчера и будет завтра?
169. Что нельзя помнить?
170. Что труднее всего сделать?
171. Две матери, две дочери
Да бабушка с внучкой.
Сколько их было?
172. Шли теща с зятем, муж с женой,
Мать с дочерью, бабушка с внучкой
Да дочь с отцом. Много ли всех?
173. Матери 32, а дочери — двенадцать лет.
Через сколько лет дочь моложе матери в два раза будет?
174. Сидели пять дочерей одной женщины.
Да родной брат каждой дочери.
Сколько было у женщины дочерей и сыновей?
175. Шли ребята в школу учиться,
К ним присоединилось еще полстолько
И еще трое ребят.
Тогда их стало девять.
Сколько пришло ребят вначале?
176. Летела стая гусей.
Один летел впереди и два — позади,
Один — позади, два — впереди,
Один стал среди двух и трое стали рядом.
Сколько их летело?

177. — Сколько вам лет? — спросил мальчик старика.
— Если проживу еще половину тех лет, которые прожил,
И еще один год, то будет мне 100 лет.
Сколько лет старику?
178. Как из четырех палочек можно составить цифру 15?
179. В корзинке три яблока. Как их разделить между тремя ребятами так, чтобы одно яблоко осталось в корзинке?
180. Сидят три кошки: против каждой кошки – две кошки.
Много ли всех?
181. В каждом углу избушки по кошке, против каждой кошки еще по три кошки. Сколько всего кошек?
182. Летели грачи и сели на жерди. Если бы они сели по одному, то одной жерди бы не хватило. Если бы сели по два, то одна жердь была бы лишняя. Сколько было грачей и жердей?
183. Ребята ходили лошадей караулить. Вместе с лошадьми их было 26 голов и 82 ноги. Сколько было ребят и лошадей?
184. – Сколько сейчас времени? – спросил Миша своего отца.
– А вот считай: до конца суток осталось в три раза меньше того времени, которое уже прошло. Сколько было тогда времени?

Отгадки:

1. Небо. 2. Звезды и луна. 3. Небо, солнце и луна. 4 — 7. Солнце. 8 — 10. Луна. 11. Солнце и снег. 12. Солнце и луна. 13. Луна, солнце и звезды. 14. Звезды. 15. Заря. 16 — 17. Тень. 18. Земля. 19. Ветер. 20. Дождь. 21. Радуга. 22. Гром. 23. Гром и молния. 24. Огонь. 25. Дым. 26. Огонь и кипящая вода. 27. Вода. 28. Вода и лед. 29. Роса. 30. Дни года. 31. Дни недели. 32. Месяцы в году. 33. Месяцы и недели в году. 34. День. 35. Лето и зима. 36. Год, месяцы, недели и дни. 37 — 38. Лето, зима, осень, весна. 39. Мороз, холод. 40 — 42. Снег. 43. Лед. 44 — 45. Сосульки. 46 — 47. Река. 48.

Река и мост. **49.** Туман. **50 — 51.** Лес, деревья. **52.** Корень дерева. **53 — 54.** Береза. **55.** Желуди. **56.** Сосна, ель. **57 — 58.** Осина. **59 — 60.** Орешник, орех. **61.** Яблоня. **62.** Рябина. **63.** Черемуха. **64 — 65.** Грибы. **66.** Крапива. **67.** Репейник. **68.** Малина. **69.** Земляника. **70.** Хмель. **71.** Улей, пчела. **72.** Мухи. **73.** Комары. **74.** Муравей. **75.** Сверчок. **76.** Паук. **77.** Жук. **78.** Рыба. **79.** Лягушка. **80.** Рак. **81.** Змея. **82.** Ласточка. **83.** Филин. **84.** Скворец. **85.** Курица. **86.** Мышь. **87.** Еж. **88.** Кошка. **89.** Лошадь. **90.** Лошадь, корова и собака. **91.** Овца. **92.** Свинья. **93.** Нос. **94.** Глаза. **95.** Зубы и язык. **96.** Уши. **97.** Руки и пальцы. **98.** Руки и ноги. **99.** Палец и кольцо. **100.** Топор. **101.** Пила. **102.** Лопата. **103.** Веретено. **104.** Клюшка. **105.** Иголка с ниткой. **106.** Соха. **107.** Борона. **108.** Коса. **109.** Дуга. **110.** Телега, сани и лошадь. **111.** Колеса. **112.** Лодка. **113.** Мясорубка. **114.** Ветряная мельница. **115.** Ловля рыбы сетью. **116.** Рожь. **117.** Озимь. **118.** Гречиха. **119.** Снопы. **120.** Подсолнух. **121.** Мак. **122.** Луковица. **123.** Тыква. **124.** Редька. **125.** Картофель. **126.** Соль. **127.** Тесто. **128.** Молоко. **129.** Яйцо. **130.** Холодец. **131.** Дверь. **132.** Замок. **133.** Ключ. **134.** Труба. **135.** Койка и перина. **136.** Подушка. **137.** Перо. **138.** Часы. **139.** Маятник. **140.** Полотенце. **141.** Свечка. **142.** Ведро. **143.** Бочка. **144.** Самовар. **145.** Сито. **146.** Сковородник. **147.** Колодец. **148.** Погреб. **149.** Книга. **150.** Карандаш, перо. **151.** Скрипка, балалайка. **152.** Дорога. **153.** Колокол. **154.** Пожар. **155.** Мысль. **156.** Без имени. **157.** Борона. **158.** У болтуна. **159.** Дорогу. **160.** Руки. **161.** Земля. **162.** Зубов. **163.** Веревку. **164.** Рак. **165.** Тень. **166.** Звезды. **167.** Огонь. **168.** День. **169.** Рождение. **170.** Самого себя познать. **171.** Трое. **172.** Четверо. **173.** Через восемь лет. **174.** Пять дочерей и один сын. **175.** Четверо ребят. **176.** Трое. **177.** 66 лет. **178.** XV. **179.** Третье яблоко надо отдать с корзинкой. **180.** Три. **181.** Четыре. **182.** Грачей было 4, жердей – 3. **183.** 11 ребят и 15 лошадей. **184.** 18 часов.

Сказки

В дореволюционное время труд и отдых организовывались исключительно самими крестьянами каждой деревни. На посиделках, в лесных избушках заготовителей леса и охотников, в детских коллективах, в мужских сборищах, в семье сказка всегда была желанной, особенно в зимнее время. Летом, в ночном, наряду с разными рассказами сказка также была обязательной. И сказочник порой освобождался от забот о табуне.

Содержание некоторых сказок и рассказы старожиллов убеждают, что в далеком прошлом сказка выполняла и производственно-магическую функцию. На охоту приглашался сказочник, который в зимнее время в лесной избушке, а летом у костра рассказывал сказки в целях привлечения внимания хозяйки леса — Вирявы, которая якобы любила слушать их. Вирява будто бы до того заслушивалась рассказами, что забывала о необходимости охраны лесных богатств или просто засыпала. Если в создании и исполнении песен велика роль женщины, то здесь роль сказочника-мужчины главная.

Черты самобытности проявляются в сказках, связанных с дохристианскими мифологическими существами, эпическими песнями, местной бытовой тематикой. Независимо от того, включают ли мордовские сказки заимствованные у родственных народов элементы, сходны ли они по своему сюжету со сказками других народов, все они осознаются как свои национальные. Исполняются они на эрзянском или мокшанском языках.

Под народной сказкой в широком смысле этого слова мы разумеем устно-поэтический рассказ фантастического, авантюрно-новеллистического и бытового характера.

В мордовской сказке выделяются три вида произведений: о животных, волшебные или фантастические и бытовые. Соотношение их примерно таково: о животных — около 20% репертуара, чудесные — более 50%, бытовые — около 30%. Разумеется, такое деление сказок условно, так как

бытовая сказка, например, содержит черты не только собственно бытовых, но и авантюрных, анекдотических и исторических сказок. Исторические сказки, предания по своим художественным приемам, содержанию так близки к бытовым, что практически далеко не всегда можно провести между ними границу, особенно в сказках, изображающих местные исторические и бытовые явления.

Прикрепление действия сказки к определенной местности — деревне, роще, озеру, реке — это одна из поэтических особенностей мордовской сказки, один из ее художественных приемов. Он присущ для всех видов сказки, в том числе, для волшебной-фантастической и бытовой. Так, в сказке «Горячие сани» действие происходит в Кочкуровском районе Мордовии. Таким образом, внешние различия между сказкой и преданием, между сказкой и быличкой порой стираются.

Бытовые сказки, воспринимаемые слушателями как реалистические рассказы, больше и чаще подвергаются переосмыслениям, переделкам. Чаще осовременивается развязка произведения, и этим сказка приближается к жизни нашего времени.

Свинка

Собралась свинка с двенадцатью поросятами на желудевый базар, смотрит: навстречу ей идет волк и говорит:

— Приятельница свинка, куда идешь?

— На желудевый базар.

— А меня возьмешь?

— Там-то, там-то попадетсЯ очень большой овраг, через него ты не переберешься.

— У тебя двенадцать поросят, и то пройдешь, а я один и вовсе пройду.

— Пойдем, если хочешь, — ответила свинка.

Идут они, смотрят: навстречу идет козочка.

— Свинка, подруженька, куда с другом идешь?

— Идем на базар.

— А меня возьмете?

— Да там очень большой овраг, через него ты не пройдешь.

— У тебя двенадцать поросят, да пройдешь, а я одна и подавно пройду.

— Ну, пойдём.

Шли, шли, смотрят: навстречу идет медведь.

— Свинка, подруженька, куда вы все идете?

— На базар.

— Меня возьмете?

— Возьмем, да только встретится широкий овраг, тебе через него не пройти.

— Ты с двенадцатью поросятами пройдешь, а я один и вовсе пройду.

Идут они вместе, навстречу им лиса.

— Товарочка, свинка, куда вы идете?

— На желудевый базар.

— А меня не возьмете?

— Пойдем, да там-то, там-то очень широкий овраг, тебе через него не пройти.

— У тебя двенадцать поросят, и то хочешь пройти, а я одна и вовсе перепрыгну.

Дошли они до оврага.

— Ну, волк, прыгай!

Пятился, пятился волк, как прыгнет — и полетел вниз головой в овраг.

— Теперь ты, коза, прыгай!

Пятилась, пятилась коза, как прыгнет — и она вслед за волком. Медведь и лиса попробовали перебраться, но тоже свалились. Свинка потихоньку-полегоньку перебралась через овраг и дошла до желудевого базара.

Походила свинка по базару, поела, попила и ушла домой.

На дне оврага медведь нашел улей, разломал его и хотел отведать меду. Да не мог, потому что было много пчел. Взял он улей и трижды окунул в воду.

Коза спрашивает медведя:

— Приятель медведь, что ты ел?

— Мед.

— Нас накормишь?

— Накормлю.

Пошел медведь по оврагу и немного погодя нашел еще один улей.

— Вот и вам принес меду.

Медведь бросил улей. Только он бросил, вылетели из него пчелы и давай всех жалить: и лису, и волка, и медведя, и козу. Те видят, что дело неладное, — все попрыгали в воду, но и в воде их не оставляли пчелы, жалили им морды.

Обозлился медведь, окунул улей в воду, пчелы захлебнулись. После он разбил улей и всех накормил медом. Наелись они меду и начали небылицы рассказывать, а потом легли все отдыхать. Козочке не спалось. Она глянула на дно улья — там еще немного меду осталось. Медведь крепко спал. Козочка долго думала, как бы подшутить над медведем. Соскребла со дна мед и намазала медведю под хвостом. Пчелы, учуяв мед, прилетели и давай жалить медведя. Вскочил медведь и давай со сна драть своих спутников.

Всех побил и остался один в овраге.

Старый волк и мужик Константин

Жил-был в селе Кишалы один мужик, звали этого мужика Константином. Вот однажды в воскресенье утром взял он под мышку пустой мешок и пошел в село Аргу. Идет по дороге и видит: что-то серое навстречу ему катится. Подошел поближе и видит: это старый волк. Когда они поравнялись, волк и говорит Константину:

— Куда путь держишь, добрый человек? За мной гонятся охотники. Я бежать не могу. Выручи, мужик, отплачу тебе добром.

Мужик ему отвечает:

— А как же я тебя выручу?

— Посади меня в пустой мешок и унеси.

Подставил Константин пустой мешок, и волк прыгнул туда. Константин мужик был здоровый, ростом больше двух метров, и шестипудовый мешок таскал на спине легко. Перекинул он на спину мешок с волком и пошел своей дорогой. Идет и идет. Повстречались ему охотники.

— Мужик, не видал ли ты волка? Мы его догоняли, а на этом самом месте прямо на глазах пропал, как сквозь землю провалился.

Посмотрел Константин на охотников и сказал:

— Надо полагать, волк недалеко. Чуть тащится, видимо, сильно устал. Меня, проклятый, тоже напугал.

Охотники ударили плетьюми своих лошадей и помчались дальше. Константин вспотел. Донес волка до опушки леса, снял с плеч мешок и говорит:

— Ну, волк, охотники прошли, вылезай — отдохнем немного.

Вылез волк, сели отдохнуть, поговорили кое о чем, а потом встали и пошли дальше. Шли, шли они, волк и говорит Константину:

— Мужик, я уже два дня голодный, идти дальше не могу, дай я тебя съем.

Испугался Константин и говорит:

— А за какие провинности ты, серый, хочешь меня съесть? Может, за то, что я тебя спас от охотников? Когда настигали тебя охотники, ты обещал отблагодарить, знать, у волков такая благодарность.

— Не стыди меня, мужик, все равно съем!

— Ну, будь по-твоему, — отвечает ему Константин, — только давай договоримся так: пойдём по дороге, встретим кого-нибудь и спросим: съест меня или нет. Если скажут, нужно съесть, тогда съешь.

Согласился волк и пошли дальше. Шли, шли, встретили старика.

Поздоровались со стариком и говорят ему:

— Ну, дед, ты на свете живешь много, много видел, много слышал — рассуди наше дело.

И Константин рассказал, как спас от охотников волка, как волк обещал за это отблагодарить его, и как теперь хочет его съесть. Выслушал старик Константина и говорит ему:

— Если ты, мужик, спас волка от смерти, то вы стали товарищами, пойдете дальше, увидите, какие вы товарищи. — Сказал так старик и ушел своей дорогой.

Отошли от старика Константин и волк, волк и говорит:

— Остановись, мужик, дай я тебя съем!

Константин опять говорит волку:

— погоди малость, старый волк, дай еще встретим кого-нибудь да спросим, хорошо ли ты со мной поступаешь.

Пошли дальше. Шли они, шли, смотрят: навстречу старая слепая собака. Поздоровались с собакой, Константин и говорит:

— Скажи ты, старая собака, правду: я спас от охотников старого волка, за это волк обещал меня отблагодарить, а когда опасность миновала, он хочет меня съесть. Как ты на это дело смотришь?

Выслушала собака Константина и говорит:

— Старый волк очень хорошо решил — тебя нужно съесть. Это и будет его благодарностью.

Собака ушла. Волк кинулся на Константина и два раза укусил его. Смотрит Константин — дела плохие, стал он обороняться, а сам говорит:

— Пойдем, старый волк, еще дальше, встретим третьего, если скажет тот, что меня нужно съесть, тогда я сам лягу, и ты съешь меня.

Согласился волк, и пошли дальше. Шли, шли, повстречалась им лиса. Подошел к ней Константин, поздоровался и рассказал все по порядку. Выслушала лиса Константина и говорит ему:

— Как же так можно в мешке унести волка? Я тебе, мужик, не верю. Да разве волк поместится в мешке? Ну-ка покажи, как это было.

Константин подставил мешок, а лиса говорит волку:

— Полезай в мешок, посмотрим: влезешь ты в него или нет. Может, вы оба врете.

Старый волк прыгнул, как жеребенок, в мешок. Тогда лиса и говорит Константину:

— А чем был завязан мешок?

Константин достал из кармана веревку и показал лисе.

— А ну-ка покажи, как ты завязывал мешок, — говорит лиса.

Константин завязал туго-натуго веревкой мешок. Тогда лиса указала лапкой на большую сосну и говорит Константину:

— Ну, а теперь ударь этим мешком об сосну три раза.

Константин схватил мешок и со злости ударил его что есть силы о сосну три раза. Потом лиса говорит Константину:

— Ну, теперь развяжи мешок и выпусти старого волка, посмотрим, съест он тебя или нет.

Развязал Константин мешок, посмотрел в него, а там остались от волка только кости. Заглянула в мешок лиса и говорит:

— Помни, мужик, умный человек волков не спасает.

Как собака друга себе нашла

Давно, неизвестно когда, в лесу жила собака. Одна. И стало ей скучно. Пошла она по лесу друга себе искать. Бредет она, а навстречу зайка бежит. Собака предлагает ему:

— Зайка, зайка, давай вместе будем жить.

— Что ж, — отвечает зайчишка, — пойдем вместе.

Нашли они себе местечко в лесной чаще и, как стемнело, легли спать. Заяц заснул, а собаке не спится, и залаяла от скуки. У зайца как рукой сняло весь сон. Вскочил он и говорит собаке:

— Да ты что лаешь. Вот услышит волк, придет сюда и съест нас обоих.

Перестала собака лаять и задумалась: «Неважный друг, оказывается. Вот если волк, этот уж видно, никого не боится». И, оставив зайца, пошла она волка искать.

Идет она по лесу, видит: навстречу бежит волк. Остановила его собака и заговорила:

— Послушай-ка, волк, давай мы с тобой вместе будем жить.

— Что ж, давай: вдвоем веселей будет, — отвечает волк.

Стемнело. Пошли они спать. Волк лег, и собака легла. В самую полночь проснулась собака и тявкнула. Испугался волк, даже душа в пятки ушла, и принялся ругать собаку:

— Зачем ты лаешь? Вот придет медведь и растерзает нас с тобой.

«Ну, — думает собака, — волк, видать, вовсе и не сильный, если медведя боится. Медведь — богатырь, вероятно, сильнее всех будет».

Оставила собака волка и пошла медведя искать. Бежит она по лесу — встречает медведя. Побежала к нему собака и заговорила:

— Эй, медведь-богатырь, давай с тобой будем вместе жить.

Согласился медведь. Пришла ночь. Медведь задремал. Поскучала, поскучала собака и залаяла. Вскочил перепуганный медведь и ну ругать собаку:

— Перестань, — кричит он, — зачем лаешь? Услышит нас человек, придет сюда и убьет нас с тобой.

«Ну, — думает собака, — и этот трусливый. Придется человека искать». И сбежала она от медведя.

Бегала, бегала по лесу, весь лес избегала, а человека нет. Выбежала она на лесную опушку и села отдохнуть. А человек шел в это время за дровами. Собака дождалась человека, подбежала к нему и говорит:

— Человек, а человек, давай с тобой вместе будем жить.

— Ну, что ж, — отвечает человек, — давай. Идем со мной!

И взял он собаку к себе в дом.

Вот стемнело. Человек лег. А собака не спит и в полночь начала лаять. Проснулся человек и крикнул:

— Эй, собака, что с тобой? Если проголодалась — поешь, а мне не мешай спать.

Все поняла собака. Поела и легла спать. С того времени она осталась у человека и теперь живет с ним. Тут и сказке конец.

Девочка Серебряный зубок

Живут-поживают старик со старухой. И нет у них ни детей, ни племени. Пошел старик в лес на промысел разный. Проходил он три года и собрался обратно домой. Шел, шел, захотелось ему пить. Видит — перед ним вода течет. Наклонился он воды напиться, а Ведява схватила его за бороду и не отпускает. Старик начал просить ее:

— Отпусти меня, кто держит, дома у меня есть семигодовалый конь — дарю тебе.

Ведява говорит ему:

— Не нужен мне конь. Обещай мне то, о чем сам еще не знаешь.

Старик опять просит:

— Есть у меня семь амбаров, полных зерна, отдам тебе любой из них, отпусти!

Ведява опять:

— Не нужен мне твой амбар. Обещай то, о чем сам не знаешь, — отпущу.

— На семи реках стоят мои мельницы, любую отдам тебе, только отпусти!

— Не нужны мне твои мельницы. Обещай то, о чем сам не знаешь, — отпущу.

Делать нечего старику — не отпускает его Ведява. Он и говорит:

— Да пусть будет по-твоему: бери у меня то, о чем еще сам не знаю.

Отпустила его тогда Ведява. Вернулся старик домой. Как только подошел он к воротам, вышла навстречу девочка лет трех, кинулась ему на шею и говорит:

— Батюшка, как я тебя ждала!

А старик отвечает:

— Эх, дочь моя, не очень радуйся моему приходу: я не знал еще о тебе, а обещал отдать Ведяве.

Погоревали, погоревали, да делать нечего.

Шло время. Настала пора уходить девочке из дома.

Один передний зубок был у нее из серебра. Залила она этот зубок воском и отправилась. Батюшка дал ей брусок, матушка — гребенку и сэме²⁷.

Идет, идет девочка Серебряный зубок, встречает стареньких старичков, зубы у них — что лучины, глаза — что ковши. Старики спрашивают девочку:

— Не видала ли ты по дороге девочку Серебряный зубок?

— Нет, дедынька, не видала, — ответила она и прошла мимо.

Идет, идет девочка, встречает стареньких да некрасивых старушек. Они тоже спросили ее про девочку Серебряный зубок:

— Девочка, девочка, не видала ли ты по дороге девочку Серебряный зубок?

— Нет, бабушки мои, не видала, — ответила им девочка Серебряный зубок и засмеялась. А в это время отвалился и упал воск с серебряного зуба.

Старушки увидели зуб серебряный, стали кричать стариков:

— Старики, старики! Идите сюда, здесь девочка Серебряный зубок.

Серебряный зубок от старух пустилась бежать. А старики да старухи догонять побежали.

Оглядывается Серебряный зубок — вот-вот догонят ее. Тогда девочка Серебряный зубок бросила кленовый гребень — сделался густой лес, руки не просунешь. И опять бежит дальше. Старики да старухи добежали до леса и давай зубами грызть его. Грызли, грызли — все деревья перегрызли, опять вдогонку за девочкой побежали.

Серебряный зубок оглядывается, а они опять вот-вот догонят. Теперь она бросила брусочек — образовалась высокая да крутая гора, даже и птице никакой не перелететь.

Старики и старухи добежали до горы и давай лезть на эту каменную гору. Лезли, лезли, наконец, перелезли — и снова бегут догонять девочку Серебряный зубок. Девочка оглянулась — они уже совсем рядом, тогда она бросила сэме — выросло высокое дерево. На том высоком дереве спряталась Серебряный зубок. Старики и старухи добежали до дерева и стали его грызть.

Серебряный зубок кричит:

— Патяй, патяй, патякай²⁸! Спусти кончик ниточки, подними меня на небо!

Сестра старшая ответила:

— Сейчас, сейчас, сазорнэм²⁹, вот вспашу загон да посею коноплю и спущу тебе кончик ниточки.

Старики, старухи торопятся, грызут дерево — даже кровь из десен бежит.

Серебряный зубок опять кричит:

— Патяй, патяй, патякай, спусти кончик ниточки!

А патяй отвечает:

— Погоди, погоди, сазорнэм, начала я коноплю терebить!

А старики да старухи торопятся — грызут...

Дерево осталось толщиной с шею. Серебряный зубок опять просит:

— Патяй, патяй, патякай! Спусти кончик ниточки, дерево осталось толщиной с шею.

— Погоди, погоди, сазорнэм! Коноплю вот замочу!

Дерево осталось толщиной с руку. Серебряный зубок снова просит сестру:

— Патяй, патяй, патякай! Спусти кончик ниточки, дерево осталось толщиной с руку!

А патяй отвечает:

— Погоди, погоди, сазорнэм, коноплю помну!

Старики, старухи все торопятся — грызут. Осталось дерево толщиной с палец — качается, гнется... Серебряный зубок опять просит патяй спустить кончик ниточки.

— Погоди, погоди, сазорнэм, куделюшку спряду! — отвечает патяй.

Но вот уже дерево осталось толщиной с тонкую нитку, гляди — обломится. Серебряный зубок опять просит сестру. Патяй спустила кончик ниточки. Девочка Серебряный зубок ухватилась за ниточку и по ниточке пошла вверх.

Только она ухватилась за ниточку, дерево тут и свалилось.

Старики и старухи обрадовались, побежали к верхушке дерева, а девочки там и нет. Рассердились они и давай друг друга грызть.

Пришла девочка Серебряный зубок к старшей сестре, та накормила ее, напоила и говорит:

— Прийти-то пришла ты ко мне, сестренка-сазорнэм, да где я тебя спрячу? Ведь муж-то у меня медведь, разорвет он тебя.

Подумала, подумала и сделала ее соринкой, спрятала в сор. Приходит муж и говорит:

— Ух, запахом людским пахнет!

Патяй отвечает:

— Где только ты не бываешь, какого запаха не наберешься, это от тебя запах людской идет.

Муж говорит:

— Сору хочу поесть!

— Ешь, да весь не съешь.

Стал муж есть сор. Ел-ел, не смог съесть. А в остатках девочка Серебряный зубок и лежит. Утром опять муж ушел куда-то. Девочка Серебряный зубок вышла из сорной кучки, патяй накормила ее и напоила. Спустя некоторое время смотрят они — опять идет муж. Теперь патяй сделала ее жаром и в печурку жар положила. Приходит муж и говорит:

— Ух, запахом людским пахнет!

А патяй опять говорит ему:

— Где ты только не бываешь, всякого запаха наберешься, от тебя и несет людским запахом.

Муж говорит ей:

— Жару хочу есть!

— Ешь, да весь не съешь.

Стал муж глотать жар. Ел-ел, но весь не съел. А в остатках и Серебряный зубок лежит.

На третий день патяй спрятала девочку на дне сундука своего. Приходит муж и говорит:

— Сундук хочу съесть!

— Теперь последний мой сундук съешь! Иди лучше отнеси его во двор к моему батюшке. Да смотри, чтоб в дороге в сундук не заглядывал, я за тобой глядеть буду!

Медведь взвалил на спину сундук и пошел. Несет, несет, думает: «Ой, как тяжело! Ну-ка погляжу, что в сундуке».

Только начнет открывать сундук, Серебряный зубок кричит оттуда:

— Вижу, вижу, не открывай!

Медведь говорит:

— Знать недалеко я ушел, коль видит.

Взял опять сундук на спину, понес дальше. Прошел немного, снова хочет открыть сундук. А Серебряный зубок опять кричит:

— Вижу, вижу, не открывай!

Так медведь и притащил тот сундук во двор к отцу девочки Серебряный зубок. Поставил среди двора, а сам назад пошел. Вышел отец, открыл сундук, а оттуда и выпрыгнула дочка Серебряный зубок.

Красивый Дамай

Жил-был на свете красивый Дамай. У него был кузовок с коровьим маслом. Кузовок этот стоял под полом. К кузовку с коровьим маслом повадилась лиса. Догадался красивый Дамай: масло у него все уменьшается. Стал он караулить, кто ходит есть у него масло.

Долго, не долго ли караулил Дамай — пришла лиса и стала есть масло. Поймал Дамай лису. Лиса и говорит ему:

— Дамай, миленький, красивый Дамай, ты не бей меня, не убивай, я тебе много добра сделаю.

Красивый Дамай отвечает ей:

— Не убью. А какое добро сделаешь мне?

А лиса говорит:

— Я сосватаю тебе дочь царя — бога Пурьгине³⁰.

Красивый Дамай не убил лису, он отпустил ее.

Лиса шла, шла и дошла до царя Пурьгине. Она пришла к нему и стала просить его выдать свою дочь за Дамаю.

— Вай, царь Пурьгине, красивый Дамай послал к тебе просить руки твоей дочери. Царь Пурьгине, ты выдай свою дочь за красивого Дамаю: другого такого богатого зятя ты не найдешь. Весь свет обойдешь, такого

богатого, как он, нигде не найдешь. Его поля полны стадами, его ток полон хлеба, его дома полны работниками. Красивый Дамай всем богат, только не богат женой. Вот какой он у нас!

Царь Пурьгине подумал, посоветовался со своей дочерью.

— Ладно, — говорит он, — выдам дочь за такого богатого человека.

Затем лиса говорит царю Пурьгине:

— Эх, сват мой царь Пурьгине, у твоего зятя красивого Дамаю сватов будет очень много, лошади у них очень уж хорошие. Чтобы хороши и прочны твои дороги и мосты были: когда едет красивый Дамай, под ним земля дрожит, небо гудит.

Вернулась лиса обратно, говорит она красивому Дамаю:

— Пойдем теперь, мой милый, красивый Дамай, сватать дочку царя Пурьгине. Только вот что: когда приедем к царю Пурьгине, ты много не говори, а то себя погубишь. За тебя буду говорить я. Он, скажу, очень умный, много говорить не любит.

Недалеко от красивого Дамаю жил семиглавый Каряз. Когда они шли через поля этого семиглавого Карязя, навстречу попало куриное стадо. Лиса спрашивает пастухов:

— Чье это стадо?

— Это куриное стадо семиглавого Карязя, — ответили пастухи.

— Эх, вы, куриные пастухи, когда будет ехать свадьба красивого Дамаю, вы смотрите так не скажите, царь Пурьгине убьет вас молнией, огнем своим сожжет, золу вашу своим ветром развеет. Он красивому Дамаю свою дочь отдает. Если спросит вас: «Чье это стадо?», «Красивого Дамаю», — скажите ему. Царь Пурьгине не тронет вас.

Шли, шли они, навстречу попало им утиное стадо, гусиное, стадо индюков, стадо свиней, стадо овец, стадо коров, табун лошадей. Лиса всех пастухов научила так же отвечать, как и пастухов куриного стада.

Вот лиса и красивый Дамай дошли до большой речки. Через нее царь Пурьгине велел построить хороший, прочный мост, под мостом столбы каменные, а мост железный. Лиса говорит красивому Дамаю:

— Как разломать нам этот мост? Вот как мы сделаем: я стану грызть эти столбы, а ты будешь раскачивать их.

Лиса грызла, грызла столбы — перегрызла, а красивый Дамай раскачал их и повалил. Тогда лиса велела красивому Дамаю снять порты и рубашку и пустить их по воде. Красивый Дамай так голым и пошел к царю Пурьгине.

Когда дошли они, лиса стала жаловаться царю Пурьгине:

— Ведь вот что ты наделал, сват царь Пурьгине! Говорила я тебе, чтоб твои дороги и мосты были хорошие и прочные, а они никуда не годятся, плохие. Как стали проезжать через большую речку по мосту, мост твой не выдержал, провалился, все до одного сваты твоего зятя красивого Дамаю утонули. И сам твой зять Дамай чуть не утонул, но очень хорошо плавает. Он быстро скинул свою одежду, бросил ее в воду и голым переплыл через воду. Эх ты, сват царь Пурьгине, у твоего зятя красивого Дамаю все сваты были самые лучшие бояре. Они все до одного утонули с лошадьми, с упряжкой. Остались только мы. Очень уж счастливая твоя дочь. Где ей найти такого мужа, как красивый Дамай! У твоего зятя красивого Дамаю хорошие были лошади, но лучше всего была его одежда. Эх, сватушка, опозорил ты меня в глазах твоего зятя красивого Дамаю! Не знаю, понравятся ли ему твои лошади и наряд твоей дочери.

Дочь царя Пурьгине приносила красивому Дамаю наилучшую одежду, но он ни одну не надевает, только в восьмой раз принесенную одежду надел. Сам Дамай молчит, за него говорит лиса:

— Не говорит красивый Дамай, он не хочет надеть такую одежду, он никогда не носил таких плохих портов и рубах.

Царь Пурьгине запряг своих лошадей и для себя, и для своего зятя красивого Дамаю.

У лошадей из глаз искры летят, а из ноздрей дым идет, уши их веретеном вертятся, ноги как песты играют, хвосты как ночевки³¹ веют; когда они скачут — земля дрожит, небо гремит, из-под ног их искры летят, высекаясь, молнией играют. Когда они скачут — медведи и волки пугаются, в лес убегают, змеи на пути замирают, ястребы в небе за облака прячутся.

Вот едет свадьба красивого Дамаю по полям семиглавого Карязу, мимо его стад. Царь Пурьгине, где ни увидит стадо, спрашивает:

— Это чье стадо?

Пастухи отвечают:

— Это стадо любимого, красивого Дамаю.

Лиса впереди бежит, только хвост ее во все стороны юв-юв мотается, свадебный поезд оставила далеко позади себя. Пришла она прямо к семиглавому Карязу.

— Семиглавый Каряз, царь Пурьгине свою дочь выдает за красивого Дамаю, он в твоём доме свадьбу будет играть. Если не пустишь, то он тебя своим громом убьёт, огнем и молнией сожжет, своим ветром развеет тебя.

Семиглавый Каряз говорит лисе:

— А сам я куда пойду?

— Сам куда пойдешь?! Вот спрячься за семью кострами!

(На дворе семиглавого Карязу было семь костров из сырых дубовых дров.)

Семиглавый Каряз спрятался за этими кострами. Лиса говорит Карязу:

— Смотри, до ухода царя Пурьгине отсюда не выходи! Если выйдешь, то ты потеряешь свои головы. Он тебя не любит, застрелит и сожжет тебя. Как спьянится он, что бы он ни делал, что ни говорил, ты не шевелись!

— Хоть он и выстрелит, и костры зажжет, я и тогда не шелохнусь; когда сожжет он меня, только золу не раздуло бы ветром. Я тогда снова оживу, в молодого парня превращусь. Его зятя красивого Дамаю съём, а царевну возьму к себе. Тогда силы царя Пурьгине не хватит против меня.

Вот лиса с красивым Дамаем в чужом доме и чужим добром угощают царя Пурьгине и всех сватов, приехавших с ним. Долго они так пили-ели. Царь Пурьгине опьянел. Лиса говорит ему:

— Сват Пурьгине, а сват Пурьгине, ты не можешь выстрелить, зажечь эти семь сырых дубовых костров?

— Выстрелю, зажгу, — говорит он.

Лиса не успела в ответ слова вымолвить, как что-то бухнуло, земля начала греметь. Пурьгине прострелил все семь костров, с гулом поднялся густой черный дым: огонь молнии те семь костров лизать начал. Семиглавый Каряз и охнуть не успел, огонь молнии дотла сжег его. А лиса в это время смеется, вот смеется!

— Что ты смеешься, сваха лисица? Рассердить хочешь? Ты смотри, не серди меня, весь ваш дом превратится в золу, и я разнесу ее ветром.

Лиса говорит:

— Как не смеяться над тобой, сват миленький? Ты эти дрова зажечь-то зажег, а золу их развеять не сможешь!

И вдруг как поднимется сильный ветер с огнем молнии. Он эту золу поднял густым облаком и разнес ее. Лиса успокоилась — она очень боялась, что семиглавый Каряз оживет.

Свадьба кончилась, сваты разъехались по своим домам. Остался только красивый Дамай со своей молодой женой. Пришла лиса, говорит ему:

— Любимый, красивый Дамай, а любимый, красивый Дамай, хороша теперь жизнь твоя: женила и обогатила я тебя! Я от тебя много не прошу — только мешок кур в каждый мой приход.

Отвечает ей красивый Дамай:

— Хорошо, хорошо, милая лисица, ступай в огород, я туда пришлю мешок с курами.

В огороде поставили мешок. Лиса и развязать его не успела: оттуда как прыгнут на лису желтые собаки и грешную лису тут же и съели.

Ленивица

Одна женщина отдала свою дочь замуж в другую деревню. Когда она выдавала дочь замуж, так ее учила:

— Ты, говорит, доченька, не забывай свои гребень и веретено, постоянно берись за них.

Я скажу вам, ребята, какая была ее дочь: я обеих их, мать с дочерью, знавал. Дочь ее была из ленивиц ленивица.

Когда вышла она замуж, то не забывала слов своей матери: к соседям ли выйдет — гребень и веретена не оставляет; белье стирает, квашню месит, спать ложится, есть садится — за гребень и веретено постоянно хватается. Вы думаете, поди, что она пряла? Нет, она не пряла, а только в руки возьмет да опять положит их.

Так она жила года два; привезенную от матери одежду всю износила. Случилось ей с мужем поехать как-то в гости к матери. Но как ей теперь ехать, если нечего надеть, она и дома чуть не нагая ходит. А поехать хочется: попить, поесть она очень любила. Она говорит своему мужу:

— Вот мы что сделаем: ты под себя побольше соломы подложи, на нее постели войлок. Когда к матушке приедешь, ты там обо мне скажи: она, мол, после приедет. Под вечер я как-нибудь войду в избу и скажу им, что на дороге, когда я сюда ехала, на меня напали разбойники и отняли, маменька, все, что я тебе везла, а с самой меня и одежду содрали!..

Так и сделали они. Когда смерклось, в доме ее матери зажглись огни. В избе гости опьянели: кто поет, кто пляшет.

Вдруг как ухнет что-то с полавочника³² на стол. Что было на столе — все разлетелось, стол свалился набок, вся изба наполнилась пухом и перьями. Люди, бывшие в избе, испугались и попрятались: который был вблизи двери — выбежал в сени, который в подпол кинулся, который под лавку, который под печку, а другие на печку, на полати; не спрятался только зять. Он говорит своей жене:

— Что ты сделала? Где была? Почему ты нагая?

Она, воя во весь голос, начала рассказывать то, что они выдумали вдвоем с мужем. Мать обрадовалась своей дочери и поскорее одела ее, нарядила.

А было так: дочь ее, когда стемнело, тихонечко вошла в избу и влезла на печку, оттуда на полати, а с полатей на полавочник. На полавочнике, над столом, стоял короб, полный перьев и пуха. Она села в те перья и тот пух да, вероятно, опьянела от винного запаха или же очень есть захотела — не знай, но из короба-то, наклонившись, начала смотреть на стол. Наклонялась, наклонялась да и слетела оттуда со всем: с коробом, пухом и перьями вместе.

Старинная побасенка

Жили-были старик со старухой. А у них были одна дочь и один сын. Старик да старуха много годов прожили — состарились. Дочь выросла — невестой стала; сын поднялся — на солдатскую службу пора.

И посеvu у них было кругом ползагона. Подошла пора убирать посев.

Старик говорит:

— Я не пойду убирать: стар уж стал, зимой помру, хлеб мне не нужен будет.

Старуха тоже говорит:

— И я не пойду убирать: и я уж стара, зимой помирать буду.

А дочь говорит:

— Я тоже не пойду в поле: я выйду замуж зимой.

А сын сказал так:

— Я, пожалуй, тоже не буду убирать посев: я зимой в солдаты иду. Зачем мне хлеб?

Выпал снег, настал холод. Есть нечего. Старик живет, и старуха живет. Дочь не вышла замуж, а сын в солдаты не пошел. Остались все они дома, да есть им нечего. Холодно. Угол дома затрещал от мороза.

— Ой, не молотить ли зовут? Хоть за еду бы позвали молотить, — говорят они между собой. Вышли во двор — никого нет.

— Эх, что будем делать? Есть хочется. Пойдемте убирать хлеб, как-нибудь из-под снега выкопаем.

Взяли они лопаты, серпы, грабли и пошли. Пришли на полосминник³³, а он под снегом. Стали сгребать да скрести снег. Холодно. Они скребли, скребли, сметали, так там все и замерзли.

Вот тебе жатва зимой!

Горячие сани

Едет однажды с возом из Кочкурова в село Турдаки один старичок. Время было зимнее, холодное.

Ехал, ехал старик, лошадь его устала, да и дорога пошла в гору. Старик поминутно погоняет лошаденку, и сам помогает ей: ухватится за оглоблю и везет вместе с лошадьё. Еле-еле перевалили горку. Старик так вспотел, что пот с лица льется. Но вот дорога пошла под уклон. Сел старик в сани на поклажу и едет. Снял с себя шапку и голицы³⁴.

Вслед за мужиком едет на тройке барин. На нем теплый лисий тулуп. Догнал старика, говорит кучеру:

— Останови лошадей!

Кучер остановил лошадей. Барин спрашивает старика:

— Почему, старик, ты зимой так сильно вспотел?

— Э-э-э, барин, — отвечает старик, — мои сани горячие. Видишь, я и шапку снял, и варежки сбросил.

Барин говорит:

— Давай, старик, обменяемся санями!

— Не знаю, что и делать, — отвечает старик, — мои сани очень уж горячие, мне жалко расставаться с ними.

Барин как репей пристал, не отвязывается от старика.

— Ты, старик, новые сани сделаешь себе, еще горячее, а эти подари мне.

— Ладно, — говорит старик, — уступлю, но только вместе с лошадьми: я тебе отдам лошадь с упряжкой, а ты мне отдашь свою тройку с упряжью.

Обрадованный барин отдал свою тройку с санками и взял мужикову клячу с санями. Барин и тулуп свой отдал мужику, решил, что теперь он не нужен.

Старик надел на себя тулуп, сел в барские сани, хлестнул кнутом лошадой и покатыл — только снежная буря поднялась за мужиком.

А барин посадил кучера в сани, и сам развалился, снял со своей головы шапку, сбросил теплые перчатки, ждет, когда вспотеет. Ждал, ждал, когда вспотеет, не дождался и стал мерзнуть. Сидел, сидел, посинел да как заорет на кучера:

— Гони скорей, чертов сын! В этих проклятых горячих санях в лед превратиться можно!

Кучер гнал, гнал лошадь, даже руки устали, а сам он сильнее старика вспотел; лошадь же не прибавляет шагу, еле ноги волочит. А у барина зуб на зуб не попадает. Видит он, что дело плохо, слез с горячих саней и побежал домой.

Порознь — плохо, вместе — очень хорошо

Жили-были по соседству три старика, три брата: пахарь, кузнец и плотник; дома их были рядом. Жили они плохо. Не было между ними никакого ладу. Из-за безделушки начнут ругаться, затем друг на друга сердиться.

Иногда высыхала в речке вода — курице пить не останется. В выемку немного натечет, кто успеет пораньше утром выйти, тот ковшом в ведро вычерпает всю воду, другим же не останется.

Выйдут жены на улицу, возьмутся друг у друга выпрашивать.

— Кто воду вычерпал?

Одна скажет — не я, другая — не я. Слово за слово, и ссориться.

Старики выйдут унимать их. Сначала смеются друг над другом, а затем поругаются.

Однажды из-за пустяка вконец поссорились.

— Я вам хлеба не дам, с голоду помрете, — говорит пахарь.

Кузнец молотком по углу стучит и кричит:

— Я ваши косы не буду поправлять, серпы не буду точить, зубами урожай будете грызть. Придете ко мне, поклонитесь!

Плотник кричит:

— А если сгниют дома, замерзнете, словно тараканы, и умрете без меня. Соха изломается — не сделаю.

С руганью разошлись братья. Живут порознь.

Сначала у плотника кончился хлеб. Не идет он кланяться к пахарю. Принес из лесу липовую гнилушку. Жена стала месить тесто вместе с листьями. Ели, ели — сил нет. Похудели, остались только кости.

Кузнец сделал ружье и пошел в поле бить ворон, но не увидел ни одной вороны. Однако не идет кланяться к пахарю. Земледелец смеется, смотрит на них.

Лето было сухое. От пожара сгорели все три избы. Ничего у братьев не осталось.

Что делать? Жить где-то надо. Плотник взял погоревший топор и принялся рубить сруб. Ударил по сучкастому дереву, вылетел с черенка топор, поломался. Бросил его плотник, пошел вместе с женой горевать.

Вышел земледелец озимь сеять — дуги нет и соха поломана. Тоже пошли вместе с женой горевать.

Пришел в свою кузницу кузнец с молотком (кузница не сгорела), ждал, ждал — никто не приходит. Смотрит в дверь — дождь припустил. Обрадовался кузнец. Встал под дождь, шапку снял и стоит.

Подошел к нему плотник и спрашивает:

— Что делаешь, брат?

Кузнец отвечает:

— Дождь собираю, чтоб рожь растить.

Плотник тоже шапку снял с головы встал рядом с ним под дождь. Оба стоят.

Подошел к ним пахарь и спрашивает:

— Что делаете, братья?

— Дождь собираем, чтоб рожь растить, — отвечают те.

Встал рядом пахарь, снял и он шапку.

Стояли, стояли три старика, три брата, собирали дождь и задумали одно дело.

Пахарь говорит:

— Пойдемте пруд прудить.

— Пойдем! — все обрадовались.

Взялись три старика, три брата пруд прудить.

Речку скоро запрудили, сделали мельницу. В пруд пустили рыбешек.

Кузнец поправил косы, сошники. Земледелец посеял хлеб. Плотник сделал дом.

Стали жить вместе. И теперь живут — водой не разольешь.

Я тоже был у них, ловил рыбу, в пруду купался. Хорошее дело — жить вместе, порознь — очень плохо.

Эпические песни

Эпическая песня занимает в мордовском фольклорном репертуаре значительное место. Жизнь ее в хоровом исполнении является важнейшей национальной особенностью. Хоровое исполнение рассчитано на несколько минут, поэтому здесь не может быть большой развернутой поэмы. Исходя из особенностей мордовской эпической поэзии, все ее разнообразие условно можно свести к трем разделам: героические, семейно-бытовые и исторические песни.

В мордовском фольклоре имеется большая группа песенных и прозаических произведений мифологического и сказочного содержания. Древнейшими являются песни-мифы, повествующие об образовании земли. Первоначальное возникновение суши, воды и света связывается в них с образами трех рыб.

К ранним песням относятся и такие произведения, в которых защитником интересов народа выступает девушка. Это песни о девушке и смерти, о девушке, вступающей в конфликт с земными и небесными поработителями. К таким относятся песни о девушке Литове и о построении города. Небесная семья в песнях о Литове изображается как чужой род со своими порядками, бытом, нравом. В подчинении Громовика находятся не только покровительница ветра и сноха Литова, но и сын Молния.

В основу песен и преданий о строительстве положены древние суеверные представления о необходимости принесения жертвы местному божеству, чтобы прочнее стояло общественное сооружение: город, мельница, крепость. Здесь повествуется о том, что старейшины и жрецы, убедившись в невозможности закончить построение здания без принесения жертвы, добиваются путем жребия выбрать девушку в качестве жертвы. В более поздних песнях эта жертва добывается при помощи насилия, обмана. В некоторых песнях старейшины пытаются заменить человека-жертву вещами, животными. В сохранившихся до нашего времени песнях о построении

города изображаются не исторические события, а, прежде всего, строительный обряд и взаимоотношения между членами коллектива.

Многие песни мифологического и героического содержания связаны с матриархальными героями, богинями, чудовищами. Песни о борьбе человека с чудовищем убеждают, что в них не выработано понятие общемордовской земли, нет общенационального героя.

Сравнительно ранними надо считать и песни, осуждающие охоту, песни о состязании коня с соколом и другие, воспевающие превосходство земледелия над другими формами хозяйства. Многие песни изображают не только охотника, но и рыболова, имя которого чаще всего бывает Андямо. К рыбаку Андямо отношение такое же отрицательное, как и к охотнику, ибо они ведут бесхозяйственную и плохо обеспеченную жизнь. Девушка дает согласие быть женой земледельца: у того богатство — полные закрома ржи и пшеницы. В песнях о коне и соколе прослеживается все та же символика: конь — символ земледелия, сокол — охоты.

Песни и предания о Тюште тоже относятся к древнейшему периоду истории мордвы. Старик Тюштя ни в одной песне не выступает общемордовским правителем: он — старейшина определенных групп, родов, племен. В эрзянских песнях он эрзянский предводитель, а в мокшанских — мокшанский.

Семейно-бытовые балладные песни связаны с жизнью народа, порождены его эстетическими потребностями. Идеи и образы в этих песнях богаты и разнообразны. Здесь можно встретить песни, напоминающие мифологический эпос, сказочные приемы и черты героической песни, а также приемы и образы лирической песни. Действие песни может происходить как в реальном мире, так и фантастическом, сказочном.

В мордовском фольклоре обнаруживаются остатки бывшего почитания медведя. В эрзянской свадебной поэзии вплоть до последнего времени отводилась значительная роль веселому медведю, символизирующему

размножение будущей супружеской пары. Вероятно, с почитанием медведя связаны и эрзянские песни, изображающие его как мужа мордовки, у которой родятся дети. В песнях подчеркивается хорошая, дружеская и обеспеченная жизнь с медведем, его добродушие и заботливость. Поэтому героиня песни, потеряв мужа или своих медвежат, глубоко переживает это. Другой семьи она не мыслит и негодует на отца и братьев, погубивших ее мужа и детей.

Сказочные мотивы встречаются и в других семейно-бытовых балладах: о поющей дудочке, о мачехе и падчерице. Старшая сестра из зависти убивает младшую, и на могиле вырастает береза. Скрипач делает из нее скрипку или дудочку, и та рассказывает всем о трагедии. Или в песнях о мачехе и падчерице, как и в сказках, мачеха дает невыполнимые задания. В одних песнях падчерице помогает мудрый седой старик, а в других — покойная родная мать, которая оживает в могиле. Симпатии народных певцов целиком на стороне невинной кроткой девушки.

Ведение земледелия в лесных районах требовало создания большой семьи, большого количества рабочей силы. Это вынуждало женить малолетних детей, чтобы, не дожидаясь зрелости жениха, получить добавочную рабочую силу. Семья невесты была заинтересована как можно дольше удержать ее в своем доме, и только в 20 — 30 лет выдавать в чужую семью. Мордовская семейно-бытовая баллада не скупится на разностороннее изображение трагедии неравновозрастного брака не только для жены, но и для мужа: в пору зрелости он переживает разлад с женой-старухой.

Протест девушки против семейного угнетения порой приобретает форму острого конфликта и переходит в проблему взаимоотношений между отцами и детьми. В песнях создаются разные ситуации, порой приводящие к трагедии.

Мордовские баллады о неравновозрастных браках, о конфликте между отцами и детьми в своей основе порождены стыком двух эпох — затухающей патриархальной и вступившей в жизнь капиталистической.

Земля зародилась

Земля зародилась, обычаи зародились...

Что на свете явилось вначале?

Большая вода, великая вода (океан).

В той воде великой три рыбы,

Три рыбы, три родные,

Все три рыбы — родные сестры.

О чем заговорили рыбы,

О чем призадумались вещуньи?

Старшая-то рыба, старшая сестра,

Говорит остальным рыбам:

— Ох вы, сестры, вы родные,

Ох вы, сестры, вы любезные!

Подплывите-ка вы поближе

Да послушайте, что скажу я вам.

Я скажу вам, поведаю притчу:

Для того мы на свет явились,

Поэтому мы родные ожили —

Нам держать на себе три тяжести,

Нам нести на себе три тяжести.

У земли (нашей) три начала,

У земли нашей три пропасти,

К тем пропастям нам плыть.

По краям мы, сестры, станем,

(Под землю) спины поставим.

Для того мы на свет явились.

И давайте теперь, родные, —

Говорит тут старшая рыба

Остальным своим сестрам-рыбам, —

Давайте-ка мы распростимся,
Попрощаемся-ка мы с вами.
Не увидимся мы, родные, боле,
Не увидим совсем друг дружку... —
Так сказала старшая рыба,
Большая рыба, что большой якорь,
Старшая рыба, вещунья:
— Я отправлюсь, родные, на восход,
Наша средняя (сестрица) — на полдень,
А младшая наша — к закату.
Благословлю я теперь вас...
Как отправлюсь я на восход,
Вода берега затопит.
Как на полдень отправится средняя —
Океан рассечет пополам.
Взойдет солнце — она увидит —
По лугам океан разольется.
Как отправится младшая рыба —
Тут всю землю вода затопит,
Русла, овраги водою заполнит...

Хмелиная матушка в доме пирующих

Где, где Хмелиная матушка родилась?
Где, где Хмелиная матушка выросла?
За околицей, в пойме, в ольшанике.
Высотой с ольху Хмелиная матушка,
По вершине ольхи раскинулась.
Важно матушка Хмелиная похаживала,
В шапке набекрень прохаживалась,
В полинявшем халате щеголяла.

Как вошла она в дом пирующих,
Села матушка в красном углу.
А хозяйка урожая за дверьми встала.
В щель двери хозяйюшка поглядывала.
– Почему неходишь, хозяйюшка, ты в избу?
Не проходишь отчего в красный угол?
Не садишься почему со мною рядом?
– Не пойду я, Хмелиная матушка, в передний угол.
Ох, не сяду я, Хмелиная матушка, с тобой рядом.
Ты в лохмотьях, Хмелиная матушка, в обносках,
А расселась ты в доме праздничном.
В лохмотьях-обносках, да еще в красном углу.

Литова

Грешная Литова, проклятая Литова,
Не было у Литовы суженого-ряженого,
Не было у Литовы сватающего-покупающего.
Проклял Литову батюшка,
Прокляла Литову матушка.
— Выдадим, Литова, тебя выдадим,
Просватаем, Литова, тебя просватаем.
Продадим, Литова, тебя продадим!
За старого ногойца выдадим,
За бритоголового продадим,
За старого человека продадим.
Так Литову за чужеземца прочили,
А она попала (в семью) Нишке,
Сыну бога — молодцу,
Богу Грома и дождя.
Вихрь Литову на небо поднял,

Гром-молния отнес к Нишке.
Нишке сделал (ее) женой Грома,
Женою бога Грома.
Литова на небе жила-поживала.
Тридцать лет она прожила,
Семь сыновей Грому она родила,
Семь снох богу Нишке сосватала.
Семь качающихся зыбок (у нее).
Семь внуков (у нее).
Сюда качнет — песни поет,
Туда качнет — плачет:
— Что за грусть на меня напала,
Что за горе на меня нашло,
Что за печаль меня тревожит?
Приказывает Литова снохам,
Приказывает-наказывает, говорит им:
— Испеките, снохи, испеките-приготовьте
Семь печей хлеба-калачей,
Еще, снохи, испеките-приготовьте сдобы,
В восьмой печи — орешки, пряники.
На меня тоска напала,
Я отправляюсь в село отца, в родимый дом,
Я отправляюсь в село матери, на свою улицу.
Три воза калачей наложили,
Четвертый воз — орешки, пряники,
На пятом возу — ватрушки, лепешки,
На шестом — сама Литова едет.
На седьмом возу питье везет.
Как Литова собралась-отправилась,

Как Литова собралась-поехала,
Огнями Грома небо наполнилось,
Жаркими молниями земля осветилась,
Земля, небо потонули в грохоте,
Небо и земля задрожали.
Бог Грома Литову опустил,
С неба на землю доставил.
Бог Нишке Литову до семьи довел.
Как Литова добралась до матушки,
Как Литова дошла до батюшки,
С целым обозом гостинцев, —
Отец Литовы испугался,
Мать Литовы вздрогнула.
— Вай, что за боярыня сюда подъехала,
Вай, что за боярин у наших ворот стоит?
Не узнали они Литову,
Не узнали они ее,
Не узнали лицо ее, голос...
Приходу Литовы они обрадовались,
Горячими слезами они заплакали,
Во весь голос завопили.
Так встретил Литову батюшка,
Так встретила Литову матушка,
Так гостила Литова у родителей,
Так встретилась дома с отцом-матерью.
Погостила Литова, назад уехала.

В казанской стороне

Вай, встретились-собрались эрзянские парни,
Вай, встретились-собрались мокшанские молодцы,

Собрались в Казань, в казанскую сторону,
Начали в Казани церковь строить,
Принялись город Казань вновь отстраивать.
На казанской горе церковь закладывают,
На вершине казанской горы церковь воздвигают.
Снизу строят — сверху ломается, валится,
Сверху строят — снизу рушится, валится.
Вай, рубили-воздвигали — церковь не построили,
Вай, строили, строили — Казань не построили.
Вай, основание просит человеческую голову,
Церковь просит (в жертву) человека.
Надо вначале бросить голову пахаря,
Надо вначале положить эрзянского парня,
Надо пустить человеческую кровь, положить тело,
Масторава просит человека в жертву...
Вай, положили в основание (церкви) голову парня,
Окропили землю кровью парня-пахаря,
Положили под церковь тело парня.
Вай, положили парня,
Семья парня осталась без кормильца.
Пропала семья, двор без кормильца — сирота.
Вай, и после строили — не построили,
Рубили, рубили дубы — (сруб) не сумели срубить,
Клади камни, кирпичи — не сумели сложить...
Вай, нужно красивую девушку,
Красивую девушку, красивую молодую.
Окропили землю кровью эрзяночки.
Клади в основание церкви тело женщины.
Положили эрзянскую женщину.

Осталась семья женщины без кормилицы,
Без кормилицы дети остались — сиротами.
Вай, и после строили — не построили,
Рубили, рубили — (сруб) не сумели срубить,
Клади камни, кирпичи — не сумели сложить.
Церковь казанская, город Казань — не воздвигаются...
Вай, нужно голову красивой эрзянки,
В жертву принести голову честной девушки.
Положить в основание церкви девушку,
Эрзянскую девушку отдать в жертву казанской земле,
Единственную дочь у отца с матерью.
В жертву принести самую красивую эрзянскую девушку,
Единственную дочь у отца с матерью.
Принести самую заботливую, честную эрзянскую девушку.
Напоили землю кровью девушки-эрзянки.
Положили под церковь тело девушки,
Положили эрзянскую девушку.
Остались одинокими у девушки отец с матерью,
Пропало у красивой, честной девушки приданое.
Как бросили девушку под церковь,
Как положили эрзянскую девушку в казанскую землю,
Церковь начала складываться, строиться,
Город Казань — воздвигаться.

Агафья

Ой, село, село... Посреди села,
Посреди села церковь строят.
Церковь строят...
Где строят — там и рушится.
Она рушится — человеческую жертву просит.

— Давайте, старики, соберемся на сход,
Давайте, старики, вино возьмем.
Мы будем пить из чарочки,
Отца Агафьи будем поить из черпака.
Отца Агафьи напоили из черпака.
Продал (он) Агафью под церковь.
Сидела Агафья под светлыми окнами,
Смотрела Агафья на улицу.
Отец Агафьи идет по улице:
Без ветра ведь он качается,
Без кочек он ведь спотыкается.
Выходила Агафья отца встречать.
— Ух, не радуйся, Агафья, мне,
Я сам радуюсь, Агафья, тебе!
Был, Агафья, на совете,
Отдал, Агафья, тебя под церковь,
Обещал, Агафья, тебя живую в гробницу.
Обняла Агафья отца,
Жаловалась Агафья отцу:
— Ух, отец, я пойду туда,
Ух, родненький, сердце ты у меня отнял!
Агафья теперь разрыдалась...
Ударила себя обеими руками,
Заломила Агафья десять пальцев.

Миняша

Ой, высокие горы Миняшины,
Выше гор тех Миняшины леса,
Среди леса — Миняшин луг,
На середине луга — колодец.

Те луга, будто лента зеленая,
Точно пестрый ковер, те луга.
Точно барыни, сосны Миняшины.
А колодец — родник серебряный.
Точно золото, камни в колодце.
Миняша свой луг осматривает,
Миняша в колодец заглядывает.
— Ой, кто-то мой лужок истоптал,
Ой, кто-то из колодца пил.
Ой, не зверь мой луг истоптал,
Ой, не птица из колодца пила —
Парень бравый мой луг истоптал,
Добрый молодец выпил из колодца.
Ужо встречу я его, дерзкого,
Ужо убью я его, обидчика.
И пошла Миняша по лугу,
Заманивать доброго молодца.
Ходила, ходила — вздремнула,
Присела Миняша — уснула.
Бравый парень в то время шел,
Добрый молодец мимо шел.
Видит парень — дремлет Миняша,
Видит молодец — спит Миняша.
Саблю острую молча вынул,
Обнажил блестящую саблю,
Шесть голов отрубил у Миняши.
Шесть головушек с языками.
В тяжком сне Миняша вздохнула,
Ой, по лесу ее голос разнесся:

— Не губи меня, добрый молодец!

Славный молодец, я молю тебя!

Не руби мне последнюю голову,

Сохрани мне язык последний!

Все добро свое подарю тебе,

Конь, что ветер, — тебе отдам.

— Я коня и так заберу.

Все добро твое станет моим.

— Ой, как боярышня, моя дочь,

И ее, паренек, я отдам тебе.

— И так твоя дочь моя.

Взмахнул молодец острой саблей,

Отнял душу он у Миняши,

Отнял душу у людоедки.

Андямо — единственный сын

У родителей Андямо единственный,

Вырос молодец одинешенек.

У отца сын — единственный

И у матери одинешенек.

Вот лишился отца он,

Остался без матери.

И задумался Андямо

Отчий дом свой покинуть,

Из родного дома уйти.

Уж он шел, шел.

На пути встретил озеро с ночевку,

Лесок с гребешок.

Лесная трава высокая,

Лесная роса густая...

Он двенадцать годочков прожил,
Он двенадцать годков там пробыл.
Некому было траву топтать.
Некому было росинки сбивать.
Прошел Андямо, потоптал траву,
Росинки светлые с той травы сбил.
На середине леса там кряж стоит,
В лесной гущине старый дуб растет.
На дубе том — ядовитый змей,
На кряже том — злой, шипящий змей.
— Уж я тебя съем, съем, Андямо!
Растерзаю тебя, охотник!
— Не съест тебе меня, змея страшная!
Не убить меня, ядовитая!
Застрелю я тебя, змея злая!
Погублю тебя, ядовитая!
— Не стреляй в меня, добрый Андямо!
Не губи ты меня, охотничек!
Протяни мне ружье, я спущусь,
Укажу тебе путь-дорожку.
Протянул ружье свое Андямо,
Он подал змее свое ружье.
И спустилась змеюга страшная,
Впрямь спустилась она, ядовитая.
Вокруг шеи его обвилась,
Обхватила кольцом его шею,
Да и вывела Андямо (из лесу),
Впрямь дорогу ему указала.
Задумал Андямо вернуться домой,

Тронулся восвояси.
(Видит) поле пашет старик,
Поле засекает старец.
Лошадь (старца) заговорила,
Молвила человеческим голосом:
— Уж ты, Андямо, добрый молодец!
Ты (Андямо) охотник славный.
Тридцать лет я на свете прожила,
Я двенадцать раз жеребилась,
Я это поле вспахала,
Поле бороновала.
Ты же (бросил) свою работу!
И пошел тут Андямо до дому,
И вошел Андямо во двор.
Хозяйством заняться,
Хлеб-соль заводить.

Сокол и конь

Поле, поле, широкое поле!
Во широком поле — большой бугор,
На бугре на том белая береза,
Белая береза-красавица!
Под березой-то карий конь,
Карий конь, белоногий конь,
Белоногий конь — словно чашки копыта,
Копыта, как чашки, звезда во лбу.
Звезда во лбу — грива шелковая!
На березе-то — ясный сокол,
Ясный сокол — птица быстрая.
Сокол с конем спорят, тягаются,

Спорят они, состязаются.
О чем спорят они, тягаются?
В чем они состязаются?
На краю земли — серебряный столб,
На столбе на том — золотое кольцо,
К кольцу (привязана) узда шелковая.
Кто успеет первый к тому столбу,
К тому столбу, к золотому кольцу —
Тот пусть будет владетель земли,
Тот пусть будет кормильцем народа.
Полетел сокол поздно вечером,
Поздно вечером по поднебесью,
По поднебесью между звезд.
Карий конь отправился на зорьке,
На заре, едва люди проснулись —
По земле, между гор,
Между гор, по кочкам.
Карий первый пришел к серебряному столбу,
К серебряному столбу, к золотому кольцу,
К золотому кольцу, шелковой узде.
— Ой, сокол, ясный сокол!
Ясный сокол — быстрая птица!
Ты какими местами, ясный сокол, летел?
Ты какими путями, ясный сокол, пролетал?
— Высоко, высоко — я летел меж звезд.
Мне навстречу попалась стая гусей,
Старого гуся, ой, я удушил,
Я пустил его перья понизу,
Пух лебяжий пустил я поверху.

Стая уток попалась навстречу мне,
Старую утку, ой, я удушил,
Я пустил ее перья понизу,
Пух утиный пустил я поверху.
Мне навстречу попалась стая лебедей,
Старого лебеда, ой, я убил,
Перья лебеда пустил я понизу,
Пух лебяжий пустил я поверху.
Потому не успел я к серебряному столбу,
Потому не успел к золотому кольцу.

О чем думают эрзяне

Земля зародилась, обычаи появились.
На свете что первым родилось?
На свете что вначале появилось?
Первым родилось солнце,
Второй появилась луна.
Третьим что появилось?
Третьим появились народы,
Появились народы, племена.
Четвертым что появилось?
Четвертым появился эрзянский народ,
Эрзянский народ, эрзянский язык.
Нет у эрзи держателя,
Нет у эрзи правителя.
О чем думают эрзяне?
О чем ведут разговор эрзяне?
— Давайте устроим сельское собрание,
Соберем сельскую сходку.
Кого выберем держателем эрзян?

Кого выдвинем властителем эрзян?
Мы выберем старика Ивана,
Мы поставим старика Ивана.
Иван пашет в поле,
Иван боронует в поле Ньюж —
Тридцатью плугами (пашет),
Сорока боронами (боронует).
— Иван, Иван, старик Иван!
Пашешь, боронуешь, ни о чем не ведаешь.
Тебя выбрали держателем эрзян.
— Ужо, старики, оставьте меня.
Погодите, старики, остановлю я
Тридцать своих плугов,
Сорок своих борон.
Из плодового дерева вытесаны постромки,
Из яблони у меня вырезаны вальки,
Когда воткну я их в землю,
Когда они пустят корни,
Когда начнут они цвести,
Когда вкусите их плодов,
Когда покушаете их яблок,
Тогда изберите меня держателем эрзян,
Тогда поставьте эрзянским правителем!

Мишка с Машенькой

Живут-поживают старик со старухой, в самом деле вдвоем.
А есть ли у старика со старухой дети-наследники?
Есть лишь у старика со старухой единственное дитя.
Да и то у старика со старухой (не мальчик, а) — девочка,
Дитя-девочка у старика со старухой — красавица Катюша.

Подруги красавицы Катюши идут на большой луг,
На большой луг — за сладкой ягодой,
В темный лес, в большой березняк — за красной земляникой.
И Катюшу, паршивку, они приглашают по ягоды,
В темный лес, в большой березняк — за красной земляникой.
— Погодите, подружки, погодите, мои сверстницы,
отпрошусь-ка я у отца.

Погодите, подружки, погодите, мои сверстницы,
отпрошусь я у матушки.

Ой, позволит ли мне родимый батюшка идти по ягоды,
Разрешит ли мне мать-кормилица сходить за земляникой.
— Ох, батюшка, родимый батюшка, пойду я в лес по ягоды!
Ох, матушка, матушка-кормилица, пойду я за земляникой!
— Коль пойдешь ты на большой луг за сладкой ягодой,
Ты собирай, собирай, красавица Катюша, да подруг окликивай.
Ты собирай, собирай, красавица Катюша, да назад оглядывайся.
Как пришла Катюша за сладкой ягодой,
Как явилась в темный лес за красной земляникой,
Собирала, собирала красавица Катюша, назад не оглядывалась,
Собирала, собирала славная Катюша, подруг не окликивала.
Ох, матерый медведь, старый медведь Катюшу схватил.
В (беремя) красавицу Катюшу медведь тот взял,
Вокруг пенька обгорелого красавицу Катюшу провел, обвенчал.
В свою берлогу медведь тот Катюшу отнес.
То ли год, то ли два они прожили, прожили,
Мишку с Машенькой красавица Катюша прижила.
Где ходит красавица Катюша, там и плачет.
Где сядет паршивица Катюша — все горюет.
Дружок ее медведь супругу Катюшу увидал.

Медведь муж ее — тот старый медведь — Катюшу заметил:
— Отчего ты плачешь, красавица Катюша, моя женушка?
Почему ты печалишься, негодница-супруга?
Иль в еде ты, красавица, нуждаешься?
Или питья тебе, негодница, не хватает?
Хочешь, меду поешь, красавица Катюша, — только что выкачали,
Хочешь, досыта ешь ты, негодница Катюша, меду сотового.
— Не в еде я, муж-медведь мой, нуждаюсь,
Не питья мне, медведь мой, не хватает.
Я хочу, мой старый медведь, к кормилице-матушке!
— Что ж, отправимся, негодная Катюша, к родной матушке!
Как собрался старый медведь к ее родному батюшке,
Как отправился старый медведь к ее родной матушке,
Мишку с Машенькой медведь взял с собой.
Мишка-то обрадовался — корову Катюшиного отца задушил,
Машка-та обрадовалась — бабушкину овцу удавила.
Катин отец Мишку с Машенькой сильно побил,
Двух детей красавицы Катюши он убил!
Ой, всплеснула красавица Катюша обеими руками,
Заломила негодная Катюша все десять пальчиков.
Где идет красавица Катюша, там и плачет,
Точно рослая березонька, негодница Катюша слезы льет.

У старухи три дочери

Ой, скажи, какая старушечка.
Дочерей у старушки, ой, три.
И сама не знает, кто старшая,
Какая средняя, какая младшая.
По троим у нее голова болит,
Ох, на сердце у нее три печали.

Три печали у нее, три заботы:
Для одной лишь дочки есть у нее серьги.
И сама не знает, кому их отдать,
Те сережки серебряные.
Старшей дашь — обидится средняя,
Средней дашь — обидится младшая,
Младшей дашь — обидится старшая.
И купила она три посудыны.
Старшей она дала блюдо большое,
Средней купила поменьше,
Младшей купила чашу для питья.
И послала всех троих за ягодой,
За лесной клубникой, земляникой.
(Кто раньше наполнит посудину,
Ту первой и замуж выдаст.)
Старшей дала она блюдо большое.
Средней-то дала она миску,
Младшей дала она чашу питьевую.
Старшая ходит средь леса,
Пустыми местами бродит,
Средняя — все по пригоркам,
По крутым она ходит горкам.
Младшая ходит по оврагам,
По самому дну овражков.
Раньше всех посуда у младшей,
Раньше всех земляникой наполнилась.
Стало старшей сестре досадно.
Стало средней не по душе.
И задумали обе сестрицы,

Сговорились обе родные
Сестру младшую погубить.
Средняя схватила ее, старшая убила ее.
И вместе зарыли ее под деревом,
А сами отправились домой.
Мать им дома и говорит:
— А куда вы дели сестрицу?
— Никуда мы ее не девали,
Мы искали ее, искали,
Пока ноги у нас не отнялись.
Мы кричали ее до хрипоты.
С горя старая зарыдала...
На могилке дочки высокий тростник вырос.
Мимо того тростника молодец прошел.
Он взял да и срезал ту тростинку.
Из тросточки той сделал он свирель.
И заиграл он на этой свирели.
И заговорила свирель словами младшей сестрицы:
— Средняя моя сестра, ой, меня схватила,
Старшая сестра, ой, меня погубила.

Сирота Татюша

Девушка хорошая Татюша!
Девушка славная Татюша!
Померла у Татюши мать,
Скончалась у Татюши родимая.
Отец Татюши взял мачеху,
Кормилец взял Татюше мачеху.
Мачеха оказалась черствая,
Мачеха попалась нерадивая.

Собираются подружки на улицу,
Сверстницы Татюшины играть идут.
И она, Татюша, собирается,
И она, бедняга, наряжается.
Собирается Татюша, одевается,
Собирается, бедняга, прихорашивается.
Тут увидела Татюшу мачеха,
Тут заметила Татюшу мачеха:
— Не ходить тебе, Татюша, на улицу!
Не идти тебе, несчастная, играть!
Не кормила я тебя, не нянчила,
Я велю тебе, чужому дитю,
За водой за живой идти,
За целебною влагой отправиться.
Лишь словечко Татюша услышала,
А другого дожидаться уж не стала —
За живой водой Татюша отправилась,
За целебной влагой побрела она,
По дороге по большой идет она,
По широкой тропе бредет она.
Могильной дорогой отправилась,
На тот свет она забрела.
Подошла к изголовью матери,
К родимой матушке Татюша обратилась:
— Ой, благослови ты меня, матушка!
Пожелай мне добра, родимая!
Тут могилка матушки открылась,
Тут раскрылась могилка несчастной.
Стала мать говорить Татюше,

Стала с ней беседовать родимая:
— Ты зачем, дитя, в такое время ходишь?
Ты зачем в недобрый час тут бродишь?
Петухи еще, дитя мое, не пели,
На дворе, дитя мое, лишь полночь.
Не ходи, дитя мое, в такое время,
Не ходи, моя дочка, в недобрый час!
— Ужо, матушка, пожалуюсь тебе я,
О нужде своей, родимая, поведаю:
После смерти твоей, маменька родимая,
После гибели твоей, моя кормилица,
Взял отец (мне на горе) мачеху,
Взял, родная, хозяйку новую.
Злая мачеха попалась мне, маменька,
За живой водой погнала меня,
За целебной влагой отправила.
— Ох, ложись-ка лучше ко мне в могилку,
Ты ложись-ка, моя дочка, со мной рядом.
Я сама пойду, дитя мое, за живой водой,
Я отправлюсь, дочка, за целебною...
И легла в могилу матери Татюша,
Ой, легла несчастная в могилу.
А в могиле плачет маленький ребенок,
Плачет-надрывается малютка.
Как слышала ребеночка Татюша,
Как слышала несчастная малютку,
Тут и мать ее обратно возвратилась,
Кормилица несчастной вернулась.
— Ох, сколько же часов меня не было?

Сколько же минут я, доченька, ходила?

— Семь лет, матушка, показалось,

Семь годков, родимая, показалось!

— Она (мачеха) пусть трех сыновей, дитя, вырастит,

Ей желаю, дитяtko, трех наследников воспитать.

Муж-младенец

Вай, вчера взятая невестка,

Вай, недавно сосватанная девушка

В чужой семье причитает.

Вся семья на улице спит,

Невестка с мужем в доме спит,

Невестка перед печкой спит.

Около нее зыбка подвешена,

В зыбке не ее ребенок (спит),

В зыбке ее малолетний муж спит,

В зыбке ее муж качается.

Днем и ночью жена мужа укачивает,

Днем и ночью жена колыбельные песни поет:

— Утю-балю, балю-лю, муж мой,

Утю-балю, балю-лю, супруг мой.

К ногам, муж, тебя качну —

Твоим ногам силу, дитя, дам.

К голове, супруг, качну —

На ум-разум, дитяtko, наставлю.

В бок, муженек, тебя качну —

Силу телу, маленький, дам.

Утю-балю, балю-лю, мой муж,

Утю-балю, балю-лю, мой супруг.

Не плачь, не кричи, муж мой,

Не плачь, не кричи, супруг мой.
Гречневую кашу с молоком сварю,
Коровьим, козьим молоком напою.
Накормила, напоила бы своим молоком,
Не рожала еще, без молока я.
Птичьим молоком напоила бы,
Птичьего молока нет у меня.
Днем и ночью я с тобой, тебя качаю:
— Утю-балю, балю-лю, муж мой,
Утю-балю, балю-лю, супруг мой.
Соску из каши с медом нажую,
В соске гречку с медом дам,
Быстрее расти, взрослей, окрепни,
На ноги встанешь, ходить начнешь,
Говорить будешь, до головы коня достанешь.
Утю-балю, балю-лю, муж мой,
Утю-балю, балю-лю, супруг мой,
Утю-балю, балю-лю, хозяин мой.

Исторические песни

Какие произведения можно относить к историческим? Пока единого мнения по этому вопросу нет. А.И.Маскаев высказал мысль, что под термином «исторические песни» следует понимать «песни исторической тематики». По мнению русского исследователя Н.И.Кравцова, историческими следует считать произведения двух типов:

а) песни о конкретных исторических событиях и лицах (об Иване Грозном, Емельяне Пугачеве, Степане Разине);

б) песни, изображающие типичные для той или иной эпохи исторические явления (песни о полоне, о крещении).

Этой точки зрения придерживается большинство исследователей.

Наблюдается и разноречивость мнений о времени возникновения исторических песен. Одни ученые утверждают, что они восходят к XIII — XV векам, другие — к XVI — XVIII векам. Разумеется, песни могли возникнуть в любую из названных эпох.

Мордовские исторические песни распадаются на ряд циклов:

- 1) мордовские старейшины и русский мурза;
- 2) мордовская девушка и русский царь;
- 3) песни о полоне;
- 4) песни о крещении;
- 5) песни о Пугачеве;
- 6) песни о царе Петре Павловиче;
- 7) песни о царе Павле Петровиче.

В мордовской исторической песне отражены в основном те же события XVI — XVIII веков, что и в русской: взятие Казани в 1552 году при Иване Грозном, набеги ногайцев, крестьянская война под предводительством Пугачева, воцарение Павла I. В последующее время значительных циклов не было создано. Предметом исторической песни XIX века стали события местного значения.

С момента вхождения мордвы в состав Русского государства предметом отражения в произведениях фольклора обоих народов стали события, в которых принимали участие русские и мордва. Это способствовало появлению общих героев, порождало одни и те же представления о добре и зле, одни и те же интересы и идеалы. У мордвы возрос интерес к русской исторической песне, которая стала исполняться на языке оригинала без существенных расхождений.

На горах, на горах-то на Дятловых...

На горах, на горах-то на Дятловых
Мордва богу молится,
Земле-матушке на восток поклоняется.
Едет мурза³⁵, московский царь, по Воложке,
По Воложке, по Камышке.
Говорит мурза слугам своим:
— Слуги вы мои верные,
Вы взгляните-ка на Нижний град,
Поглядите-ка на те горы, на Дятловы,
Что это за березник мотается, шатается,
К земле-матушке преклоняется?
Вы, слуги мои, подите,
Слуги верные, доглядите,
Что это за березник шатается,
К земле преклоняется?
Слуги возвратились,
Низко царю поклонились:
— Это мордва своему богу молится,
К земле-матушке преклоняется.
— Зачем же они кругом становятся?
О чем же они молятся?

— В кругу у них стоят с сладким суслom бадьи могучие,
В руках держат ковши большие заветные,
Хлеб, соль на земле стоят,
Каша и яичница на рычагах висят,
Вода в чанах кипит,
В них говядину один из анбедов³⁶ варит.

— Слуги вы мои, подите,
Слуги верные, отнесите:
Вот вам бочонок серебра, старики!
Вот вам бочонок золота, молельщики, на моленье!
Итак, ступайте,
Старикам отдайте!
Слуги от мурзы ушли,
Мурзов дар старикам отнесли.
Старики серебро и золото приняли,
Суслom их сладким напоили.
Слуги к мурзе приходят,
Весть мурзе приносят:

— Угостили, напоили нас своим суслom сладким,
Накормили нас хлебом мягким.
Старики деньги от мурзы получили
И после моленья судили и рядили:
— Что нам мурзе послать,
В дар ему дать?
Меду, хлеба, соли взяли,
Блюда могучие к мурзе послали,
С ребятами молодыми послали.
Ребята молодые, приуставши, присели,
Переговоривши, мед, хлеб, соль съели:

«Старики не узнают».
Земли и желта песку в блюда накладывают,
Наклавши, пришли
И мурзе, московскому царю, поднесли.
Мурза землю и песок принимает,
Крестится и бога прославляет:
— Слава тебе, боже царю,
Что ты отдал в мои руки всю сию землю!
Поплыл мурза по Воложке,
По Воложке, по Камышке.
Где бросит горстычку, —
Там быть градичку;
Где бросит щепоточку, —
Там быть селеньицу.

В деревне Торшове жил мужик богатый...

В деревне Торшове жил мужик богатый,
Сгребал он деньги лопатой.
Имя ему Торш, званье Вашайка.
Дочь у него была Сашайка.
Сама собой маленька,
Лицом беленька,
Волосом русенька.
Сидела Сашайка
Со своими подружками в теплой бане.
Коя хвалилась одеждой,
Коя хвалилась работой.
— Ох вы, красные девушки,
Мои подруженьки,
Нашли чем хвалиться,

Нашли чем величаться!
Я бы, красная девушка,
Казань-город взяла,
В три часа в свои руки подобрала.
Какой есть там царь,
Какой есть государь!
Семь лет Казань берет,
А все не возьмет.
Я бы, Сашайка, своим девичьим умом
В три часа взяла,
Не хитростью, не мудростью,
А своим умом девичьим.
Через трои сутки царь Иван
За Сашайкой посылает,
За ней шестнадцать троек посылает.
Едут к Торшеву двору высокие повозки,
Становятся у Вашайкиных ворот зеленые колески.
Сидит Сашайка у красного окошка,
Шьет красным шелком узорья-калканы³⁷.
— Ох, тетяй³⁸, тетяй, батюшка,
Торш Вашайка,
Поди к своей дочке Сашайке!
Царские солдаты к нам идут,
Повозки-колески у наших ворот ставят.
Говорят царские солдаты мужику Торшу Вашайке:
— Давай к великому государю твою дочку Сашайку.
Она собой хвалилась,
Над царем посмеялась.
— Тятяй, тятяй, Вашайка,

Давай им два ста,
А мало три ста.
— Дурак мужик, Вашайка,
Мы три ста возьмем,
А твою дочку Сашайку с собой увезем.
Срядилась Сашайка,
Сели в колеску,
В зелену повозку.
Сашайку привозят,
К царю приводят.
— Ох ты, гой еси, красна девка Сашайка,
Богатого отца дочь!
Собой хвалилась, надо мной смеялась —
Голова с тебя прочь!
— Батюшка Иван-царь,
Великий государь,
Ты мою голову девичью руби,
Теперь же хоть на плахе с плеч отвали,
А дай мне лучше пятьдесят человек с человеком,
С порохом пятьдесят бочонков с бочонком.
Вот Сашайка под Казань бочонки накатала,
Восковые свечки в бочонки втыкала,
Себе взяла свечку,
Царю Ивану дала другую.
— Ох ты, красная девка Сашайка,
Как свечки не сгорят под землей —
Голова твоя с могучих плеч долой!
— Батюшка, царь Иван, не гневись,
Поди на восток да богу молись.

У царя да у Сашайки свечки сгорели,
А Казань-город взять не успели.
— Ох ты, девка Сашайка,
Голову долой,
Что ты насмеялась надо мной!
А тут свечки дошли до каждого бочонка,
И взяло Казань рвать,
И взяло стену метать.
И сказал царь Иван красной девке Сашайке:
— Чем тебя миловать?
Чем мне тебя жаловать?
— Ничем, государь, меня не жалуй,
А позволь нам лицо твое колоти
Да на лбах носить³⁹.
К отцу, к матери меня отпусти,
В Торшово вели меня отвезти.

Ой, и родился эрзянский парень очень хорошим

Ой, и родился эрзянский парень очень хорошим,
Ой, и вырос эрзянский парень — всем он хорош.
Семь полей у эрзянского парня пашни,
Ой, семь амбаров у эрзянского парня соли.
Заседлал, взнуздал
Сиво-бурого коня,
Потом поскакал по полю
Засеянные хлеба смотреть.
Ой, как шелковые ленты у эрзянского парня все ряды,
Ой, как вышитые шелком у эрзянского парня межи.
Потом он назад взглянул:
Без ветра трава колышется,

Потом вперед посмотрел:
Без ветра лес шумит.
Ой, старый ногаец его догнал,
На лошадь свою бросил,
Сырым ремнем связал,
Потом в свой дом привез.
— Ой, взятая жена, выйди-ка,
Ой, взятая супруга, встречай-ка!
Я нашел тебе няньку,
Я нашел тебе помощника.
— Ой, старый ногаец, некогда,
Ой, старый разбойник, некогда,
Я, старый ногаец, золу выгребаю,
Ой, старый разбойник, хлеб пеку.
Привел эрзянского парня в избу он,
По полу ходить его пустил.
Потом повесил колыбель,
Заставил его качать.
Ой, эрзянский парень стал нянчить.
Где он качает, там проклиняет,
Где он качает, там причитывает.
Ой, ногайка его услышала,
Ногайка его заметила,
Потом ногайцу сказала,
Потом разбойнику молвила:
— Откуда взял его, туда доставь,
Ой, где нашел, туда отвези.

На берегу Волги сидят...

На берегу Волги сидят...

Кто там сидит?
Два эрзянских мальчика,
Поют они песенки:
— Ох ты, матушка-кормилица,
Ох ты, матушка-воспитательница,
На что ты нас оставила?
Под божьим солнцем родила?
Пятнадцать месяцев мы были в плену,
У ногайца томились, мучились.
Ох, вышний бог, кормилец,
Ой, низший бог, воспитатель,
Мать наша осталась у ногайцев,
Мать осталась под пятой ногайцев.
Два ребенка в плену сидят,
Днем и ночью плачут.
— Пойдем отсюда к ногайцу,
Голову отрубим шайтану.
Что нам будет?
Убьет вместе с Опой нас.
Ой, вышний бог, кормилец,
Ой, низший бог, воспитатель,
Посмотри ты на нас,
Покрой нас хорошим зипуном⁴⁰.
К ногайцу они сходили,
В полночь к нему вошли,
Старого ногайца зарезали,
Кишки его выпустили,
Мать из неволи взяли,
На берег Волги привели,

Пирогами накормили,
Волжской водой напоили,
— Ты иди-ка, матушка,
В село наше, родимая,
Хорошие люди тебя возьмут,
И накормят, и напоят.

Было это в городе Сызрани...

Было это в городе Сызрани,
Было это в Сызранском уезде.
Гуляет одна мордовская девушка,
Сирява гуляет.
— Люди мои, идите,
Верные мои, смотрите,
Какая эта мордовская девушка,
Какая Сирява?
Приведите мне мордовскую девушку,
Приведите мне Сиряву!
Тогда привели мордовскую деву
Во дворец правителя.
Предстала Сирява перед великим священником:
— Сними свои хвосты, мордовская девушка,
Сними свои хвосты, Сирява.
Сними свои хвосты,
Надень наши кресты...
Слуги мои верные,
Верные мои слуги,
Отведите мордовскую девушку вдаль,
Заройте Сиряву по сильные плечи,
Прогоните над ней большое стадо лошадей,

Убейте мордовскую девушку лошадьми!

Мордовская девушка стала молиться:

— Приди, погода, с молниями,

Пургас любимый, люби меня!

Встань, Пургас, с востока,

Приди, разрушь дворец правителя,

Приди, зарой великого попа в снег,

Дворец правителя разрушь до порога,

Попа зарой до плеч!

Пригнали целое стадо лошадей.

Но лошади остановились перед девушкой.

Они совсем не хотят убивать Сиряву.

Любимый Пургас поднялся,

Пришла с востока грозовая погода,

Разрушила дворец правителя,

Разрушила его до порога,

Попа зарыла в снег.

Любимый Пургас зарыл попа.

Правитель позвал своих верных слуг,

Приказал им разрыть мордовскую девушку,

И отпустили Сиряву домой.

Ой, смотрите, люди, смотрите ...

Ой, смотрите, люди, смотрите,

Как лес горит, как лес пылает.

Что за сила большая в эту пору идет?

Огня не видно, дым не поднимается,

Не Сура течет — Пугачев вот так

Войско свое ведет, сам впереди идет,

Русских и казаков, и мокшан ведет,

Эрзян и татар за собой ведет,
За собой ведет, всех с собой зовет:
— Кто со мною, не боясь, пойдет —
Тот сторонник мой, будет тот со мной.
Поля барские, леса и луга,
Рыбой богатые реки барские
Тем я все отдам.
Стада большие их
Станут вашими, друзья мои.
Идет по селу — бьет в колокола,
Собирает всех людей вокруг себя.
Люди, смотрите, как лес горит,
Как лес горит, как лес пылает.
Пугачев-хозяин войско свое ведет,
Бояр изгоняет, бояр убивает,
На виселицах их вешает, в реках топит,
Царица войско против него подняла,
Пугачева поймать приказ отдала.
Битва страшная тогда, ой, поднялась,
Потекла людская кровь, как большая река.
Пугачева поймали, в Москве повесили.
Но про него песни поют,
Песни поют, сказки сказывают.

Песня о Петре Павловиче

Ой, в какой стороне горящий огонь горит?
Ой, где, где пылающий огонь пылает?
В Яицкой стороне горящий огонь горит,
В Яицкой степи пылающий огонь пылает.
На Яицкой земле хрустальная гора,

В Яицкой степи хрустальная гора.
На одной ее стороне горящий огонь горит,
На другой ее стороне пылающий огонь пылает,
Под той горой текущая вода течет,
Под той горой серебряная река течет.
На вершине той горы серебряный стол стоит,
У стола того золотой стул стоит,
На том стуле писарь сидит,
На том столе писарь пишет.
Белая бумага перед ним лежит.
Красная печать у него в левой руке,
Красивая ручка в его правой руке,
Серебряное перо — между пальцами.
Днем он отдыха не знает,
Ночью сна он не знает.
Родимая матушка его спрашивает,
Родная матушка его выпытывает:
— Малое дитя мое, Петр Павлович,
Красивое дитя мое, Петр Павлович,
Что ты все печатаешь?
Что ты все так пишешь?
— Матушка-кормилица, матушка родимая,
Хочу я взять отцовский престол,
Хочу я повести отцовские порядки,
Хочу я сесть на место отца.
— Малое дитя мое, Петр Павлович,
Красивое дитя мое, Петр Павлович,
Тебе не взять отцовский чин,
Тебе не повести отцовские порядки.

Он обиделся на эти слова,
Ему досадно стало от этих слов.
Плохие мысли ему на ум пришли,
Очень плохо ему стало.
— Все равно я возьму отцовский престол,
Все равно я сяду на отцовский стул!
Действительно садился он на место отца,
Действительно он занимал чин отца.

Легенды

Легенда есть устный мифологический или фантастический рассказ о каком-то событии.

Общественная функция легенды не только познавательная, но и эстетическая и даже дидактическая. Легенда, несмотря на то, что создавалась с установкой на достоверность, в основе своей имеет вымысел, что-то необыкновенное.

Главными героями выступают в легендах библейские и языческие божества, показываются взаимоотношения между ними и людьми. Фантастические персонажи нередко выступают в роли добрых помощников человека, но наказывают злых людей.

Легенда может иметь сюжетно-завершенную форму или представлять собой какой-то отрывок, отдельный эпизод. Чаще всего это короткие и несложные по структуре рассказы. Они лишены постоянного текста. Исполнители легенд почти не обращаются к традиционным «общим местам», характерным для других жанров, например, сказок. В редких случаях легенды имеют сказочные зачины: «Жили-были» или «Было это когда-то давно».

Мордовских легенд известно сравнительно немного. Представлены они двумя основными тематическими группами:

- 1) о сотворении мира и взаимоотношениях божеств с людьми;
- 2) о животных, растениях и их свойствах.

В первую группу легенд объединены произведения религиозно-библейского содержания о создании земли, звезд, человека, о происхождении некоторых людских пороков, а также произведения о древних божествах мордвы, браках между земными людьми и божествами. Пытаясь объяснить происхождение мира и человека, люди обращались к фантазии. Она должна была дать ответы на основные вопросы: откуда произошли природа и человек? Ряд мордовских текстов религиозно-библейского характера

заимствован из русского фольклора, но в своем бытовании легенды восприняли некоторые национальные особенности. Народ сохранил в своей памяти и отдельные произведения о древних божествах.

Легенды второй группы более разнообразны и оригинальны. В них говорится о происхождении отдельных видов растений и животных, повадок зверей, птиц, насекомых.

Легенда о сотворении мира

Мордва говорит о сотворении мира следующее: прежде везде была вода, и по этой воде плавал в виде утки Бог. Захотелось Богу сделать землю, нырнул он в воду, вытащил в клюве землю, выплюнул, и пошла земля. Черт это подсмотрел и нырнул в свою очередь за землей, вынырнул, вытащил в горсточке, разбросал, и от этого произошли горы... Сотворив таким образом землю, Бог, по словам мордвы, начал лепить из глины человека. Черт долго не мог понять, что он делает; но вот Бог дунул на сделанную им фигуру, человек встал и пошел. Черту стало завидно, он в свою очередь начал лепить из глины же фигуру. Лепил, лепил — дунул, фигура встала, заблелая. Оказывается, он вместо человека слепил козла.

О человеке и пчеле

Все боги разобрали себе всякую тварь, один только Инешкепаз позабыл, что и ему тоже служители годятся. Один взял сильного да рогатого, другой — сильного да зубатого, кое-кто насобирал остаточки, и остался один только плохонький, слабенький, голенький человек да пчела, что летала в ту пору за медом, была на работе и богам на глаза не попадалась. Увидел Инешкепаз пчелку, как она с медом на лапках летела, так и вскрикнул:

— Вот моя работница — святая труженица!

Глядит, а в углу лежит кто-то; все-то его поталкивают, все-то его от корыт отгоняют...

— Ну, видно, и тебя, беднягу, мне взять надо, — проговорил Инешкепаз, — а то тебя без меня заторкают! А чтобы тебя не заторкали, дам я тебе такую отметину, что всех ты выше и сильнее станешь.

Подошел он к человеку, а тот, как чижик, рот раскрывает, сам-то пищи промышлять не может; дунул ему в рот Инешкепаз, а человек вдруг к нему потянулся и сказал:

— Аляй⁴¹.

С той поры и доныне первое слово, что дети сказывают, есть — «аляй».

Старая легенда

Первые люди жили без забот. Скота имели много, земля не требовала никакого удобрения, а урожаи были сам-тысячные: на каждом дереве в лесу бортни⁴² с пчелами. Все люди были богаты, и имущество у них было равное. Чампаз⁴³ послал к ним для управления Нишкепаза, которого назвал своим сыном Инечипаз⁴⁴, и он жил на земле в образе человека, во всем помогал людям. Как только кто-то из людей заболит, Нишкепаз тотчас того человека вылечит; дождя ли надо, ведро ли люди попросят Нишкепаза, он тотчас все сделает. И не было между людьми ни ссор, ни вражды; все это предотвращал Нишкепаз, ходивший из одной деревни в другую и поучавший людей добру. Но шайтан, по злобе своей, явился к одному старику и, подав ему ветку неизвестного дотоле растения, сказал:

— Посади эту ветку в землю и поставь вокруг нее высокие жерди, только не сказывай об этом Нишкепазу.

Старик послушался, посадил ветку, и вырос хмель. Тогда шайтан снова явился к старику и научил его делать пиво и мед, а также из муки курить вино. От этого произошло пьянство, пьяные люди стали враждовать между собой, пошли ссоры, драки и даже убийства. Напрасно Нишкепаз увещевал людей перестать пить пиво, мед и вино, они перестали слушаться его, стали смеяться, плевать на него, бить и гонять из деревни в деревню. Вместо Нишкепаза люди задумали выбрать начальника из своей среды, но и тут

произошли ссоры, драки и убийства, потому что всякий желал быть начальником, никто не хотел подчиниться другому. Нишкепаз напрасно увещевал их. Шайтан, явившись на землю в образе человека, стал говорить людям:

— Зачем вы терпите Нишкепаза? Он вас уверил, будто он сын божий, это — ложь. Он такой же человек, как и все, только недобрый человек: не велит веселиться, пиво и вино пить, любовниц иметь, а хочет властвовать над всеми людьми.

Подстрекаемые шайтаном, люди схватили Нишкепаза, били его, мучили и наконец убили. Когда они его убили, то увидели, что действительно он был сын Чампаза, ибо мертвый Нишкепаз встал и вознесся на небо, сказав убийцам своим:

— Не хотели вы со мной в добре жить, теперь без меня вам хуже будет.

...И тогда, чтобы держать между людьми порядок и разбирать их распри, Чампаз назначил над народами царей, князей, судей и других начальников, дал им власть над людьми.

Третий спас

Рассказывают так. Когда лето было уже на исходе, слепни собрались и решили идти к Илье Пророку⁴⁵ получить расчет за то, что все лето скот гоняли. Пришли к нему и говорят:

— Мы ведь все лето работали.

— А что вы делали? — спрашивает Илья Пророк.

— Как что? Коров, лошадей гоняли. Нам за это полагается плата.

Илья Пророк отвечает им:

— Я за это не плачу, идите к старшему богу, может, он заплатит.

Полетели слепни к старшему богу. Тот сидел за столом.

— Вот мы прилетели с земли к вам за расчетом.

— А какой расчет вам нужен? За что?

— Как за что? Мы ведь коров-лошадей все лето гоняли! Сколько они бегали от нас! Сколько ногами били! За это нам полагается плата.

Бог рассердился да по-русски им и говорит:

— Вот придет последний, третий спас, и не будет вас!

Так и получилось. После третьего спаса⁴⁶ уже не увидишь слепней.

Змеиная трава

Заспорили Ангел и Змея. Змея говорит:

— Я человека ужалю.

Ангел говорит:

— А я траву взращу.

— А я ей верхушку сорву.

— А я отростки пушу.

И действительно, есть такая трава. Эрзяне называют ее змеиной травой. Верхушки у нее нет, растет она отростками. Много этих отростков, и все они цветут синими цветами. Верхушка травы будто сорвана. Как по-русски называют⁴⁷ — не знаю. Эрзяне давно лечат ею от змеиных укусов. Так моя мать рассказывала.

Касьян и Никола

Давным-давно это было. Как-то раз мужик увяз с возом на дороге. Какие дороги у нас – сам знаешь! А тут дело было к тому же осенью. Об этом и говорить нечего. Мимо идет Касьян-угодник. Мужик не узнал его и начал просить:

– Земляк, помоги воз вытащить.

Тот в ответ:

– Есть мне когда тут с вами возиться!

Да и пошел своею дорогой. Немного спустя проходит Никола-угодник.

– Отец, – зовет опять мужик, – помоги мне воз вытащить!

Никола-угодник помог ему.

Вот пришли Касьян-угодник и Никола-угодник к Богу в рай.

– Где ты был, Касьян-угодник? – спросил Бог.

– Я был на земле, – отвечает тот, – случилось мне идти мимо мужика, у которого воз увяз на дороге. Стал он просить, чтобы я помог ему. Да не стал я марать платья своего райского.

– Ну, а ты где замарался? – спрашивает Бог Николу-угодника.

– Я был на земле, шел той же дорогой и помог мужику вытащить воз, – отвечает Никола-угодник.

– Слушай, Касьян, – сказал тогда Бог, – не помог ты мужику. За это тебе через три года будут служить молебны. А тебе, Никола-угодник, за то, что помог мужику, будут служить молебны два раза в год.

С тех пор так и повелось: Касьяну в високосный год (29 февраля) служат молебны, а Николе – два раза в год (22 мая и 19 декабря).

Пламенные сердца

Там, где Сура делает поворот, есть глубокий-преглубокий омут. Из глубины этого омута в дождливые ночи слышатся какие-то рыдания. Кто там рыдает, о чем рыдает, никто как следует не знает. Спросил я об этом дедушку, старика Пургая; он очень умный человек, более ста лет жил, знает, о чем переговариваются птицы, отчего и почему дует ветер, и травы все знает. Он мне сказал:

— В этом омуте рыдает девушка, пламенное сердце Дана.

— Как же она туда попала? — спросил я.

— Вот послушай, как было дело.

В давние времена Громовику пришлось по душе Ведява. Встречались они, и после этих встреч у Ведявы родилась дочь, красивая-пригожая. В серебряной колыбели она спала, на дне озера росла. С каждым днем становилась прекраснее. Все она слышит, что ей говорят, только молчит. Потом поняла Ведява, что дочь немая. Горячо умоляла она бога Нишке, говорила ему:

— Зачем ты дал ей столько красоты и не дал голоса?

Выросла Дана, превратилась в девушку, еще прекрасней стала. Когда плыла по реке, все рыбы играли с нею, ивы кланялись. Любила она сидеть на бревнышке на берегу реки.

Однажды сидит на нем и слышит: из леса, с горы, кто-то спускается и поет; все ближе, все ближе подходит, и вдруг из леса вышел красивый парень. Не ушла от него Дана, осталась на своем месте. Парень приблизился к ней. Звали его Дувар.

— Что делаешь, девушка пригожая?

Ничего девушка не сказала в ответ. Парень снова попытался заговорить с нею. Та опять молчит. Так они, не разговаривая, взялись за руки, пошли гулять по лесу.

И на следующий день парень пришел. Стали встречаться. Понравилась девушка парню. Вначале думал, что она стесняется, не разговаривает с ним, потом же понял, что немая, не может говорить. Не по себе ему стало, а Дана так полюбила парня, не представляла, как жить без него. Днем и ночью ждет его. Прошел день, другой — парня нет.

Потом пришел и говорит:

— Послушай, Дана, мне не нравится молча ходить с тобой по лесу. Был бы у тебя голос, было бы хорошо, женился бы на тебе.

Расстроилась Дана: где же она возьмет то, чего нет? Но сердце Дувара было каменным, ни о чем он не думал, повернулся и, ничего не сказав, ушел. Не по себе стало Дане. Думала про себя, что делать, где взять голос, чтобы вернулся к ней Дувар?

Однажды вечером сидела она на опушке леса и услышала: с другой стороны идут два человека. И девушка запела песню таким красивым голосом, что лес затих и птицы перестали петь, все слушают. Дана тоже вышла из леса и прислушалась. Пришли к реке молодой парень и девушка, так себе: тонкая, лицо в веснушках, нос большой, губы отвислые, ну, одним

словом, не из красивых. Но в голосе ее были такие нотки, такие звуки, что слушал бы и днем и ночью. Парень говорит:

— Эх, Нанда, голос у тебя красивый, но была бы ты сама немного красивей, всю жизнь прожили бы вместе.

Не по себе стало девушке.

— Где же я возьму эту красоту? Ведь не все рождаются красивыми, и некрасивее меня есть на свете.

Парень слушать ее не стал, повернулся и ушел. Оставил девушку на берегу. Загрустила она, недобрые мысли появились в голове:

— Лучше будет, если я в этой речке утоплюсь, и дело с концом!

Лишь подумала так, вышла к ней Дана и знаками объясняет ей:

— Давай поменяемся: я тебе — красоту, а ты мне отдашь свой голос.

Поняла это Нанда, согласилась. Дана взмахнула рукой, поднялась высокая волна, окатила с головы до ног. Когда вода сошла, Нанда стала красивой из красивых, а красоты Даны будто и не было, но она крикнула, и в ней зазвенел серебряный голос. И чтобы ничего вновь не изменилось, поскорее ушла, нырнула в омут. Нанда пошла домой. Потом ее безголосую взял хороший парень, и они жили до конца своих дней, вырастили много детей. А Дана дома разучивала звонкую песню. В тот же вечер вышла и стала петь ту песню. Прилетел к ней ветер Зэхель, и говорит она этому ветру:

— Ветер, отнеси мою песню в село Дувару, скажи: голос у меня теперь есть, пусть приходит.

Подхватил ветер Зэхель песню Даны, через гору принес в село Вечкусы, где жил Дувар. И у Дувара в это время было как-то тоскливо на душе. Сидел он на крыльце и думал о Данае. Услышал Дувар песню и сразу же бросился бежать прямо через лес. Навстречу побежала и Дана. Встретились в лесу, а луна видит, дело-то плохое. Чтобы Дувар не заметил, что Дана теперь не такая красивая, как прежде, спряталась за тучи и всю осень не показывалась. Стали Дувар и Дана встречаться каждую ночь. Была

прекрасная пора, затем наступила осень. Ночи стали холодными. Однажды в полночь Дана говорит Дувару:

— Дувар, я вся окоченела, что здесь стоим, пойдём ко мне. В озере у меня есть дом. Сейчас пуст. Проживём там до весны и выйдем.

Засомневался Дувар, потом сказал:

— Ну, идем.

Взяла Дана Дувара за руку, но только сделали один шаг в воду, словно огнем обожгла ледяная вода. Остановился Дувар и говорит Дана:

— Нет, Дана, сегодня не пойду к тебе. Видишь, и рубашка на мне старая, и обут в лапти. Стыдно мне будет перед твоей матерью. Так не ходят жениться. Давай сделаем вот как. Я пойду домой, надену лучшую рубашку, обую новые сапоги, обговорю дело с родителями и завтра-послезавтра приду, заберу тебя. Холодную зиму вместе проведем.

Дана говорит:

— Обманешь меня.

— Вот громом пусть меня убьет, — сказал Дувар, — если я не приду и не сдержу слова.

Попрощались. Пошел Дувар домой. Ждет его Дана один вечер, другой, и на третий вечер не пришел Дувар. Недобрые мысли появились в голове Даны, забеспокоилась она, позвала ветер и сказала ему:

— Лети, ветер, в село и разузнай, что делает Дувар.

Отправился ветер. Немного погодя возвратился назад и шепчет:

— Женился Дувар, покинул тебя, сейчас свадьба идет.

Закричала, заплакала Дана, лес зашумел, река вздыбилась волнами, на небе неожиданно появились большие тучи, почернели и поплыли в сторону села. Потом два-три раза прогремел гром. В том месте, где жил Дувар, остались только головешки. Затем гром возвратился назад, туда, где была Дана, снова загремел над Сурой, речное дно расколосось надвое, и появился глубокий-преглубокий омут. Гром своим громким голосом сказал:

— Дана, иди в этот омут и жди, когда на эрзянской земле родится подобный тебе парень с пламенным сердцем. К тому ты и выйди. Только с ним ты найдешь счастье.

Дана спустилась в омут. До сего времени того парня ждет и рыдает.

— Дедушка, теперь уж, наверное, родился тот парень?

— Да, по рассказам, родился. Наверное, скоро повстречаются.

Очень я задумался над этим, думаю теперь, кто же тот парень? Когда придет сюда, чтобы эти два пламенных сердца встретились, и была бы самая большая на свете любовь?

Девушка-камень

Находится камень на Баганинском поле близ села Шенталы. Собою напоминает фигуру человека: основание — шире, верх — уже. Были высечены глаза, нос и шея. Возле лежит другой кусок камня поменьше, четырехугольной формы эрямо парь⁴⁸ девушки.

В предании говорится, что был какой-то бунт или нападение. Одна девушка взяла свой эрямо парь и побежала через лес: бежит, а впереди катит свой эрямо парь. Напавшие погнались за ней. Смотрит она — уже догоняют. Обратилась к Богу с просьбой:

— Господи, чем попасться врагам, превратиться лучше в камень.

И она превратилась в камень, превратился в камень и ее эрямо парь.

Один крестьянин села Шенталы Беркутов (Беркутынъкань) взял этот камень во двор и положил перед дверью клетки⁴⁹, чтобы по нему подниматься в амбар. Всю ночь камень плакал, не давая спать. Утром отвезли они его на прежнее место.

Предания

С древнейших времен дошли до нас повествования о событиях в жизни мордовского народа. Это – предания. Для них характерны: прикреплённость к месту, объекту, порою в них изображаются действительные исторические лица с некоторыми присущими им чертами. Сверхъестественные персонажи и силы не характерны для жанра преданий. Таким образом, предания — это созданный устно, имевший установку на достоверность эпический прозаический рассказ, основное содержание которого составляет описание реальных и вполне возможных фактов.

Предания имеют свой круг тем и сюжетов, систему образов, установку на правдоподобность, истинность повествования. Каким бы неправдоподобным и недостоверным ни было повествование, рассказчик всегда старается преподнести предание слушателю так, чтобы в него поверили. Поэтому, прежде всего, надо было подтвердить достоверность сказанного всеми доступными средствами.

Среди многочисленных мордовских преданий условно можно выделить две большие тематические группы: исторические и топонимические предания. Исторические предания повествуют о крупных памятных событиях и известных деятелях прошлого, распадаясь на ряд циклов:

- 1) о великанах;
- 2) о мордовских племенных вождях;
- 3) о борьбе с внешними врагами;
- 4) о походе Ивана Грозного на Казань;
- 5) о крещении мордвы;
- 6) о Разине и Пугачеве;
- 7) о разбойниках и кладах.

Вторая группа мордовских преданий — топонимические, которые часто связаны с малой историей, т.е. одного отдельного села или местности. Чаще всего в таких преданиях рассказывается о возникновении названия

села, урочища. Топонимы — язык земли. Географические названия не возникали без причины. Люди стремились знать историю возникновения названия села и растолковать его.

Топонимы в мордовских преданиях имеют различное толкование. Возникали они от имен первожителй, от событий, происшедших в данной местности, от случаев с людьми, животными, птицами, от древних обычаев и даже от слов, якобы кем-то сказанных здесь. Красота и полнота преданий полностью зависят от мастерства рассказчика: чем лучше он владеет словом, чем богаче его язык, тем полнее, художественнее звучит текст. В устах таких исполнителей на первый план выступает не только сообщение информации, но и богатство языка.

Необходимо отметить изменения в составе рассказчиков преданий. Если раньше это были, как правило, безграмотные старики, реже старушки, то сейчас предания рассказывают люди грамотные, начитанные. Предание для них уже — не источник информации, а, прежде всего, занимательный рассказ о каком-либо событии из жизни предков. К нему уже начинают предъявлять и другие требования: рассказывать не как можно убедительнее, а более интересно, увлекательно.

Предания очень неоднородны, порой их трудно выделить из общего потока обыденной речи. Для них характерна слабая разработанность стилистических средств, отсутствие зачинов, присказок, концовок, своеобразных словесных формул. В результате один и тот же сюжет произведения может излагаться по-разному.

Гора Ошка

Километрах в четырех западнее нашего села есть гора, в одном месте высокая, как будто ее кто-то насыпал. Эту высокую вершину в ближайших селах называют по-разному: кто — гора Ошка, а кто — гора Ёжка. Мне она запомнилась как Ошка.

Теперь километрах в семи от той горы течет Мокша. На левом (западном) берегу — высокие горы, начинаются от города Краснослободска и доходят до станции Ковылкино. Эти две горы расположены друг против друга.

Старики так рассказывают. Когда-то давно в этих местах не было мокшанских селений (а сейчас их много). Пришли два брата — мокшанские богатыри — и решили построить на этих двух горах сосновые дома. И до сих пор в этих местах сохранились сосновые и березовые леса, только теперь они не очень большие, потому что каждый год вырубают.

Богатыри дали себе слово и принялись за работу. Один пошел на вершину одной горы, другой остался на вершине второй. Начали строить дома. Топор был один, а работали вдвоем. Тогда они стали перебрасывать топор. Один порубит, бросит другому (а расстояние от первой горы до другой семь километров). Первый бросит топор брату, садится на вершине горы и начинает петь, а от его голоса листья с деревьев осыпаются, будто в бурю.

Построили дома и стали жить. Один из них говорит:

— Давай, брат, теперь поделим мы здешние земли.

Один стал хозяином восточного берега Мокши, а другой — западного. Начали собирать мокшанский народ. Собрали, чтобы защитить себя от ногайцев, которые хотели захватить их земли.

В сражении убили одного богатыря (который жил на горе Ошка). Мокшане похоронили его на той горе, а на могилу насыпали большой холм. Позднее этот холм будто бы назвали Ошка.

Избрание царя Тюштяна

Гадали, гадали и надумали выбрать себе царя. Собрались на сходку и бросили жребий. Он пал на мордвина по имени Тюштянь. Сход отправился к нему попросить его в цари, Тюштянь в поле пашет свою пашню. Ходит себе за сохой, ничего не знает.

Видит, народ идет прямо к нему.

— Так-то и так, — говорят старики, — жребий пал на тебя, Тюштянь, будь нашим царем.

Тюштянь долго отказывался.

— Не могу, — говорит, — править народом, не по силам.

— Сам Бог тебя избрал, а ты отказываешься. Этак он тебя накажет.

— Ну, коли сам Бог избрал меня, буду царем, только сначала удостоверюсь в этом.

Воткнул свое кнутовище в землю и сказал:

— Если меня избрал сам Бог, то пусть кнутовище покроется листьями и расцветет к тому времени, когда я вернусь сюда с другого конца загона, — и погнал лошадь.

Кнутовище у него было из яблоневого дерева, сухое и обтесанное. Когда он вернулся с другого конца загона, видит: кнутовище его покрылось листьями и расцвело. Тюштянь согласился.

Смерть Тюштяна

Последним мордовским князем был некто Тюштян, живший в XVI столетии. Это был правитель справедливый, беспристрастный и гонитель воров. За кражу малейшей вещи он приказывал вешать преступников на виселицах.

О смерти Тюштяна мордовское предание рассказывает так. Когда пришло время ему умереть, он задал своим подданным вопрос: умереть ли ему перед глазами их или удалиться куда-нибудь живому и там умереть? Народное собрание на это со слезами объявило ему:

— Очевидная смерть твоя будет для нас несравненно прискорбнее неизвестной твоей отлучки. После видимой смерти твоей нам не останется никакого утешения, а если ты уйдешь куда-то и умрешь там, то мы будем ожидать твоего возвращения.

Тюштян послушался народа и ушел неизвестно куда, а на память о себе оставил будто бы трубу в кустарнике близ города Керенска.

В случае непогоды, когда шумел ветер, труба эта издавала звуки, и мордовский народ, слыша это, с радостью говорил:

— Царь наш еще жив...

Береза

Было это давным-давно, тогда, когда еще эрзяне и не жили на Суру. Рассказывали: пришли они откуда-то с запада. Вначале их было немного. Рубили в лесу деревья, строили дома, дворы. А потом, осенью, пришла сюда вторая группа. И в этой группе была женщина, Киля, очень красивая и очень сильная. Когда она начинала что-то делать, то все парни дивились ее силе: на молотье одним ударом цепа сноп пополам разрезала. А уж пряла и ткала такой тонкий холст, как бумага. Но жила она одна, кто были ее родители — никто об этом здесь не знал.

Жили эрзяне здесь года два-три. Однажды, в пору жатвы, ранним утром напало на село злое ногайское войско, порезало-повешало всех мирных жителей. В дом Кили ворвались шесть мужчин, связали ее веревками, положили в телегу и куда-то увезли.

Встретил их предводитель ханского войска, увидел красивую женщину и думает про себя: «Вот будет подарок нашему хану!» Укрыли покрывалом и поехали дальше. Переправились через Суру, везли ее как щепку. Через два-три дня к вечеру встретил их сам хан. Доволен, что поход удачен: много добра награбили и много пленных привезли. Говорит тут хану воевода:

— Мы и тебя, хан, не забыли, привезли такой подарок, о котором ты и во сне не мечтал.

— Какой? — спрашивает хан.

— Вот! — снял воевода с повозки покрывало, и хан увидел такую красивую женщину, какую он никогда еще не видел, хотя и имел семь жен, самых красивых женщин на всем свете.

— Это очень хорошо! Ну, уж за это я вас награжу!

Тут же они остановились, устроили привал, стали гулять, петь. Поставили большой шатер, принесли туда подушки, перины — свадьба в разгаре. Хан думал, что эта красивая и сильная женщина будет капризничать, не пойдет к нему, придется брать силой, но женщина ни слова не промолвила, лишь смотрела на него каким-то незнакомым, непонятым взглядом. А ногайцы пили, пели, плясали. Время уже полночь. Все опьянели, попадали кто где — прямо у бочек с вином.

В полночь к Киле вошел хан в сопровождении двух парней, усмехаясь, сказал:

— Ну, с сегодняшнего вечера ты будешь моей женой, — и лег в постель.

Киля тем временем тоже стала не спеша раздеваться: сняла пулай⁵⁰, платок, кофту. Хан ждет не дождется, когда ляжет рядом эта красивая женщина. Киля разделась, легла с ханом и, будто ничего не думая, так сильно обняла, так сжала, что у того даже кости затрещали. Задушила его Киля, накрыла подушкой.

Потом, когда лагерь весь утомился, Киля взяла ханскую саблю и вышла из шатра. Видит: спит мертвецки пьяное большое войско, будто снопы в поле валяются. Она принялась рубить ногайцев, взмахнет саблей — голова летит как капустный кочан. До утренней зари занималась женщина этим нелегким делом, сама вся в крови, земля с кровью перемешалась. Немного уж осталось, когда проснулся воевода. Такой ужас охватил его — весь хмель из головы вышел. Не своим голосом закричал:

— Вставайте! Она нас всех перебьет!

Вскочили оставшиеся ногайцы, схватились за сабли. Воевода кричит:

— Живую надо взять! На сухой осине повесим!

И лезут, напирают на женщину, будто взбесившиеся собаки. Но та рубит день, другой, где взмахнет — будто снопы валятся ногайцы. Сам

воевода бросился к ней. Киля взмахнула саблей — пополам рассекла. Пуще прежнего страх охватил ногайцев, начали пускать в нее стрелы. Попадет стрела, Киля вытащит, бросит, опять саблей рубит.

Наконец один молодой ногаец упал на колени и закричал:

— Мужчины! Мы пропали! Это сама эрзянская богиня спустилась с неба, чтобы отплатить нам за все зло.

Побросали ногайцы пики и сабли, бросились бежать с поля.

Киля осталась одна, огляделась, увидела, сколько людей погибло, и ужаснулась от всего. Воткнула саблю в землю и, покачиваясь, пошла домой, в свое село. Но не дошла Киля до дома, упала на берегу Суры и умерла.

Нашли ее эрзяне, похоронили на берегу Суры. Наутро на ее могиле выросло какое-то новое, неизвестное дерево: белое, зеленокудрое, высокое, красивое, как сама Киля. И назвали это дерево именем Кили, отсюда появилось слово «килей», что по-русски означает береза. Теперь берез много везде. Вот какой была эрзянка Киля.

Мокшанская княгиня Нарчатка

— Слышал я от своих стариков — жила в наших местах мордва, а правила мордвой царица Нарчатка. Наровчат был ее главным городом. Когда пришел с войском татарский хан Тагай, то она сама вывела против него свои войска, но была разбита и, спасаясь от плена, бросилась на коне в реку Мокшу в самом широком ее месте, около Пенясева. Усталый конь не мог переплыть реку с тяжело вооруженной Нарчаткой и потонул вместе со всадницей.

Старики говорили, что Нарчатка не умерла, а живет в реке Мокше. В жаркие летние дни, в полуденную пору, она выходит на берег, сушит и расчесывает свои длинные черные косы. Косы покрывают ее с головы до пят.

Так рассказывали старики. После я сам видел ее. Пас я телят на берегу Пенясовой заводи. И вот там, где Пенясева заводь полукругом вдается в берег, я ее видел не раз. Сидит себе на берегу и разбирает косы. А косы такие

длинные. Сама смуглая, крупная такая. Сколько раз я хотел подкрасться поближе к ней, нет, усмотрит-таки, со всего размаха бросится в воду и пропадает. А место здесь глубокое.

Мarezь

Когда Иван Грозный решил победить татарское царство и взять Казань, то собрал военный совет, где вели разговор о взятии этого города. Неожиданно из числа приглашенных на совет вышел эрзянин по имени Мarezь и сказал Ивану Грозному:

— Взять Казань можно. Для этого нужно сделать под Волгой подкоп под Казанский кремль. В него вкатить бочки с порохом, поджечь их и взорвать. Так можно разрушить казанскую крепость. Когда будет разрушено вражеское гнездо, тогда легко будет их победить.

— А куда девать землю? — спросил царь.

— Землю сбрасывать в Волгу, а чтобы татары не догадались, копать нужно только ночью, — ответил Мarezь.

Очень понравились Ивану Грозному слова Мarezя. Он приказал делать подкоп под Волгой. Нелегко это было сделать. В одном месте стала просачиваться вода. То место, где прорвалась вода, заделали кошмами из овечьей шерсти.

Когда подкоп был готов, в него вкатили бочки с порохом. Уложили их под Кремль, провели фитиль и зажгли. Думали, что бочки взорвутся быстро, как предсказывал Мarezь. Прошло время. На поверхности свеча догорела, взрыва не было. Все заволновались. Но больше всех волновался сам царь. «Сколько времени потрачено, — думал он, — сколько сил положено! И напрасно?»

Прошло еще несколько минут, а взрыва нет. Царь очень рассердился и уж хотел приказать казнить «обманщика». Но не успел он и слова сказать, как Казанский кремль взлетел в воздух. Русские войска тут же по воде и под

водой бросились на татар. Завязалась жестокая битва, пролилось много крови. И здесь Марезь показал себя героем.

Когда Казань была взята, русский царь спросил Марезя:

— Чем тебя наградить?

— Ничего мне не нужно, царь. Взятие Казани — самая большая для меня награда, — ответил Марезь.

Тогда царь присвоил Марезю княжеское звание и сказал:

— Вот тебе тройка, поезжай, куда хочешь. Где сломается ось, то место и будет твоим, паши землю, сколько хочешь.

В царской карете отправился князь Марезь в свои родные края. Долго и далеко ездил Марезь. Понравилось ему то место, где сейчас село Большое Маресево. Но там не сломалась ось. Тогда он поехал на запад. Проехав семь-восемь километров, разбилась его карета. На этом месте построил Марезь дочери дом и двор. Сам же поставил дом на том месте, где сейчас село Большое Маресево. Это место было очень красивым: большая поляна среди леса, между двух речек: Большая и Каж, километрах в двух от современного села Большое Маресево.

До сих пор называют его Старое село. Позднее люди стали ставить дома дальше, на широком поле, вдоль речки Кумарав: слева — род Куторкиных, справа — род Маколкиных.

Большемаресевцы пахали землю, сеяли хлеб. Было у них много пасек. Пасеки были большие, насчитывали до двухсот ульев в каждой. А молодые иногда даже не знали, сколько у них на пасеке ульев. Пасеки находились в лесу: в двух-трех километрах от села, на поляне у ручья среди высоких дубов и лип. Огорожены были хворостяным плетнем. Здесь же, в домике, жил какой-нибудь старичок. Он работал и охранял пчельник.

На пасеке был улей для молений, к которому прикреплялась иконка. Весной, на Николу, на пасеке служили молебны. Приходил поп, у этого улья

служил молебен, потом все праздновали, пили медовое пуре, брагу, ели кашу, пироги, панжакаи⁵¹.

На пасеке с весны и до первого снега держали свиней. Они ходили по лесу, разрывали землю, искали под дубами желуди, а на ночь приходили под навес. Иногда и не приходили. Тогда кто-то шел их искать. Так появились два села Маресева. Сам Марезь, хозяин этих земель, жил с семьей в Большом, его дочь — в Малом.

Когда старик Марезь состарился и почувствовал себя плохо, понял: близок конец. Тогда сказал своим близким:

— Похороните меня на том месте, где сломалась ось.

Холмики земли заметны и сейчас. Недаром маломаресевцы говорят:

— Здесь похоронен князь Марезь, там — его дочь. Потому-то и холмиков два.

Как Платон попом стал

В былые времена, когда эрзяне не были крещены, в селах появилось крепостное право, и плетью стали гнать на крещение. Эрзян насильно окрестили, стали им говорить, чтобы в каждом селе был поп:

— Если не найдете попа, то всех кнутом запорем.

Эрзянам какого попа ни пришлют, они не берут его. Тогда сказали им:

— Ищите сами себе попа.

Стали эрзяне сами выбирать попа:

— Какого же попа нам найти?

— Давайте такого присмотрим, у которого имя похоже на поповское.

Один старик сказал:

— По-моему, вот у кого имя похоже на поповское. Игнатов Платон будет у нас попом.

Платон отвечает:

— Я ведь грамоты не знаю.

— Ну, как-нибудь научишься. Не все уж попы грамотные.

И вправду, стал Платон в церкви служить. Собрались все эрзяне в церковь слушать Платона, как он будет служить. Платон взял книжку и говорит:

— Знаете ли вы эту эрзянскую книжку?

Эрзяне говорят:

— Знаем.

— А коль знаете, нечего вам и читать ее.

И кончилась обедня. Эрзяне вышли и говорят:

— Ну, уж и этот идол не поп.

Они думают, что если во второй раз придут в церковь, то скажут — не знают.

И вправду. На Троицу все пришли в церковь, приготовились слушать Платона. Тот взял книжку и говорит:

— Знаете ли вы книжку писания Луки?

— Знаем, — снова крикнули все.

— А коль знаете, то нечего и читать.

Эрзяне вышли и говорят:

— Все равно плохой поп. Давайте пошлем архиерею⁵² жалобу на Платона, что он не служит нам обедню.

И правда, послали письмо-жалобу архиерею. Архиерей пишет Платону:

— Если не будешь служить, то до смерти тебя плетью засекут.

Платон согласился служить. Весь народ собрался на Петров день к обедне. Стали слушать, как Платон в церкви будет служить.

Платон говорит:

— Знаете ли вы книжку писания Луки?

Народ молчит. Тогда Платон говорит:

— Закрывайте окна-двери. Обедня будет идти три недели.

Ванька спрашивает:

— Серега, ты хлеб взял?

— Нет.

— И я ведь не взял.

— Тогда он уморит нас с голоду.

Как выскочат люди из церкви, и давай бежать домой. Тогда Платон попросил написать жалобу, отослал архиерею. В письме сообщил, что народ его не слушает.

Архиерей пишет: «Вы Платона слушайте. Что Платон делает, то и вы делайте».

Платон снова стал служить. Взял кадило, стал он им махать. Вылетела из кадила искра и упала ему под ступню. Нога обожглась. Платон затопал ногой. Народ, глядя на него, тоже начал топтать. Платон чувствует, что ногу еще сильнее обжигает. Он упал на спину и начал искру вытряхивать. Люди, глядя на него, также попадали, все начали ногами размахивать...

Один старик говорит:

— Вот так обедня. Погоди, лучше выйду из церкви.

Старик Сергей вышел и стоит около церкви. Мимо проходит нищий и спрашивает:

— Скоро ли обедня отойдет?

Старик говорит:

— Стуканье прошло, дрыганье идет. Наверное, скоро и обедня отойдет.

Летопись о церкви

Год строят церковь — не строится. Выстроят — рушится; хорошо строят они — дело ни на шаг вперед нейдет... Призадумались строители, собрали сходку и говорят: церковь наша, старики, не строится... Это чего-нибудь да не так. Подумали, потолковали старики между собой и пришли к заключению: чтобы церковь прочно стояла, молитвы молящихся были приняты Богом и дело пошло успешнее, под церковь нужно что-нибудь положить. Если хлебный сноп, толкуют они, положить под нее, то хлеб

перестанет родиться; если какой-нибудь скот положить, то скот перестанет множиться, да не так приятно будет и богам-то... Видно уж, человека нужно положить... нужно будет девицу, чистую, непорочную душу положить...

На том и порешили старики. Да только вот в чем беда: кто согласится заживо свою дочь под церковь посадить. Судили-рядили и кинули жребий, и пал жребий на двух братьев Солодю и Сульдю, один из которых должен был свою дочь под церковь положить. Кому своего дитя не жалко?

Порешили Солодя и Сулядя из другого села девицу похитить. Заложили они пару лихих и отправились в степь за Самару. Там остановились они в лугах недалеко от мордовского селения Тумолово (Поддубное). Сколько времени пришлось дожидаться им — неизвестно; но вот видят они — целая толпа тумоловских девушек отправилась в степь по ягоды. Оставили пару свою в овраге, сами залегли за ближайшим к девушкам холмом, подпустили их на близкое расстояние, выбрали что ни на есть лучшую: кинулись на нее, скрутили ей руки, ноги и увезли.

Подруги этой бедной девушки кинулись домой и рассказали о случившемся. Все селение всполошилось и кинулось в погоню, да ни с чем вскоре разошлись: не знали даже, куда и в какую сторону умчали их Снальте (так звали похищенную девушку).

Солодя и Сулядя благополучно прибыли домой и объявили всем, что они вместо своих дочерей достали чужую. Повели Снальте в баню, вымыли ее там хорошенько, расчесали и заплели белокурую косу.

Солодя и Сулядя вскоре, вероятно, после постройки церкви, переселились в Новую Бесовку, находившуюся в двадцати пяти верстах. Потомки Солоди до сего времени здравствуют, а они точно также уверяют, что приведенное предание совершенно сходно с их семейным преданием...

Одели ее в полный мордовский девичий костюм. Девушка она красивая: лицо белое, полное, щечки румяные, ротик маленький, губы пухленькие, розовенькие, носик правильный, глазки голубые, белокурая коса

до самых пят опускается, телосложения плотного, как обыкновенно у мордочек, стройная, росту среднего — заглядение девушка. На нее глядя, жалость так и берет, только Солодя и Сульдя непреклонны.

Снальте, чуя недоброе, начала умолять своих похитителей, чтобы они открыли ей, зачем ее похитили. Но те упорно молчали. Тогда она начала их заклинать: «Если вы хотите замуж взять за кого-либо из членов вашей семьи, то благословит вас Господь Бог и да наградит всем. Но если похитили, желая погубить, то пусть накажет вас Господь Бог всех и вся...»

Вот привели Снальте к строящейся церкви, положили ее вверх лицом на поясницу поперек бревна, сверху положили два бревна, надавили на оба бревна за концы, сломали ей спинной хребет в пояснице. Потом посадили ее, бесчувственную, в загодя вырытую яму, возле которой был врыт столб. К нему ее и привязали. И тогда пошла-закипела церковная работа.

А несчастная Снальте трое суток, пока была жива, кляла бесовцев, сначала громко, а потом все тише и тише и под конец чуть слышно.

Она, между прочим, следующее заклятие сделала: «Дай, Господь, чтобы у вас, бесовцев, во веки веков не было добрых коней за то, что они подо мною не пали; если бы они пали, то, быть может, моих похитителей догнали-настигли мои родители и отбили бы от них... За то, что вы меня лишаете жизни и моим детям не дали возможности не только жить, но и родиться на свет, пусть мстит вам Господь до двух и трех поколений кряду».

Потом она же предрекла по непонятной причине, что до известного срока пожаров в Старой Бесовке не будет. Ведь это все так, сынок. Увидишь ли ты у кого-нибудь из бесовцев добрых коней? Нет. У нас, как в других селениях, из поколения в поколение счастливо живущих семейств тоже нет. И о пожарах, ею предреченных, сказание тоже исполнилось. Старики (самые старые) не помнят, когда в Бесовке пожар был, да вот и я стара стала, а пожаров не видела... А по прошествии ею предреченных лет, вероятно, и пошли пожары: в году несколько пожаров было... Да ладно одна знахарка

надоумила наших бесовцев обедни и панихиды по ней служить и поминать блинами, лепешками, яйцами и сыченым медом⁵³. Ну, с тех пор как последовали совету доброй знахарки, пожаров вроде бы и не стало.

Ах да, сынок, я и позабыла было всю эту печальную историю до-сказать.

Вот через три дня, как привезли Снальте, прибыли сюда по следам родители: отец и мать. Последняя долго вопила возле безвременно похороненной дочери своей Снальте, которая в это время была жива еще: время от времени билась и издавала какие-то невнятные звуки. Потом отец Снальте сказал матери: «Что сделано — не исправить нам, а плакать смешно, перестань».

Старая Бесовка, как, вероятно, большая часть селений, разделена на четыре квартала. В воскресенье перед Вознесением после обедни из каждого квартала по две старушки идут сварить⁵⁴ яйца, на вырученные таким образом деньги служат обедню, покупают свечки; на остальные деньги покупают мед для пива. В воскресенье после Вознесения после обедни идут старушки к левому клиросу⁵⁵ с внешней стороны до конца. Тут же съедают все блины, лепешки, яйца, выпивают все сыченное пиво. А потом расходятся по домам.

Разин и эрзяне

Помню, так рассказывали о Стеньке Разине. Было это еще в Каменке. Каменский старик говорил. Его фамилию уже не знаю, забыл.

— Вот, — говорит, — Степан Разин был атаман! Это действительно атаман! Воинственный!

Я спрашиваю:

— Как эрзяне относились к Степану Разину?

Говорит:

— Очень любили. Как, — рассказывает, — появился Степан Разин, они зарезали баранов, говядину привезли ему, бочонки с медом войско

кормить. Много меда у них было и много скота. Старые люди рассказывают, что Степан Разин любил эрзян. Вот, бывало, соберет их и скажет:

— А ну-ка, мордва, споем мордовские песни.

Любил и слушал мордовские песни.

Алена

Гулял в разинские времена по нашей нижегородской земле отряд. А в нем главная сила — крестьяне крепостные, что бежали от помещиков, да городская голь-беднота. И каждый при себе оружие какое-либо: свое ли, домашнее, или добытое в бою, барское, носил. К тому же каждый в отряде порядок какой надо крепко соблюдал и всем военным премудростям ладно обучен был, и действовали все согласованно да умело. И не было от отряда царским войскам покоя ни днем, ни ночью.

Не жаловали люди из отряда и усадьбы помещичьи, да и хозяев их жадных. Вот и возненавидели тогда господа всех мастей и званий отряд этот славный. Особенно ненавистным и обидным казалось им то, что главарем в этом мужицком отряде была простая баба по имени Алена. Оно, конечно, мужиком ее не назовешь. Но простой Алену Ивановну, может быть, и нельзя именовать, потому что выделалась она умом своим недюжинным да и грамотешкой, знать, ведала. И была она беглой монахиней какого-то монастыря, а родом из Выездновской Слободы.

Там, в обители своей женской, вволю насмотрелась она с юных годков чудес неописанных, сполна хлебнула из чаши горя народного, вдосталь наносилась рясы иноческой⁵⁶. Опостылело ей все это до смерти! И, дай бог ноги, оставила старица Алена келийку свою тихую, да в чистое поле отправилась. А там к отряду вольному пристала.

Ну, прошло с той поры какое-то время. Присмотрелись к ней мужики отрядные поближе, удаль да смекалку ее завидную как подобает оценили, и стала тут Алена Ивановна атаманом их войска доброго.

С тех дней и пошла молва народная про Алену-атамана да про отряд ее смелый. Отваге да сметке молодцев Алениных завидовали даже враги, а про атамана говаривали, что ее в бою ни пуля не берет, ни сабля не сечет. И то сказать: слава такая неспроста по земле катилась. В любом сражении не знала Алена страх, и никто из господ да слуг их верных и наймитов⁵⁷ вражьих не отваживался с ней вступить в единоборство. Ловко владела она оружием разным и на коне скакала лихо, словно казак молодой.

И вот задались царские воеводы целью: уничтожить отряд Алены, а атамана обязательно в плен взять. Цель-то есть, а выполнить ее как? Аленин отряд не только уничтожить, выследить и то трудов великих стоило!

Тогда обратились те воеводы за помощью к попам. Ну, а святыми отцами и найдено: распустили они в народе слух, что Алена — колдунья, что общается она с нечистой силой — дьяволом, ему, мол, душу свою продала. В арзамасских церквах предали ее проклятью; попы к прихожанам обратились, содействуйте, мол, люди православные, делу избавления от преданной анафеме⁵⁸ Алены...

А она, не будь плоха, сама не хуже поповских обращения к народу да заклинания сочиняла. Одно из них особенно запомнилось людям, и пошло оно гулять по белу свету от человека к человеку, из селения в селение: «Встану, благословясь, пойду, перекрестясь, за правое дело, за русскую землю, на извергов, на недругов, кровопийцев, на дворян, бояр, на всех сатанинских детей! Выйду боем на чистое поле, свищут пули, я пуль не боюсь, я пуль не страшусь. Не троньте, пули, белые груди, буйную голову, станovou жилу⁵⁹, горячее сердце! Скажу я пулям заветное слово: летите, пули, в пустую пустынь, в гнилое болото, в горячие камни, а моя голова не преклонится, а моя бела кость не изломится. Про то знает дуб да железо, камень да огонь. Аминь!»

Народ слышит то заклинание Аленино, запоминает слова его страстные и уважением да любовью к атаману проникается. И идут, идут в отряд ее

праведные люди от сохи да верстака, чтобы с добрым атаманом честные дела вершить.

Но случилась раз с отрядом беда непоправимая. Как волки лютые, рыскали повсюду сынки дворянские, слуги Долгоруковы по городам и весям нижегородским, по лесам дремучим да лугам заливным. Вынюхивали они след, подобно ищейкам дьявольским, и навалились всем войском на отряд Аленин. Крепко дрались люди трудовые, да не хватило сил, чтобы махину такую победить. Смяли, уничтожили они Аленин отряд, а отважного атамана в плен взяли.

И тут судить ее стали царские слуги. Да что из того толку-то?

А те уж и приговор о казни через сожжение зачитывают. Алена выслушала спокойно решение это господское да и молвила, будто в бумаге той вовсе не про нее говорилось:

— Когда бы все так воевали, как я, то князь Юрий наострил бы от нас лыжи...

Вот какая была Алена-то, атаман наш нижегородский!

Пугачевская дорога

Старики говорили, что дорогу из Скрипников до Толкая называют Пугачевской. Когда Пугачев стал сюда подходить, старики вышли встречать его с хлебом-солью.

— У вас, — говорит, — и курица не пропадет, — так отвечал Пугачев.

А за ним гнались царские слуги. Из боязни они закопали на лугу бочку с золотом. От дороги отметили расстояние. Потом же каждый год дороги по лугу меняли, в этом году — здесь, на будущий год — в другом месте. Так вот меняли. Наверное, бочка и сейчас там, никто ее не видел.

А Пугачев здесь прошел. Вот дорога из Полуднева сюда спускается. Там украинское село, семь-восемь километров отсюда будет. Дорога сюда вот спустилась, ближе к Толкаю.

Предание о селе Большой Толкай

Предание о селе Большой Толкай я слышал от Виталия Захаровича Радаева. Родом он из этого же села.

Самые первые жители в Толкай пришли из какого-то села Пензенской губернии, какого села — в предании нет. Земли, на которые они переселились из Пензенской губернии, были в руках у башкирского хана. Звали его Талхан. От этого и произошло название села Толкай.

Чтобы занять эти места, нужно было купить землю у башкирского хана. Но башкирский хан никак не уступал своей земли. Он согласился продать землю лишь при условии, если переселившиеся эрзяне отдадут за него замуж понравившуюся девушку. Но та никак не хотела выходить замуж за башкирского хана. Наверное, он был стар, и жены у него имелись. Что же делать? Эрзяне выбрали из своей среды ловкого парня, который мог бы уговорить понравившуюся хану девушку, и та согласилась выйти замуж за башкирского хана. Вот до этого места предание о селе Толкай рассказал Радаев. Продолжение предания я услышал уже от других.

Толкайские парни ходили в ночное пасти лошадей вдалеке от села. Их стан находился недалеко от реки Малый Кинель, в пойме, где был родник. Однажды видят: к роднику подошла седая-седая старушка. Она брала пригоршней воду и пила, чтобы смочить пересохший рот. Находившиеся около лошадей подошли к старушке и спросили: кто она и откуда идет. Это оказалась та самая девушка, которую выдали замуж за башкирского хана. Она отвечала, что сбежала от хана и ближе к старости, к смерти, захотела вернуться назад, умереть в своем селе. Наверное, жить у хана было плохо и трудно, возможно, она была третьей или седьмой женой хана. И, не выдержав надругательств, решила избавиться от рабства, вернуться в свое село, по жителям которого она так соскучилась.

История села Шугурова

У нижегородского мордвина было много сыновей. Когда жизнь стала очень тяжелой, сыновья ушли в разные стороны. Два его сына пошли по

Волге, а потом — по Суре и дошли до этих мест. Вдвоем они задумали обосноваться здесь. Одного звали Шу, а другого — Гур. Остановились на реке Дожге, где сейчас поселок Вейсэ⁶⁰. Остались тут потому, что земля плодородная, много рек и лесов. Так появилось наше село Шугурово.

Потом, когда жизнь наладилась, среди них появились разбойники. Они обитали в лесах и каждую ночь нападали на жителей. Когда же жизнь ухудшилась, половина людей ушли из села и построили свои дома на горе, теперь здесь село Шугурово. А половина жителей ушли в Пензенскую губернию. Где сейчас мы живем, там было непроходимое болото, росли дубы и орешник, поэтому и сейчас вода в реке Санджей летом высыхает и появляется из ила скорлупа желудей и орехов. Потом болото постепенно пересохло, лес вырубил и раскорчевали. Самым первым на месте болота построился сельский староста. Позднее спустились с горы жить сюда. Поэтому теперь Шугурово находится внизу.

Сапожкино

Из Пензы на Новое поле пришли три семьи. Здесь были дикие пруды и большие леса. Теперь леса не стало. Село называлось Новым. Когда люди пришли, понадобилось пригласить землемера. Обещали купить ему хромовые сапоги. Но обещания своего не выполнили, он же отмерил землю в форме сапога: голенище — в стороне суходола, все село — в подошве. Землемер был русский. Он говорит:

— Вот вы мне сапоги не купили, поэтому нарезал вам землю в форме сапога, и будет село ваше называться Сапожкино.

Как вели губернскую границу

Когда Русское государство делили на губернии, уезды и волости, то стали проводить границы. Большое Маресево попало в Ардатовский уезд Симбирской губернии, а села Малое Маресево, Малые Ремезенки, Мокшалай и Большие Ремезенки — в Саранский уезд Пензенской губернии.

Чтобы установить границу, из каждого села собрались знающие старики. От села Большое Маресево были посланы умные старики Мамай и Алют.

С селом Большие Ремезенки граница вначале шла по природной меже с севера на юг, по реке с названием Лисьма ош. Когда межевой достиг истока реки и нужно было идти по сухому месту, то он прошел так около километра. Старики Пензенской губернии втайне от маресевских стариков Мамаю и Алюта дали межевому деньги, и тот повернул границу на юго-восток. Так шли три-четыре километра. Потом он потихоньку повернул на восток. Через пять километров — на северо-восток.

Тогда маресевцы догадались, что их обманывают, граница-то все время шла лесом. Маресевские старики разругались, стали измерять ленту, падать поперек нее и задерживать межевого. Дело дошло до драки. Мамай и Алют требуют от межевого повернуть границу на ширину эрзянского лаптя с северо-востока на юго-восток. Это место поворота до наших дней называют Чала пря^{б1}, потому что старики там повздорили. А по сухой части границы вырыта канава, место же это так и называется Канава пря. Шла она до села Пичеуры, а от Пичеур симбирские старики повернули назад, на юго-запад, в сторону села Мокшалей.

За раздоры и драку межевой Алюта и Мамаю отдал под суд. Мамаю пришлось сидеть в тюрьме в городе Пензе. Там он сидел не очень долго. Его приехал навестить Алют. Мамай говорит:

— Тебе меня не выручить, а я тебя выручу. Давай, ты останься здесь.

Остался в тюрьме Алют. Мамай вышел оттуда и бродит по Пензе. Хитрый был старик. Думает, как выручить Алюта?

Приехал в Пензу богатый старик. Привез много добра: пуд меда, медвежью шкуру и кое-что еще. Приехал выручать из тюрьмы родственника. Мамай предлагает:

— Давай добро, выручу твоего родственника, мне все тюремные начальники знакомы.

Привез его добро тюремному начальнику, выручил Алюта, того же оставил ждать.

Ишаки

В нашем Чамзинском районе есть село Ишаки. О появлении этого названия я слышал такой рассказ. Говорят, что в Ишаках был барин, который торговал своими рабами-пахарями. Во время одного такого торга он так хвалил своих крепостных: очень уж хороши, сильны, здоровы, усердно работают. Покупатель, глядя на этих людей, рассмеялся и сказал:

— Это, — говорит, — не люди, а ишаки.

От того слова и пошло название села — Ишаки. Ну, название его не очень хорошее, в честь скота дано. Теперь его переменяли, назвали Красные Горки.

Аксел

Когда Иван Грозный, идя на Казань, увидел вдруг с горы открывшийся поселок, то, пораженный красотой его месторасположения, воскликнул:

— Ах, село!

Это-то восклицание, сокращенное в Аксел, и дало название селу.

Онава-речка

Молодой парень из соседнего села ехал на лошади за невестой в Большой Уркат. Надо было проехать через небольшую, но полноводную речку. Лошадь споткнулась, и свадебная повозка перевернулась. Люди начали кричать: «Онава утонула! Онава утонула!» С тех пор это место называют «Онава-речка», от слова «онава» — мокшанская свадебная повозка.

Былички

Быличка — рассказ о встрече человека со сверхъестественными существами. Термин «быличка» в научный оборот введен сравнительно недавно, и в мордовской фольклористике вплоть до середины 80-х годов не употреблялся вообще. Произведения, относящиеся к этому жанру, назывались либо преданиями, либо легендами.

Былички тесно связаны с верованиями народа, в частности, у мордвы хорошо прослеживается связь с древними верованиями и с христианскими, привнесенными позднее, в XVII — XIX веках. Такое напластование религиозных воззрений привело к дуалистичности ряда мифологических образов. Например, в устном народном творчестве на равных правах существуют Ведявы, русалки, Юртавы, Кудавы (Кудальти), Куйгорожи и домовые. Причем функции их, описания если не совершенно одинаковы, то, по крайней мере, мало отличаются.

Главными героями быличек являются человек-свидетель и мифические существа: Вирява, Ведява, Юртава, Куйгорож и другие оборотни. Сюжетная основа былички — описание встречи человека с существами потустороннего мира и исход этой встречи.

Мордовские былички представлены следующими тематическими группами:

- 1) о покровителях леса и воды;
- 2) о домашних духах-покровителях;
- 3) о подменных детях, проклятых людях и мертвецах;
- 4) о неизвестных страхах;
- 5) об оборотнях.

Былички о Вирявах — самые распространенные. Образ Вирявы противоречив: в одних случаях она рисуется как обыкновенная женщина с распущенными волосами, в белой одежде; в других — лесные люди, покрытые шерстью; в третьих — Вирява в лесу — высотой с дерево. Почти в

каждом рассказе даются какие-то новые, взаимодополняющие или взаимоисключающие черты образа древней покровительницы леса. Если в некоторых других древних жанрах мордовского фольклора Вирява выступала в роли положительного персонажа, богини, которой поклонялись, совершали жертвоприношения, то в быличках это отрицательный персонаж, способный на любые недобрые дела. Встреча с Вирявой не предвещает ничего хорошего.

Рассказов о Ведяве немного. Образ ее в быличках близок образу Вирявы, проявляет она себя так же, хохотом. Единственное, что в какой-то степени может напоминать о ее былой божественности — это отголоски о жертвоприношениях Ведяве при строительстве водяной мельницы, либо дарение колец «хранительнице колодца» на третий день свадьбы.

Раздел быличек о домашних духах-покровителях разнороден. Здесь уживаются Юртавы, Кудавы, Куйгорожи и домовые, причем функции их одни и те же. Они — хозяйева, хранители очага, богатства, домашних животных. Их функция прежде всего хозяйственная.

У мордвы издревле существовало поверье, что во время родов нередко случалась подмена нечистыми новорожденного: человеческое дитя брали нечистые, а на его место подкидывали своего. Впоследствии такой ребенок долго не ходил и наконец умирал. Существовали рассказы об обнаружении таких подменных детей и способах избавления от них.

Не менее распространено и поверье, связанное с проклятиями. Когда родители проклинали своих детей, те пропадали, а по ночам пугали людей. По истечении определенного срока проклятие или проходило само, или родители снимали его.

Рассказы о видениях и мертвецах связываются, как правило, с умершими недоброй смертью, опойцами или утопленниками. Раньше был обычай — умерших неестественной смертью — самоубийц, опойц, утопленников священник не разрешал хоронить на общем кладбище. Место

им находилось чаще всего на болоте. В мордовских быличках опойцы приходят к людям в своем облике, разговаривают, а затем уходят, утопленницы появляются из воды в виде русалок, хохочут и снова исчезают. А чтобы мертвецы не пугали людей, требовалось в могилу вбить рябиновый кол.

Кроме перечисленных рассказов о встречах с разными мифологическими, сверхъестественными существами у мордвы есть немало быличек о всевозможных страхах, которые порой трудно к чему-то приурочить, с чем-то связать: кто-то что-то вдруг услышал, что-то привиделось, мелькнуло и т.д. То это мальчик, то взрослый человек, то седой старик (старуха), то животное, огненный столб или просто шум вдруг появляются и исчезают.

Последний раздел составляют многочисленные рассказы о всевозможных оборотнях, колдунах, вера в существование которых у мордвы раньше была достаточно сильной. В образах каких только животных не выступают оборотни: это овца (баран), свинья, собака, теленок, кошка. В этих рассказах нередко показывается и активное сопротивление людей. Их выявляют, за злодеяния наказывают.

Возникли былички на основе определенных религиозных верований, поверий, пропущенных через сознание людей, всегда эмоционально окрашены. Такие рассказы интересны как источник для понимания бывшего мировоззрения, для изучения природы осознанного и неосознанного творчества, рождения и трансформации образов.

Проделки Вирявы

Одна женщина пошла в лес, две девочки с ней, по одиннадцати лет. Ну, собирают-собирают землянику. Жеребенок ржет, к ним приближается. Пошел дождь, сечет. Девочки говорят:

— Мама, что это?

А она не сказала им, не стала пугать.

— Не бойтесь, — говорит. — Это жеребеночек.

Вирява только пугает, ее очень-то не увидишь, жеребенком появляется. Она и к мужчинам выходила.

Однажды мой отец поехал верхом рубить сосны. Вирява лошади хода не дает, идет и идет, идет и идет. Лошадь встала на дыбы.

— Почему, — отец говорит, — так? Но-о, поехали, но-о! Тпру, стой, посмотрю, что же случилось.

Лошадь фырк! фыркает, на дыбы встает. Потом отец посмотрел налево: стоит как дерево, волосы по ней распущены, вся заросшая волосом. Это был человек, ростом с дерево, комья земли швыряет. Вот что она делает. Лошади дорогу загородила. Отец говорит:

— Назад вернусь, что поделаешь? Убьет на лошади. Нет, не вернусь, дальше поеду, будь что будет.

И вот он говорит:

— Господи, зачем не даешь пути? Дай мне ход.

Она крикнула:

— Иго-го-го!

Дерево пукштор-пакштор⁶²! — сломалось. Так она пошла по лесу. Не за отцом, а в сторону ушла. Деревья не валятся, а хрустят-качаются. Идет — землю роет. Деревья — пукштор-пакштор, пукштор-пакштор. Вот это мой отец сам видел.

Невеста в лесу

(Вирява)

Однажды в ясный день одна эрзянка пошла по ягоды. Еще жать не выходили. Пришла в лес. На опушке леса ягоды тучей. Женщина как увидела эти ягоды, так и увлеклась, головы не поднимает. А сама все в глубь леса заходит, не замечает этого. Вдруг как-то подняла голову, взглянула в сторону. На поляне, на дубовом пне, сидит невеста, а сама плачет. Одета она в мордовскую одежду. Так причитывает, что весь лес звенит. У эрзянки,

которая ягоды собирает, и волосы на голове дыбом поднялись, думает про себя: «Что это за причитывающая невеста? Сегодня день никакой не праздничный, а здесь причитывает невеста».

Собиравшая ягоды стала потихоньку пятиться назад. Только сумела выйти из леса, причитывающая превратилась в огонь и с гулом полетела над лесом. Даже лес весь загудел. Как пришла женщина в село и рассказала эту забаву людям, все стали говорить:

— Это самая была Вирява.

А кто видел Виряву, не к добру.

Переговорить с Ведявой

У нашего барина была водяная мельница. При ее строительстве барин нанимает человека нырять, разговаривать с Ведявой. В разговоре с Ведявой тот спросит: девушку или молодую сноху нужно ей. И пообещает, если нужно молодую сноху — пусть утонет. Все это потому, чтобы Ведява не сорвала запруду, иначе у водяной мельницы не будет воды. Говорят: смотрите, человеческую голову пообещали Ведяве.

Барин такого человека выберет, который может хорошо плавать и который пошустрее, может переговорить в воде с Ведявой. Этого человека барин нанимает. И платит ему деньгами. Сколько платит — я не знаю, но много. Барин противится, но платит столько, сколько запросит ведущий переговоры. Когда человек утонет, тогда скажут:

— Вай, утонул, был обещан.

Проделки Куйгорожа

— Что такое Куйгорож? — спросила у бабки Авдотьи соседка.

Вот что рассказала бабка Авдотья.

— Сейчас нет Куйгорожей, сейчас люди хитрые, сразу поймают Куйгорожа. Рождались они будто бы из первого весеннего яйца. Из этих яиц сам человек выводит под мышкой Куйгорожа и выпускает во двор. Ну, разбогатеет тот человек, и двор наполнится скотом, дом — богатством.

Куйгорож натаскает. Сам Куйгорож выходит то человеком, то в образе животного, как придется.

Домовой в конюшне

Однажды дедушка увидел домового, тот заплетал лошадиную гриву. Сам белый, на ласку похож, и гриву лошади заплетает. Лошадь стоит, она любит белое. В колоде была чемерица. Дедушка пришел, а чемерица из колоды выброшена на пол. От кормления чемерицей у нее на губах появляется пена. Которую лошадь домовой не любит, гриву той не будет заплетать. Если лошадь боится щекотки, то домовой защекочет ее до смерти и бросит ногами вверх. У нас одна лошадь так пала.

Утонули в Суре

Времени прошло года четыре с тех пор, как я пас стадо. Однажды на просеке плету лапти, самая пора жатвы, я один. Вдруг вижу: мимо кустов шиповника идут в сторону Суры парни, двенадцать человек. За ними идет старик. Поравнялись со мной, остановились и спрашивают:

— Дедушка?

А я говорю:

— Что?

— Иль уж коров в обед гонят к Суре?

Я сказал:

— Еще не гонят, они в лесу.

Они говорят:

— А мы думаем: наверно, уж и Суру замутили.

Я отвечаю:

— Нет, не замутили.

Они говорят:

— Мы идем купаться.

Я иду за ними к Суре. Подошел и смотрю. Все они зашли в воду. Старика спрашивают:

— Ай-ай, дедушка, ты пойдешь?

Старик в ответ:

— Разве я вас оставлю на погибель, вы без меня пропадете.

Пришедший с ними старик начал входить за ними в реку. Как старик вошел, все ребята кричат:

— Ай, дедушка! Ай, дедушка! Ну, теперь мы, дедушка, пойдем, нырнем!

Как они все вместе нырнули, у меня даже волосы дыбом поднялись. Все пропали. Отошел я от берега и даже упал. Эх, очень уж красивые ребята были, и на лицо все молоденькие. Это были шишиги⁶³. Пришли они с Гнилого куста, куда раньше возили опойцев. Все это я своими глазами видел.

Русалка

В обед спутал я лошадей и лег ничком. Появилась женщина и очень хитро бегаёт. Миновала околицу, поравнялась со мной, а я стал следить за ней; она быстро пошла вдоль плетня, я все за ней. Потом та красивая женщина дошла до другого конца плетня — до Глухого озера. Она шла-шла по воде, смотрела-смотрела. На ногах, как на колесе, вертится. Я говорю ей:

— Эх, какая ты красивая женщина, я бы взял тебя в жены.

Она покрутилась колесом на воде и стала смеяться:

— Ха-ха-ха-ха-ха-ха, — нырнула в воду и пропала.

Это появлялась русалка. Раньше, бывало, если муж плохой, то жена топилась в озере, а потом выходила каждый раз в ясную обеденную пору.

Рассказ отца

Однажды мы морили тараканов. Александра с малыми ребятами ушла ночевать к соседям, а мы со старшим сыном Егоркой, ему было пятнадцать лет, легли на печке. На полати поставили маленькую лампу. Дверь была открыта. Я рассказывал Егорке истории из Закона Божьего. Рассказывал-рассказывал, он и заснул. А мне почему-то не спалось. Вдруг в дверь подул

ветер. У меня волосы дыбом поднялись. За ветром зашел старик, седой, борода большая, длинная, сам в белой рубашке, очень-очень страшный.

— Тебе что нужно?

А он вздохнул и погасил лампу. Я поскорее перекрестился, зажег огонь — ничего нет. Разбудил я Егорку, и пошли ночевать к соседям.

Рассказ старушки

У нас болел старик, и я всю ночь не спала. Однажды слышу: за печкой кто-то горько причитывает. Смотрю: вышла на середину избы седая старуха и стала расчесывать свои волосы, а сама все причитывает. Потом потихоньку с плачем вышла из избы. Утром встали — старик умер. Я как увидела домовую старуху, так и подумала, что не к добру она показала себя, да еще так нехорошо, сердце разрывая, причитывала.

Родник Учай

Однажды летом дед Кузьма поехал в лес за сеном. В лесу он задержался допоздна и не смог выехать оттуда до полуночи. Потом собрал сено и потихоньку тронулся. Шел, шел, немного не дошел до родника Учай. Из родника Учай на дорогу вышел огненный столб и стал кружиться. Дед Кузьма вцепился в гриву лошади. Та даже не может стоять на месте, вся вспотела. Как фыркнет, из ноздрей огнем пышет. Огненная куча долго кружилась и пропала. Дед Кузьма сел на воз и потихоньку поехал дальше.

Черная собака

Брат мой рассказывал... Появилась в Перхляе черная собака. Появилась, ну и ладно, только начала она людей донимать. Как стемнеет, то хоть и на улицу не выходи. Бросится на тебя, неси до ворот своего дома. И все. А там свалится, заставит другого так же тащить. Беда. Задумались сельские старики. Один из них говорит:

— Я эту сволочь проучу.

— А как?

— Как... слышали ведь, что это колдун, а остальное услышите вечером.

Только стемнело, старик вышел на улицу и ждет. Откуда ни возьмись, та собака. Встала на ноги и давай неси, мол.

— Ах, противная тварь! Ну, ладно. Понесу, только я тебя проучу.

Принес к воротам и кричит:

— Мужики, мужики, принесите топор.

Собака почуяла, начала вырываться, но разве из рук такого вырвешься. От него и медведь не убежал, а тут какая-то черная собака. Принесли топор, мужик положил ее лапы на дубовое полено и — тяп, тяп! А потом отпустил. На другой день мужик принес отрубленные собачьи лапки на сход и говорит:

— В селе нужно все обыскать.

Мужики с сельским старостой везде посмотрели, ничего подозрительного не нашли. Зашли в последний домик. На печке лежала и охала старуха. Почему, мол?

— Да замерзла, дети мои.

— Замерзла?

Залезли на печку и видят: у старухи обеих рук нет. Убили ее, после этого свет увидели.

Нищий

Жили-были старик со старухой. У них было три сына. Женил старик одного сына. Приехали после венчания и оба умерли.

Пожили недолго. Задумали брать другую сноху. Взяли молодую сноху, поехали венчаться. Приехали после венчания. Опять сын с невесткой умерли.

Жили года два, и третий сын захотел жениться. Пришел под окно нищий:

— Эй, хозяин, дедушка, пусти ночевать.

— Вай, — говорит, — пустил бы тебя, да свадьба у меня, сына женю. У меня сыновья почему-то как только приедут после венчания, так и умирают.

— Меня пусти, я знаю, отчего умирают. Я средство такое знаю.

Старик пустил нищего переночевать. Утром встали, свадьбу справляют. Поехали венчаться. Нищий говорит:

— Запрягите три лошади. Лошадей вам не будет жаль?

— Если сын со снохой не умрут, лошади нам не дороги.

Едут после венчания. Нищий вышел на крыльцо. Сколько было на свадьбе гостей, всех вывел на крыльцо, молодую сноху встречать. В ворота въезжают, пали лошади у крыльца.

— Кто здесь колдун? Пусть ест этих лошадей.

И стали есть лошадей. Крестная мать и крестный отец жениха. Вот кто были колдунами. Нищий говорит старику:

— Вот, мол, кума и кум ели твоих детей.

Третий сын с невесткой не умерли. Нищий не дал их умертвить, помог оставить живыми. Колдунов же заставили грызть мертвых лошадей. Они все зубы поломали, рты окровавились. Сын со снохой остались живы.

О колдуне

Один старик-эрзянин был колдуном. Он собрался на свадьбу и задумал испортить жениха с невестой. А у старика была дочь. Она догадалась о замысле старика и говорит:

— Батюшка, не ходи на свадьбу. Ты — человек, на которого все жалуются. Если только с женихом и невестой что-нибудь случится, начнут жаловаться на тебя.

Колдовские силы старика не могли сдержаться. Он подошел к собственной дочери, тронул дочь по спине и сказал:

— Не пойду так не пойду.

После этого прикосновения у той девушки стала болеть спина. От этого она и умерла.

Тырынтай⁶⁴

Однажды летом, когда на Суре была мутная вода, ловили рыбу. Начали ловить, вытянули раз — рыбы нет, трижды вытягивали — рыбы нет. В четвертый раз вытянули — сома закружили в недытку⁶⁵. Закрутили невод и вытянули на берег. Этот сом — тырынтай, он может оборотиться в зайца, человека. Смотрю сквозь невод: глаза, как у кошки, зеленые. Я говорю:

— Это, дедушка Тимофей, не рыба.

— Почему?

— Видишь, глаза, как у кошки.

Невод разобрали, пощупали — холодный, как лед.

— Нелегкая тебя принесла, или места тебе не было!

Потом в неводе отнесли в Суру, выпустили в воду. Снова начали рыбу ловить, стала рыба попадаться. Тот старик все твердит:

— Пойдем еще, пойдем еще.

Четыре кузовка наполнили рыбой. Подошли к стану, тот старик говорит:

— Пойдем еще ловить.

Пришли в стан, рыбу положили под телегу. Дед Тимофей взял топор, очертил вокруг стана круг. Невод встряхнули и повесили сушить. Тот старик предлагает:

— Давай сварим ужин.

Я спрашиваю:

— Почему перестали ловить? А ты мне говорил: «Еще пойдем».

— Ты не знаешь почему? Если бы круг не был очерчен, он забрал бы рыбу и покидал снова в Суру, и остался бы ты без рыбы.

Барин

Вот какой случай рассказывали, когда я еще был маленьким. Пасеки большемаресевцев были в лесу. Пасека нашего рода Суродиных тоже была в лесу. Там же, недалеко от пасеки, была мочильная яма, где мочили коноплю. Вот однажды поздней осенью, уже по первому снежку, пошли наши женщины мочить коноплю. С ними был один из стариков. Поработали дотемна, а осенью дни короткие, темнеет рано. Закончили. Женщины поспешили домой в село. Надо было успеть еще кое-какие домашние дела сделать, а старик остался: кое-где снопы развязались, растерялись. Надо хорошенько подобрать. Сделал все это и пошел потихонечку в гору домой. Стало немного буранить, началась поземка. Идет усталый. Подумал: «Почему лошадь не запрягли? Сейчас бы и доехал до дома, а теперь вот шагай». Только успел так подумать, как послышался колокольчик; навстречу — тройка. В экипаже — барин, на облучке — кучер.

— Старик, покажи дорогу на Пичеуры. Мы заплатим тебе.

Он объяснил, как проехать, а сам отказался поехать и показать дорогу, ссылаясь на усталость и позднее время. Барин стал настаивать:

— Вот тебе рубль серебром, садись с кучером, покажи нам дорогу. «Эх, — думает про себя старик, — целый рубль да еще серебром дает. Откуда такие деньги возьмешь? Была не была, покажу и деньги заработаю. А домой успею дойти». Взял рубль, сел с кучером и поехали. Ехали, ехали, ничего не видать.

— Господи! Почему я так устал?

Вмиг все пропало. Очнулся он: стоит на опушке леса, вдали светятся огоньки какой-то деревушки. Буран стих. Никого кругом нет. Пошел он на огоньки. Постучался в крайнюю избу, попросился погреться.

— Какое это село?

— Гарт.

— Какой Гарт?

Оказалось, что это в стороне Кочкурова. Удивился старик. Поискал в кармане рубль — нет. Рассказал старик обо всем, отогрелся и отправился домой. Лишь на вторые сутки к вечеру добрался он до дома.

«Нечистый»

Это приключилось с колхозным сторожем. Сторож вечером стоял у амбара. Шел сильный дождь, не переставая гремел гром, как из пушки палил. Не только люди, казалось, и вся нечисть попряталась от такого страха. И только один не успел спрятаться и как помешанный метался туда-сюда, никак не мог нигде найти себе убежища. Глаза горели огнем, сам и выл, и плакал, и мяукал. А дождь все лил и лил. А гром грохотал и грохотал. И как-то вдруг «нечистый» бросился к сторожу, стукнулся о стену и стал прижиматься боком к человеку совсем близко, заблеял по-козлиному. Сверкнула молния, прогремел гром, сторож что есть мочи ударил «нечистого» прямо по лбу. Тот упал, перестал дергаться и подавать голос. Сторож успокоился и устроился на ночлег. На рассвете сторож решил посмотреть, что же делал «нечистый» около амбара. Там он увидел лежащее тело убитого волка.

Пострадала овца

Встречаются женщины колдуньи. В нашем селе была такая, звали ее Охонь баба. Рассказывали, что она превращалась в овцу.

Вот как-то раз, когда у одного сельского мужика жена готовилась рожать, муж стал караулить ее. В один из таких вечеров соседская овца забралась в сени к тому мужику и гремит там. Мужик подумал: это пришла та колдунья. И так избил овцу, что та еле вырвалась. Утром сосед рассказывает:

– Нашу овцу кто-то так сильно избил, что та еле живая вернулась во двор.

Мужик прибегает к колдунье – та спит на печке. Никто ее не трогал.

Устные рассказы

Устный рассказ (сказ) — прозаическое повествование о реальных событиях и делах людей, современником или непосредственным участником которых был сам носитель.

В устном творчестве мордвы этот жанр до настоящего времени остается не только неизученным, но и в достаточной степени несобранным. Первые, наиболее ранние тексты мордовских устных рассказов сохранились в «Мордовском этнографическом сборнике» А.А. Шахматова. Составитель включил в раздел «Предания» ряд рассказов-воспоминаний о нелегкой жизни, труде и быте мордвы XIX века. Среди них — повествования о бесчинствах помещиков — крепостников, о неравных браках, о посадке садов. В другие фольклорные сборники устные рассказы не включались совсем.

Имеющийся сравнительно немногочисленный текстовый материал можно разделить на несколько групп:

- 1) рассказы о труде и быте народа в прошлом;
- 2) рассказы о сильных людях;
- 3) рассказы героико-революционного содержания;
- 4) рассказы о советской действительности.

Наиболее давним событием, нашедшим отражение в устных рассказах, является реформа 1861 года. На примерах жизни своих семей рассказчицы показывали антинародную сущность крепостного права. Тяжелая доля подневольных людей красной нитью проходит через все устные рассказы о труде и быте мордовского народа в прошлом.

К этой группе примыкают многочисленные рассказы о сильных людях. События, о которых повествуется в них, как правило, тоже происходят в дореволюционную пору, редко — в наше время. В таких рассказах рисуются картины быта и труда мордовского крестьянства.

Почти в каждом селе рассказывают о живших здесь когда-то выдающихся, могучих людях. Но сила их проявилась не на ратном поле или в кутежах, а в повышенных возможностях человека при выполнении обыденной крестьянской работы. Проявления силы самые разные, иногда они варьируются. Одни силачи живы в памяти людей как безымянные, имена других сохранились.

В памяти людей старшего поколения сохранились рассказы о той эпохе, когда устанавливалась власть Советов и зарождалась Советская республика.

Устные рассказы о советской действительности — это произведения, возникшие после Гражданской войны: об организации колхозов, о первом тракторе, о школьном учителе. Большинство же рассказов появилось в годы Великой Отечественной войны и связано с проявлением массового героизма на фронте и в тылу.

Тематика жанра устного рассказа широка и разнообразна. Он рождается вместе с событием, в котором принимает участие народ. Обращаясь к значительным явлениям жизни, истории, эти произведения воссоздают реальную обстановку, имена героев, названия мест. Устный рассказ — это память о недавнем прошлом, описание реальных событий с элементами домысла, а нередко и фантазии. Средства художественного творчества в этом жанре строго ограничены и в какой-то степени predetermined: ведь речь идет о событиях недавних, и достоверность повествования подтверждается самими участниками или очевидцами события.

О возникновении фамилий

Когда только основалось село Большое Маресево, к семье Марезя примкнули род Куторкиных и род Маколкиных, потом и другие, те, кто скрывался от бояр. Например, Низовкины пришли из села Низовка, из-под Ардатова, Суродины пришли с берега Суры. Суро баба привезла с собой

даже пчел, и маресевские пасеки пошли от тех пчел, привезенных Суро бабой. Симдянкины — калмыки, Захватовы — киргизы, Кузнецовы — русские мастеровые люди. Барина в Большом Маресеве не было, поэтому люди и шли сюда.

* * *

Один старик рассказывал: вроде, во время русско-французской войны было...

Тогда фамилий мало еще было, особенно в деревнях. Многие жили очень бедно. А в армию забирали мужчин только по жребью. Так вот, жребий достался одному богатому, а тот откупился — были у него средства. И решили забрать бедного. Был он здоровый мужчина.

Его об этом предупредили. Тот запер все двери, а сам полез на чердак сарая.

— Кому не жалко своей головы — заходите!

Хотели силой забрать. Не забрали, и он на войну не пошел. И за это ему сначала прозвище дали — Француз, а потом и фамилия стала — Французов. Так и осталось — Французов.

Нашей бабке герой этой истории, по прозвищу Французов, доводился прадедом. Фамилия у нее была Французова. Вот она и рассказывала об этом всегда.

Как женили в старину

Старшему моему брату Александру было восемь лет, когда его поженили. Просватали за него взрослую девушку. Собрался их поезд, стали они собираться в церковь венчаться. Видят, что нет брата Александра. Нашли его на улице. Брат Александр играл в козны с товарищами. Стали звать его, а он не идет.

— На тебе двое козен, иди! — говорят брату Александру.

— Дайте четыре, пойду! — отвечает Александр.

Дали ему четверо козен, взяли его, посадили и поехали в церковь венчать их.

Бунт

Я до самой смерти не забуду тот сентябрьский день 1906 года, когда становой⁶⁶ Малинин и урядник⁶⁷ Елькин с четырьмя стражниками подъехали к нашей избе: стражники — верхом, становой и урядник — в тарантасе.

Становой пристав допрашивал отца. А мы, детвора, все пять человек забрались на полаты и оттуда смотрели на непрошенных гостей. Отец отвечал гордо и смело. Допрос был недолгим. После допроса пристав указал на нас и спросил:

— Все ваши?

Отец сказал:

— Да, все наши.

Тот покачал головой и произнес:

— Жаль.

Вышел из-за стола и приказал стражникам арестовать отца — Суродина Якова Васильевича, организатора крестьянского бунта — и отправить в стан. Полицейский стан находился тогда в селе Апраксине Маколовской волости Ардатовского уезда. Когда отец стал выходить из избы, мать наша заплакала, мы тоже все заревели.

Шел 1905 год. Волнения крестьян-бедняков прокатились и по мордовской земле, в том числе и в нашем селе Большое Маресево. Находилось оно в то время в подчинении Маколовской волости Ардатовского уезда Симбирской губернии. Жители села были в то время безденежные, платить подати государству стало трудно. Отсюда и шел произвол, который творили волостной старшина и сельский староста при сборе податей: за несвоевременную плату у крестьян отбирали овец, шубы,

кафтаны, даже печные заслоны и трубные заслонки. Поэтому люди озлоблены были до предела.

И вот однажды собрался сельский сход. Мужики высказывали свое недовольство грубым произволом властей. Как на грех, на сходе присутствовали урядник и стражник. Они пытались напугать мужиков арестами, но озлобленные мужики бросились на них и немного поколотили.

После этого началось следствие. Следует заметить, что в этой потасовке отца не было. Но царские приспешники записали его в список возмутителей спокойствия. Один из шпионивших жил напротив нас и постоянно следил за отцом. Видел он, что к нам на ночлег иногда заходили чужие люди, не похожие на наших мужиков: без бороды, но с усами, за спиной — котомка, на боку — чайник. Почти всю ночь полусшепотом разговаривали с отцом (на какую тему были разговоры — никто в семье не знал, даже мать). Наутро, позавтракав и поблагодарив отца с матерью, те уходили. Это были народники, революционно настроенные рабочие. Все это, виденное и невиденное доносил в полицейское управление живший напротив нас царский шпион Дьяков Семен Иванович.

Под арестом отцу сидеть пришлось недолго. Его на поруки взяла заведующая Большемаресевской школой Евдокия Петровна Егорова — жена полковника. Она была в хороших отношениях с приставом Малининым. Так она, насколько могла, смягчала горькую и тяжелую судьбу нашего отца.

Началось расследование по делу бунтарей, как тогда их называли. Одних вызывали в полицейское управление и секли плетью. На других, более активных, — Рабина Тимофея, Куприянова Андрея, Кузнецова Тимофея, Суродина Степана, нашего отца Суродина Якова Васильевича и других — всего двенадцать человек, подготовили материалы в суд.

Судила их Симбирская губернская судебная палата. Отцу дали год и десять месяцев, остальным мужикам — по одному году тюремного заключения. Все они отбывали срок в городе Симбирске, имели вольное

хождение, работали на тюремной кухне и на дворе, но находились в одной камере с уголовниками. Там произошел такой случай: уголовники попытались поиздеваться над нашими мужиками. Отец, имея богатырскую силу и львиную ярость, выхватил трубные заслонки и начал безжалостно «гладить» тех, где попало. Они под нары все забрались и не выходили оттуда до утра.

Отбыл срок отец, вернулся домой. Как мы радовались!

Помню, в начале 1907 года, когда отец был в тюрьме, мы остались во всем беспомощными. И вот в ночь под праздник мужская рука открыла окно и на подоконник положила 20 копеек. Тихо раздалось:

— Христа ради примите!

Через некоторое время другая рука положила пару новых лаптей, и снова послышалась та же просьба. Мать плакала от радости, что есть люди, которые хоть чем-то хотят помочь нам в беде.

Богатырская сила

Примерно в 1942 году умер семидесятилетний непомерной силы богатырь, мокшанин Бабскай Семен. Было их два брата: старший — Яков, младший — Семен, и оба великаны. С детства жили бедно.

Роста Семен был около двух метров, но особенно заметными были огромная грудь и широченные плечи. Поэтому среди людей он казался толстым, как голландка. Руки доставали до колен. Больше о таких нигде не слышали, разве что в былинах. Если б Бабскай жил в далекие времена и участвовал в старой войне — он всех одной только дубиной смял бы. А если б в эти годы жил, то был бы самым знаменитым борцом.

Из себя был русоват, волосы кудрявые, на лицо красив. До старости был красив и чистоплотен. Кроме непомерной силы и огромных кулаков (каждый кулак — с голову ребенка, примерно по десять мужицких) имел тяжелый бас, от которого людям не по себе становилось. На спор как

грянет — все свечи, все огни в избе тухнут, ни один не выдерживает. А так, просто в разговоре, голос был приятный.

Был великаном, а жил просто, даже тихо, можно сказать. Кулачные бои прежде бывали — один конец села на другой сходились — Бабскай никогда не выходил ни драться, ни бороться. Уж очень он боялся кого-нибудь нечаянно убить.

По характеру был добродушным. Когда к нему начинали приставать, даже обижать — он махнет лишь рукой, а не бил. Никогда не показывал на людях свою силу зря, не любил этого делать. Но бывали и с ним случаи, когда задевали за живое. Один раз мельник, здоровенный мужик — спина-то в целый метр шириной, сидя за столом с шестью сильными сыновьями, ругнул Бабскаю бродягой, мол, у тебя нет сыновей, а у меня вон сколько. Бабскай взял мельника за шиворот и швырнул через стол. Перебросил так, что на столе в посудах даже чай не разлился. Сыновья от страха лишь посмеялись над отцом:

— Не балуй с Бабскаем!

В другой раз шестеро братьев Бабиных, все как один рослые, сильные, напали на Бабскаю. Уж очень хотелось им его побить, хотелось славы. Много раз они ударили его, хотя удары их были как комариные укусы. Он же вяло, неловко так от них отмахивался, чтобы не ударить. Поэтому ему захотелось над ними подшутить, а бегать за ними было неохота. И он стал притворяться избитым, стал качаться, будто от ударов. Бабины тут же сбежались к нему, добить решили. Столпились вокруг него, тут он кого схватил, кого свалил и из Бабиных крестец сделал: крест-накрест всех шестерых уложил и сел на них. Те не вытерпели и взмолились, чтобы он их отпустил. Отпустил он их всех невредимыми.

Но был он безграмотным, совсем темным, потому и пропал безвестным. Иной мужичок копит, копит и разбогатеет, а Бабскай не богател. Был честным: на заказ покупал людям лошадей и получал за это плату. Толк-

то в скоте он знал, особенно в лошадях. Скупал в деревнях кожи. Этим он и жил. Все уходило у него на еду, поэтому искал всегда, чтоб дешево можно купить.

В праздники баловался, развлекая людей. Зимой схватит кого-нибудь из молодых здоровенных мужиков и кинет в рыхлый снег — копайся там. Вылезет мужик, а он его опять в снег толкнет. Или посадит на каждую ладонь по человеку и носит обоих. А еще: станет на четвереньки, на спину ему доски настелят. На эти доски лягут тридцать человек — он терпит. Пудовую гирию бросал через крышу дома, двухпудовую — через сарай. Только ушки гири мелькают. Однажды на спор взвалил на спину восемнадцатипудового быка и дотащил до своего дома. Деньги выиграл.

Рассказов о его силе было множество. Бабскай всегда приходил на помощь знакомым и чужим. Встретятся зимой на дороге два воза, он съезжал в снег, уступая дорогу. Потом вытаскивал воз, который не под силу было сдвинуть нескольким мужикам.

Жил он одиноко. Жена его рано умерла, сын погиб. Да и сам он умер неожиданно, на другой день после бани. Пришел из бани и пожаловался:

— Ноги холодные, помру скоро.

Все посмеялись над его словами. Наутро же он умер.

* * *

Старик-мокша Суреч жил девяносто девять лет и умер при моей матери. Ходил он на медведей, а оружие-то его кинжал с крестовиной да рогатина дубовая. Брал с собой меру⁶⁸ картошки и ковригу хлеба. С этим он шел на медведя. Случалось даже, что спасал незадачливых охотников с ружьями.

Старик он был высокий, но в драки не лез — боялся убить человека. Плел он лапти, а лыко носил на себе за двенадцать километров. Ноши связывал по пяти пудов, а иногда и больше.

Как-то раз при обходе поймали его с лыком два лесника. Все припомнили: сколько лыка он перетаскал. (А тогда строго было, для лаптей не хватало лыка.)

— Что с тобой делать? Давай к пню привяжем, пусть комары поедят его! А на обратном пути отвяжем его.

Привязали к здоровенному ветровальному пню, а ствол повыше отпилили. Ушли лесники по просеке, не видно уже стало. Суреч опустился на колени, подлез под пень, поднялся и кое-как понес. Четыре километра до пасеки тащил, а там пчеловод развязал его.

Приходят лесники — нет ветровального пня, нет и Суреча. Куда же он исчез? Так и не поняли.

Через неделю пошел лесник к тому пчеловоду — меду поесть. Заходит, а у сеней лежит тот пень.

— Откуда?

— Да Суреч на спине притащил.

— Да там корней, земли сколько?!

Заинтересовался лесник, привез как-то весы. Двадцать пять пудов потянул этот корень!

* * *

Дедушка рассказывал, в те времена в селе более двухсот хозяев было. Хлеб ездили продавать в город за шестьдесят километров. Старики сильные были. Один запрягает три лошади, насыпает три воза хлеба и едет за шестьдесят километров по лесу.

И вот в одно время, мой дедушка был еще молодым, с соседом-стариком поехал он в город хлеб продавать. Раньше ведь как бывало? Один хозяин по пути пускает к себе на ночлег. И к нему всегда заезжаешь. Туда едешь — ночуешь, без денег пускает, назад возвращаешься, хлеб продашь и расплачиваешься с хозяином. Это сейчас дом крестьянина, а раньше — ночлежный дом.

Ну, заехали они на ночлег. Ведерный самовар вдвоем выпили, восьмикилограммовый каравай хлеба съели. Переночевали. Наутро им нужно выехать пораньше. А в ночь понаехало туда человек тридцать. Вышли — их подводы оказались в глубине, выехать нельзя. А он на трех подводах, да дедушка мой на двух — пять подвод нужно освободить. Говорит мужикам:

— Идите помогите, освободите мне дорогу.

— А-а, подождешь, старый.

Он больше никому ничего не сказал. Моему дедушке говорит:

— Иди, запрягай. Как есть, так и запрягай. Я сейчас дорогу расчищу.

Он как возьмет сани (бывалошний воз был двадцать пять — тридцать пудов) и на второй ряд бросит. Разбросал в стороны все возы. И выехали. Те как вышли, так и ахнули. Он один разбросал, они артелью ничего сделать не могут.

И ростом не такой уж богатырь был, а какой сильный. Это сам дедушка мне рассказывал.

* * *

В Гражданскую войну жил я в Кураеве и заболел лихорадкой. Там старик с нами был, около ста лет ему, росту небольшого, голова совсем голая, ни одной волосинки не было. Слаб он уже был. Спрашиваю:

— Дядя Яков, расскажи что-нибудь о старине. Может, здоровые люди жили в Кураеве. Были такие?

— Жили мы раньше, машин никаких не было. Может, где и были, а у нас нет. Пешком уходили на заработки. Однажды пришли мы в Барканауши, стали грузить на баржи шнурок⁶⁹. А было нас человек двадцать — кураевские да мокшане. Работали одной артелью. Был с нами один кураевский молодой мужчина по имени Юда. Правнуки его и поныне еще живы. И вот этот Юда большую силу имел, и росту был огромного.

Работали мы, но управляющий хозяина баржи был недоволен, ругался, оскорблял:

— Мордва вы проклятые!

Издевался-издевался он, надоело обиду терпеть. Юда и говорит одному мокшанину, тоже сильному:

— Ну, хватит терпеть. Ты вот что, донесешь этот якорь? (Там и якорь был, двадцать пять пудов весом.)

Тот согласился.

— А я лот⁷⁰ возьму. Давайте привяжем лот и опустим под воду.

Взяли они: один — якорь, другой — лот, отнесли в сторону, опустили под воду. И молчок. Через два дня баржа была загружена и готова к отплытию.

— Приготовиться! Поднять якорь! Лот опустить!

А якоря нет. Баржа стояла груженная в тихой заводи и без якоря не сдвинулась с места. Как же так? Якорь пропал! Куда делся? Вот это да!

— Опускайте лот!

Посмотрели — и лот пропал. Управляющий заробел, заговорил по-другому:

— Ребята! Кто подшутил? Принесите лот и якорь.

Все молчат. Через некоторое время снова пришел:

— По пять рублей дам — только принесите.

Опять все молчат. По десять! — молчат. По пятнадцать! — молчат. По двадцать пять!.. Тут Юда и тот мокшанин пошли. Мокшанин якорь притащил, воткнул в землю столбом, а Юда — лот.

Отдал им по двадцать пять рублей управляющий. Но на мордву больше не кричал, отучили обижать. Вот такая история была рассказана мне в двадцать третьем году.

Иван Заикин

Об Иване Заикине я вот что слышал. Рассказывали: родом он из Талызина. Жили тогда бедно. Но сила этого Заикина проявилась еще в

детстве. Играет, бывало, с мальчишками, поднимет амбар за угол и положит туда картузы их. А им не поднять.

Когда немного повзрослел, начал ходить в лес, носить на себе бревна. Пойдет в лес, срубит дерево, принесет домой. Бревно дома! Так строил себе двор. Лесник спохватился. Что такое? Дерево срублено, а следов больше никаких нет. Пришел лесник к нему, спрашивает:

— Как это ты делаешь? На чем возишь?

— На себе ношу.

Не верит.

— Ну-ка покажи, принеси, дам еще бревно.

Пошел вместе с лесником, срубил, принес домой.

* * *

Богатырь Иван Заикин в молодости в Атяшеве пас свиней. А богач этого села строил ветряную мельницу. Собрал он всех здоровых мужиков села, хорошенько угостил и сказал:

— Теперь отдохните, а потом будете поднимать мельничные жернова — два тяжелых камня.

После отдыха собралась артель жернова ставить. Смотрят, а они уже на месте. Всполошились. Как же так? Не сами же они на место легли? Соседский старик и говорит:

— Это вот пастух Ваня их поднял и положил на место, пока вы отдыхали.

Так все узнали о силе Ивана Заикина. И послали его учиться к Поддубному. Стал он позднее великим российским богатырем.

Любил он бывать на ярмарке, любил детвору, а дети любили его. С собой он всегда носил медные деньги, давал ребятишкам на сладости. Бегом бежали они к нему, а потом покупали пряники, конфеты. Однажды они не поделили эти монеты и подрались. Заикин засмеялся, собрал с их голов

картузы, подошел к амбару, поднял за угол и положил туда. Ходит детвора по пятам, просит:

— Дядя Ваня, отдай картузы.

— Будете еще драться?

— Не будем. Отдай картузы.

Подошел, поднял угол амбара, ребяташки взяли свои картузы.

За власть народную

Мне рассказывала моя бабушка. Случилось это в 1919 году. В тот год богачи объединились в банду, нападали на села, убивали коммунистов. Им не нравились новые порядки.

Начали они с Поводимова, прошли через Енгалычево, потом с вилами да дубинами наведались в Черную Промзу. Здесь они расквартировались. Бандиты ходили по селу и били плетками каждого, кто попадался им на пути.

Через несколько дней направились они в Паракино, оттуда — в Шугурово и собирались в Тазино. Но не успели сделать этого. С шугуровской церкви по ним ударил пулемет: стреляли коммунисты из Черной Промзы. На помощь подоспели красноармейцы из Пензы. Потом приехали красноармейцы и в Черную Промзу, ловили богатеев, которые против новой власти.

В то время мой дедушка был еще мальчишкой. Потом он рассказывал, что красноармейцы брали его показывать дорогу до Симкина. Ехали на лошадях. По дороге спросили его: есть ли отец. Дедушка отвечал, что отца нет и живут они четыре брата только с матерью. Тогда один из красноармейцев дал дедушке шаль, чтобы он передал своей матери.

Называли в ту пору похождения банды «чапанной войной», потому что одеты были бандиты в чапаны — шерстяную одежду с высоким воротом.

Награда

В 1923 году в Теньгушеве проходили мы допризывную подготовку. Мы — это парни 1903 и 1904 годов рождения. Время тогда было бедное,

трудное и жестокое. Еще господствовали кулаки, еще наводили страх бандиты. Вот тогда и учились парни из Стандрова, Мельсетьева и других сел. В допризывную подготовку входили также политзанятия. Вопросы мне не казались трудными, отвечал я неплохо. И вообще я не был в числе отстающих, допризывная подготовка давалась мне хорошо. Обучали нас нести и караульную службу.

Однажды подошла моя очередь идти на пост. Получил винтовку и стал часовым. Капитан, командир роты, напутствует:

— Часовой, если кто приблизится к складу, спрашивай пропуск.

Пароль — затвор, пропуск — винтовка.

— Есть, товарищ командир!

Как учили меня, так и делаю. К счастью моему или к несчастью, ночью кто-то появляется передо мной. Метров за десять останавливаю:

— Стой! Кто идет?

— Я.

— Пароль?

— Затвор.

— Пропуск?

— Винтовка.

Командир. Решил проверить пост. Докладываю ему, что на посту все в порядке, никаких происшествий нет.

— Молодец!

И ушел. А я снова остался на посту. И простоял аж до следующего вечера, никто меня не сменил. Хоть и без сна, но выдержал. Надо, коль дело военное. Армия.

В сумерках меня сняли с поста. Стал я в строй. Команда раздалась:

— Рота, смирно! Бушев, два шага вперед!

Я вышел на два шага из строя.

— Кругом!

Встал лицом к строю. Около командира появился человек, в руках держит каравай подового хлеба. И командир говорит:

— За хорошее несение службы объявляю Бушеву благодарность и награждаю караваем.

И вручил мне каравай хлеба. Вот какую награду я получил тогда! Где он достал этот хлеб — я не знаю. Взял я тогда этот каравай, разделил со своими товарищами.

Учитель

Вошел в наш класс молодой парень. В домотканой рубахе, в домотканых штанах, в новых лаптях, оборы⁷¹ и онучи⁷² снежной белизны. Вошел и сказал:

— Здравствуйте, дети! Меня зовут Евдоким Филиппович, фамилия — Сурков. Я научу вас читать, писать, считать.

Букваря у нас не было, а в классе училось шестьдесят человек. Очень нам понравился наш учитель. Пришла я домой, стала у матери просить:

— Дай мне новые лапти, новые онучи, такие, как у нашего учителя!

Отца в то время не было дома, уходил на заработки: работал грузчиком в разных волжских городах.

Мать моя ушла куда-то и вскоре принесла мне новые лапти, новые онучи и новые оборы.

На следующий день и я была одета, как наш учитель. Подошла я к нему и говорю:

— Евдоким Филиппович, и я теперь так же обута.

— Ой, какие красивые лапти! — похвалил учитель. — Только вот имя твое я позабыл.

Сказала я ему, как меня зовут, и больше никогда учитель уже не забывал моего имени. И сейчас люблю я своего первого учителя. Он еще жив, давным-давно на пенсии. Встречаемся.

* * *

Он не учил детей, он учил будущих учителей. Его именем назвали улицу в маленьком городке Лукоянове. А на одном из зданий Лукояновского педучилища повесили мемориальную доску: «Здесь работал видный педагог Александр Александрович Куманев».

Он начинал свою работу в маленькой сельской школе с ликвидации неграмотности. Когда началась Великая Отечественная война, Александр Александрович ушел на фронт добровольцем, стал политруком, вернулся с войны с орденом, медалями и тремя ранениями. Но и после войны, с металлом в теле, Куманев продолжает учить будущих учителей для таких же маленьких школ, с какой начинал сам.

Куманев был добрым, отзывчивым, равнодушным к чужой беде, но и в то же время сильным человеком. Соседка по дому рассказывала, как в самое трудное время Александр Александрович пришел на помощь. Зимними вечерами он выводил ее на прогулки и объяснял звездное небо.

— Не знаю, за что мне такое счастье выпало, жить с ним рядом... Недавно взяла у дочки карту звездного неба, отметила на ней созвездие Ориона и написала: «Созвездие Куманева», — так призналась она корреспонденту «Комсомольской правды».

У Александра Александровича было «металлическое» горло — наследство войны. Он говорил с большим трудом, почти шепотом. Как-то в газете он прочел, что можно избавиться от металла в теле. Поехал в Москву. В Москве он перенес пять наисложнейших операций и все пять впустую.

Был весенний мартовский день. Куманев медленно поднялся по лестнице, снял холодную телефонную трубку и успел сказать только три слова: «Кажется, я умираю». Их услышала только телефонистка.

После похорон отца сыновья стали разбирать его архив и узнали то, чего до сих пор никто не знал. Среди многочисленных писем, записных книжек, дневниковых заметок обнаружили педагогические статьи. Эти статьи как бы составляли вместе неоконченную книгу.

Советский народ по заслугам оценил работу Куманева. Ему было присвоено звание «Заслуженный учитель школы РСФСР». Куманев навсегда останется в памяти своих учеников.

Ксения Семеновна Петрова

С Ксенией Семеновной мне не пришлось вместе работать, но быть ее ученицей довелось. А когда я стала работать, то мы ходили к ней домой, встречались в клубе.

Ксения Семеновна с мужем приехала в Старые Сосны из Саранска летом 1936 года. Впервые я ее встретила, когда мне было шестнадцать лет. Была она в шелковом платье, шляпке, туфлях. Ходила быстро. С виду была уже немолодой: круглолица, сероглаза, волосы черные. Заговорила по-мордовски. Всем это понравилось:

— Смотрите, какая женщина, ученая да городская, а говорит со всеми по-мордовски!

Купили они дом. Жила с ними и помогала по хозяйству Шамкина Пелагея. Да и не только по хозяйству помогала, она знала мордовский фольклор: песни, причитания, сказки, плачи и много разного другого.

В 1937 — 1938 годах Ксения Семеновна учила нас эрзянскому языку. Учила хорошо, объясняла понятно и была очень требовательной. Проста была в обращении и любила сама, чтобы с ней вели себя просто и прямо. Хотела, чтобы знания наши были прочными, много внимания уделяла поэзии. Очень уж ей хотелось, чтобы кто-нибудь из ее учеников занялся всерьез поэзией. Часто, по ее заданию, мы писали сочинения и небольшие стишки, собирали песни, сказки, загадки. Много читала она нам и своих стихов, загадок.

Был у нее особый талант на стихи. И были у Ксении Семеновны одаренные ученики. Один из них — Гордеев Иван Семенович. Впоследствии учительствовал он в этой же школе, публиковал свои стихи в районной газете.

Очень жаль, что недолго пришлось Ксении Семеновне работать у нас. Весной 1938 года она из-за болезни перестала работать в школе. Но и после этого не перестала писать стихи. Все время была с народом, много беседовала с людьми, а потом читала им написанное.

В 1940 году мы, ее ученики, и колхозная молодежь стали готовить ее пьесу «По старинке». Она с радостью помогала нам на репетициях. И зрители остались очень довольны постановкой пьесы нашей учительницы.

* * *

Ксению Семеновну помню с детства. Очень уж она любила детей. Встречала их всегда с радостью, с душой. Усаживала рядом с собой, пела им песни, давала гостинцы.

Была она женщиной веселой, жизнерадостной. На вид можно дать лет сорок, черноволосая, невысокого роста, подвижная. Сочиняла Ксения Семеновна стихи, песни: о людях проходящих, о птицах пролетающих, о березках зеленеющих, о цветах благоухающих.

— Тетя Ксения, как ты слагаешь свои песни?

Она отвечала:

— Я и про тебя песню сложу.

Своих детей у Ксении Семеновны с Григорием Николаевичем не было. Когда началась война, муж ушел на фронт. В 1942 году, летом, получила Ксения Семеновна известие о гибели мужа.

Эта черная весть совсем подкосила здоровье Ксении Семеновны. Как ни боролась Ксения Семеновна с болезнью, одолеть ее не смогла: в пору цветения гречихи, тяжелобольную, ее отвезли в больницу. Врачи делали все, чтобы спасти жизнь, но помочь ничем так и не смогли.

После ее смерти осталось много рукописей, которые не успела она отослать в Саранск. Тетка Марфа и некоторые другие жители села взяли рукописи на хранение.

Прошли тяжелые годы войны. Да и после войны немало времени прошло. Сейчас уже никого не осталось в живых, кто бы мог знать о судьбе ее рукописей.

Братство фронтовое

Николай Николаевич Дубровин — участник боев на Малой земле. В бою Дубровин вел себя героически: в неравной схватке уничтожал фашистских солдат и офицеров. Но его танк подбили. Николай горел в танке, но продолжал сражаться. Раненого и обгоревшего, его вместе с товарищами переправили на «большую землю». Лежал в госпитале.

Прошли годы. И вот... Чеботарев, бывший механик колхоза «Черноморец», гулял у подножия Колдун-горы. Шел не торопясь. И вдруг в густой траве что-то задел ногой. Нагнулся и увидел солдатскую флягу. Поднял ее, дома очистил от грязи, вымыл и на одной стороне заметил надпись, видно, сделанную ножом: «Дубровин Николай Николаевич, 1923 года рождения. Мордовская АССР, пос. Ромоданово».

Мария Егоровна Дубровина нежно взяла солдатскую флягу в руки и тихо произнесла:

— Сыночек! Водичку из нее пил...

И поведала нам:

— Когда прибыл Коля из госпиталя, у него не совсем еще зажили раны. Бывало, покажет мне обгоревшие руки и ноги и скажет: «Мама, посмотри, какие у меня руки». Но я успокаивала его, говорила: «Ты у меня сильный, выстоял, не струсил в таких боях, а теперь тем более у тебя все заживет». И я его выходила. Поправился он. Потом немного работал. Но недолго пришлось ему жить и работать.

* * *

Их было пятеро мужчин в семье, если считать за мужчину самого младшего, семилетнего Володю. Сегодня в живых только один — самый младший, Владимир Григорьевич. Пятеро мужчин — это отец Григорий

Егорович и четыре сына, четыре брата: Егор — 1916 года рождения, Иван — 1921 года, Николай — 1924 года и Владимир — 1934 года.

Каждый из пятерых в свое время с оружием в руках защищал от врагов свою Родину, носил солдатскую шинель. Трое похоронены в военной форме. Судьба одного неизвестна до сих пор. Один, Владимир Григорьевич, живет в родном селе Стрельникове.

Первым ушел в армию старший сын Егор. В 1937 его призвали на действительную службу. В 1940 году демобилизовался и вернулся домой. Служить в Красную армию ушел второй брат — Иван.

В июне 1941 года наши границы перешагнула смерть. Она повисла над дорогами, стучала в окна квартир, пряталась в сумках почтальонов — началась война. Первым, если не считать уже воевавшего Ивана, из семьи Акиняевых ушел добровольцем на фронт Николай. Ему было 17 лет. С фронта в 1941 году от него пришли три письма, писал о себе мало. В четвертом письме было две строчки о Николае. Писарь военной части сообщал, что Николай Акиняев пропал без вести. В январе 1942 года ушел воевать Егор, а в конце этого же года призвали Григория Егоровича, отца братьев Акиняевых.

Летом 1944 года вернулся домой Григорий Егорович, но прожил недолго — умер от фронтовых ран. Хоронить этого доброго, справедливого человека пришли все оставшиеся в то время на селе люди. Так ушел из жизни второй мужчина из семьи Акиняевых.

А письма теперь приходили только от Егора. Сначала из-под Москвы — от сержанта Акиняева, потом с Волги — от курсанта Акиняева, а еще позднее, в 1944 — 1945 годах с фронта — от офицера Акиняева. Уже после окончания войны, в июне 1945 года, в селе Стрельникове Атюрьевского района узнали, что Егору Указом Президиума Верховного Совета СССР присвоено звание Героя Советского Союза. Вот как это было.

В конце апреля 1945 года, во время решающих боев за Берлин, рота Акиняева находилась в головной части походной заставы. Егор был ранен, но машины своей не покидал, руководил каждой атакой до победного конца. В предместьях Берлина рота Акиняева уничтожила около 1000 немецких солдат и офицеров.

Весть о присвоении звания Героя Советского Союза пришла в дом Акиняевых на два дня раньше, чем вернулся в родное село герой Егор Акиняев. Еще два года он прослужил в Советской армии, учил молодежь военному делу, передавая свой опыт.

Третий сын, старшина Иван Акиняев, в июне 1941 года был тяжело ранен. Обессиленного, его взяли в плен. Незнакомая женщина, военнопленная Анна Бессмертная, писала позднее родным об Иване, об их жизни в лагере.

В 1944 году Иван, Бессмертная и еще несколько военнопленных бежали из лагеря. Им удалось перебраться в северные области Чехословакии, жители которой помогли советским людям. Там они напали на след партизанского отряда «Константин», действовавшего в этом районе, и вступили в него. Это был один из самых больших партизанских отрядов на территории Чехословакии (около четырех тысяч человек). Командовал отрядом советский гражданин Константин Иванович Щуковский. К приходу советских войск этот отряд освободил и контролировал более сорока городов, деревень и сел Чехословакии. Вот в этот отряд и попали Иван Акиняев и Анна Бессмертная.

7 мая 1945 года командование отряда приняло решение очистить от фашистов город Ганвальд. Наступление началось в 6 часов вечера. Завязался упорный бой. Под покровом ночи и при поддержке местного населения город был взят. Иван все время находился в передовой части атакующих, выносил раненых, оказывал им первую помощь. И не уберег себя. Пулеметная очередь скосила его, когда он, погрузив раненых в машину, собирался отправиться с

ними на партизанскую базу. Так до конца выполнил свой воинский интернациональный долг Иван Григорьевич Акиньев.

Его похоронили на освобожденной чешской земле в городе Плавы.

В 1959 году на сорок третьем году жизни умер Герой Советского Союза Егор Акиньев. Остался один, самый младший — Владимир. Он тоже был в армии, но уже после войны, в 1954 году. В 1957 году вернулся в Стрельниково и по сей день работает учителем в Стрельниковской средней школе.

Их было пятеро мужчин в семье. Остался один.

* * *

Война не прошла мимо нашего села. Каждый день уходили на фронт несколько человек. Постучалась война и в окна бабы Акулины. Первым ушел муж. Остались с ней три сына: Митя, Коля и Ваня. Но баба Акулина понимала — недолго пробудут они в родном доме.

Вскоре за отцом ушел на фронт и старший сын — Митя, затем настал черед Коли. А младший — Ваня — ушел добровольцем. Осталась баба Акулина одна. И женские и мужские дела не миновали ее рук.

Друг за другом стали приходиться в ее дом черные вести. Начиная с мужа и кончая младшеньким — все пали в боях с фашистами. Неизмеримо было горе бабы Акулины, но не только в ее дом пришли эти страшные известия.

Каждый год в День Победы старушка в черном платке подолгу стоит перед памятником и, роняя слезы, смотрит на солдата с автоматом в руках.

Пионеры не забывают бабу Акулину, помогают ей: принесут воды, напилят дров. И каждый знает, что эта мордовская женщина вырастила троих сильных сыновей, которые боролись с врагом за то, чтобы все люди жили под чистым, голубым небом.

Лирические песни

Любовь к песне и пению — одна из отличительных черт души и характера мордовского народа. Об этом писали многие русские и иностранные путешественники и ученые. Действительно, труд, отдых и развлечения мордвина насыщены звуками песенных мелодий. Мордовские деревни, расположенные в большинстве своем в лесах, около рек и озер, жили, звеня песнями. По свидетельствам очевидцев, в тихую летнюю ночь уже верст за семь можно было услышать пение. Необрядовые лирические песни занимали и занимают в мордовском фольклоре особое место.

Основное внимание в лирике уделено судьбе и доле женщины, ее горю, радостям и надеждам. Эти темы придают поэзии мордвы искренность, женскую теплоту, непосредственность, тонкость в выражении чувств, в проявлении различных эмоций.

Лирика отличается от эпоса рядом признаков. Здесь все глубоко эмоционально: в центре произведения стоят герои со своими переживаниями и волнениями. Действие в эпических произведениях происходит в основном далеко от дома: за семью лесами и полями, в небе, под землей и под водой. В лирических действие протекает на земле. В эпосе — сказочность, большая мифологизация событий. В нем действуют божественные, враждебные и сверхъестественные силы природы. В лирических произведениях конфликт разрешается в основном дома, на улице, около бани, реки, в близлежащем лесу и на лугу. Эпические герои пассивны, беззащитны, их судьба предрешена. Лирические герои более активны и свою судьбу решают сами: они борются, протестуют. В этих песнях важно не событие само по себе, а отношение человека к нему, его переживания, волнения и эмоции.

Песни у мордвы бытовали на языческих праздниках, при проведении обрядов. Очень широко исполнялись во время различных церемоний, на свадьбах. Песни сопровождали разнообразные события личной жизни, начиная от рождения и до смерти. Песня использовалась мордвою и в чисто

развлекательных целях: пелась в семье, в рождественских домах, на различных молодежных вечеринках, народных сельских игрищах. Основная форма исполнения лирических произведений — коллективное, хоровое пение.

Мордовские лирические песни делятся на следующие группы: песни о природе и труде, о молодежи и любви, семейной жизни, о бурлаках, о рекрутчине и солдатчине, о разбойниках, переселенцах, отходничестве и песни социального протеста.

В мордовском песенном репертуаре пейзаж, образы родной природы играют большую роль и используются очень широко. Пейзаж в песнях служит не только фоном, на котором развивается событие, но и является активным действующим лицом в раскрытии сюжета. Картины природы связаны с жизнью героев, с их волнениями и тревогами. Через них передается страстная любовь к земле, к ее дремучим лесам, зеленым лугам и полям, полноводным рекам, птицам, зверям. У мордвы очень много песен, посвященных специально воспеванию природы: имеются целые циклы произведений об отдельных зверях, птицах, животных, деревьях, растениях, родниках, лесных опушках и полянах. Популярны песни о конях, зайцах, ежах, лебедях, дятлах, соловьях, утках, змеях и т. д.

Мордовские песни о любви и молодежи отличаются тем, что в них нет мотивов открытых и обнаженных любовных отношений. Редко встретишь громогласное объяснение в любви: чувства и мысли чисты, целомудренны, сдержанно сокровенны и искренни. В этом проявляется тактичность любовных отношений. Чувство мордовских парней и девушек друг к другу редко выплескивается наружу. Во многих песнях девушки, стремясь встретиться с парнем, мечтают превратиться в хлебные злаки, траву, деревья, птиц. В мордовском фольклоре семейные песни составляют самый большой пласт. Их трудно разграничить с песнями о любви и отношениях молодежи. Девушка еще в молодости начинает мечтать о замужестве, о счастливой

семье. Выйдя замуж, она думает уже об отношениях с мужем. Здесь начинают звучать грусть и тоска, они заунывны. Основной мотив семейных песен — жалоба на горькую жизнь женщины, тоска ее по родному дому, родителям, жалоба на мужа-малолетку, на родню. Во многих песнях о семье подробно перечисляются работы, которые выполняет молодая женщина в семье мужа. Главным героем в этих песнях является женщина, редко — мужчина.

Бурлацких песен, сочиненных самими бурлаками, у мордвы нет. В лирике зафиксированы лишь произведения о бурлаках, созданные в основном крестьянками. Зародились они, вероятно, вместе с бурлачеством в конце XVI — начале XVII века. Песен о бурлаках зафиксировано немного. В них слово «бурлак» только упоминается, но они в сущности посвящены не бурлакам, а примыкают к песням о молодежи и любви. И их следует считать одной из разновидностей этих произведений.

Мордовские песни о рекрутчине и солдатчине возникли, как и русские, со времени зарождения рекрутчины в XVIII — XX веках. Основные темы песен концентрируются вокруг горького прощания рекрута с вольной волей, с родным селом, улицей, домом, родителями, невестой. Герои этих песен не проявляют героизма и храбрости, здесь нет батальных сцен. Песни лишь отражают настроения солдат, их думы и страдания. Мир солдата связан с семьей и за рамки семейно-родственных отношений содержание не выходит.

В лирике мордвы нет и песен разбойничьих, а есть только песни о разбойниках. Образ разбойника, народного мстителя не получил развития. Презирается и осуждается разбойник не потому, что у мордвы не было разбойничества, а потому, что в роли разбойников-грабителей выступают алчные, жадные, богатые люди.

С песнями о тяжелой доле женщины в семье мужа имеют много общего и песни об отходничестве и переселении, изображающие массовое бегство на далекую чужбину в поисках работы или земли обетованной. Прямых намеков

на причину бегства нет. Крестьянин уходит по разным причинам: жена плоха, земля стала плохо родить, найти отцовскую землю и т. д. Порой образ далекой страны идеализирован, и путь многих переселенцев в далекие земли заканчивался печально — они гибли.

В настоящее время народная лирика состоит из старых песен и новых, возникших на основе старых.

Дерево, дерево — яблонька

Дерево, дерево — яблонька,
Яблонька, яблонька — плодовое дерево.
По всей земле разрослись ее корни,
По всему небу раскинулись ее ветви.
На концах ее веток листья.
С листьев-то капает мед,
На листьях воск оседает.
Как в ладоши, бьют ее листья,
Будто играют ее ветви.

Дерево хорошее яблоня

Дерево хорошее яблоня,
Дерево пригожее, плодовое.
Где родилась яблоня?
Где выросло плодовое дерево?
У большой дороги оно родилось,
У Казанской дороги оно выросло,
Горько плачет яблоня,
Слезно грустит плодовое дерево.
Кто видел, что плачет яблоня?
Кто заметил, что она грустит?
Дерево ильм ее увидело,
Дерево ильм ее заметило.

— Почему плачешь, яблоня?
Почему печалишься, плодовое дерево?
— Потому я плачу, дерево ильм,
Потому печалюсь, дерево ильм:
Осями поранили мои корни,
Дугами побили мои ветви.
С ладонь, с ладонь мои листья,
С солоницу величиной мои яблоки.

Где кукушка куковала

Где кукушка куковала?
Где пташка щебетала?
В дальнем лесу, в рощице,
Ой, да на первом дереве рощицы,
На первой ветке того дерева,
Да в Соболевском бору,
Да на вершине сосны сидит,
На ветке, уцепившись, держится.
Ой, серая, с крапинками она с виду,
В красные сапоги она обута,
Ой, да в красные сапоги обута.
Словно шелковая кисть ее хохолок,
Словно позолочен ее клюв.
На восток обернувшись, кукует —
Словно о богатом урожае,
На юг обернувшись, кукует —
О рождении парней слышно,
На запад обернувшись, кукует —
Об исчезновении девушек слышно.

Жар-птица

Птица хорошая — жар-птица,
Птица прекрасная — жар-птица.
Она думает-решает гнездо собрать,
Она думает-решает жильё устроить.
— Где соберу я себе гнездо?
Где устрою себе жильё?
Собрала бы я во дворе богатого,
Во дворе богача, под навесом, —
Гнездо мое он разорит — год потеряю.
Сделала бы я во дворе бедняка —
У бедняка нет поставленных стропил,
У бедняка нет покрытых сараев.
Ветер подует — гнездо разрушит,
Гнездо разрушит — год потеряю.
Сделала бы я себе гнездо на загоне богатого,
У межи загона, в полынной траве, —
Там я опасаюсь пашущих мужиков,
Пашущих мужиков, запыленных мужчин.
Устроила бы я гнездо на зеленом лугу,
На зеленом лугу, на большом кочкарнике, —
Там я опасаюсь косящих мужиков,
Косящих мужиков, одетых в белые рубашки.
Гнездо мое они разорят — год пропадет.

Дубняк

Ой, дубняк, дубняк,
Дубовый лесок.
Какое дерево
В дубняк замешалось?

Меж дубами растет тонкая липа.
Ой, есть в дубняке старая липа,
Эх, старая липа,
Трухлявая липа,
Трухлявая в сердцевине,
Дуплистая внутри.
Ой, какой зверь в ней водится?
Эх, в нем водится,
Ой, да хорошая красивая куница.
Ой, словно иголки,
Шерстинки ее.
Ой, блестят, переливаются
Кончики шерстинок.
Ой, крапинки, крапинки
Виднеются на ней,
Ой, да еще больше крапинок на хвосте ее.
Ой, поднимается, спускается
По стволу липы,
Ой, снует, резвится
Вдоль той липы.
Ой да, то нырнет, то высунется
Из дупла липы.
Ой, думает, решает гнездо собирать,
Ой, да гнездо собирать,
Жилье устраивать;
Ой, думает, решает
Детенышей нарожать,
Ой, да думает, решает
Потомство заводить.

Ой, народила детей своих,
Ой, завела потомство свое.
На зеленый луг она их вывела,
Ой, по всему лугу
Она их пустила.

Ой, луг, луг

Ой, луг, луг,
Зелененький луг,
Ой, луг, луг,
Красивенький луг.
Ой, кто луг озеленил?
Ой, кто луг разукрасил?
Ой, осока-трава его озеленила.
Цветы-бубенчики его разукрасили.
Ой, до колен его пырей,
Ой, до пояса его тростник.
Ой, до плеч толстый тростник.
Некому было
По лугу бродить,
Некому было
По лугу след класть.
Ой, карий конь
С ногами, словно в чулках,
Ой, карий конь
Со звездой на лбу.
Словно вода, зыбится
У Карего спина,
Словно сноп из зеленой ржи,
У Карего хвост,

Ой, словно шелк блестит,
У Карего грива.

Матрена

Удалась девушка Матрена от рождения,
Удалась дочка Матрена и ростом своим.
Ой, когда была Матрена маленькой,
Ой, когда была Матрена девочкой,
Она нитки пряла толщиной с утиные кишки,
Полверетена спрядет — величиною с пеструю кошку,
Моток спрядет — с пеструю собаку.
Ой, Матрена холст ткет — величиной с полог.
Ой, словно полог у Матрены холст,
Ой, словно изношенные лапти узоры Матрены.
Ой, как подросла Матрена — стала девушкой,
Ой, когда стала Матрена взрослой,
Нитку прядет Матрена — словно волос,
Полверетена спрядет — толщиной с тростник.
Моток спрядет — толщиной с кнут.
Ой, холст ткет Матрена — словно бумага.
Ой, словно бумага, у Матрены холст.
Словно росписи на бумаге, у Матрены узоры.
Не носила платье Матрена — оно запылилось,
Не носила платье Матрена — оно загрязнилось.
Ой, где, где Матрена стирала!
Ой, где, где Матрена полоскала?
В скорлупе ореховой Матрена воды нагрела,
Ой, в скорлупе желудя Матрена стирала.
Ой, у реки Матрена полоскала.
Полощет Матрена, а сама плачет,

Стоит у реки, а сама горюет.
Ой, кто приметил ее, услышал?
Волжская белая рыба ее приметила,
Волжская дорогая рыба ее услышала.
— Ты почему плачешь, старая девушка?
Отчего ты горюешь, Матрена?
— Потому я плачу, волжская белая рыба,
— Потому я горюю, волжская белая рыба,
Ой, рыба хороша — некому ее ловить,
Девушка пригожая — некому замуж взять.

Мы поедem брать Анюшу

Мы поедem, мы поедem
Брать Анюшу
По саду, по саду, по дорожкам,
По высокому мосту.
Желтые, белые, что цветы мака,
У Анюши платья,
Разрисованы, что письма на бумаге,
У Анюши вышивки,
Словно лепестки мака, цветы мака,
Ленты у Анюши.
Парень русский, кудрявый парень
Ходит за Анюшей.
Поругала да скрыла
Анюшу мать:
Не умеет жать.

Дядя Самсон

— Дядя Самсон, куда ходил?
Дядя Самсон, куда ходил? Эх!

Дорогой наш дядя Самсон, куда ходил?
— Вчера ходил я в Найманы.
— Дорогие, вчера ходил я в Найманы
Кондратьеву Авдотью сватать,
Дорогие, Кондратьеву Авдотью сватать.
— Кондратьева Авдотья что сказала?
Дорогой наш, Кондратьева Авдотья что сказала?
— Сватал, сватал — не смог сосватать,
Сказала: замуж не пойду.
— Почему ты, Авдотья, не выходишь замуж?
Дорогая, почему ты, Авдотья, не выходишь?
— Шить рубашки не могу,
Дорогой, шить рубашки не могу.
Кроить портки я не умею,
Дорогой, кроить штаны не умею.
Как же буду жить (в замужестве)?
Дорогой мой, как же буду жить?
— И готовеньких-то много,
Дорогая, и готовеньких-то много.
Много у меня одежды,
Дорогая, много у меня белья.
Все уже выкроено, сшито,
Дорогая, все уже выкроено, сшито!
Три сундука моих полны.
Что пожелаешь, то бери.
Кондратьева Авдотья вышла за него,
Дорогие, Кондратьева вышла за него.
Когда пришла в дом жениха,
Дорогие, как пришла в дом жениха,

Начала сундуки искать,
Дорогие, стала сундуки искать.
Нашла один развалившийся сундук,
Дорогие, нашла развалившийся сундук.
На дне его лишь пара лаптей,
Дорогие, на дне его лишь пара лаптей,
И те из белого лыка,
Дорогие, и те из белого лыка.
Всплеснула Авдотья руками,
Дорогие, всплеснула Авдотья руками,
Заломила десять пальцев,
Дорогие, заломила десять пальцев.

Пойдемте, друзья, в ржаное поле

— Пойдемте, друзья, в ржаное поле,
Пойдемте, друзья, в ржаное поле,
Ржаное поле, ржаное поле.
По лугам — в ржаное поле.
— В ржаном поле что будете делать?
— Богородскую траву собирать.
Собирать, собирать,
Богородскую траву собирать.
— Богородская трава — она зачем?
— Брагу варить надобно.
Надобно, надобно,
Брагу варить надобно.
— Брага-то — она нам зачем?
Брага-то — она нам зачем?
Она нам зачем, она нам зачем?
Брага нам зачем?

— Дядю Ваню чтоб поженить.

Поженить, поженить,

Дядю Ваню чтоб поженить.

Зачем родила ты меня, ох, матушка, девушкой?

Зачем родила ты меня, ох, матушка, девушкой?

Зачем родила ты меня, ох, матушка, красавицей?

Лучше бы родилась я, ох, матушка, в глуши большого леса,

Лучше бы родиться мне, ох, матушка, большой березой.

По лесу бродящий охотник меня нашел бы,

Острым топором, новым топором меня срубил бы,

Вниз, на землю, меня повалил бы.

На плахи меня, ох, матушка, разрубил бы,

На хорошие, на прекрасные дровни положил бы,

На лошадей, что со звездочкой на лбу, положил бы,

По большой дороге, по большой деревне меня повезли бы.

Вокруг двора, по всему двору меня прокатил бы,

Около дома, близ крыльца меня положил бы,

На плахи, ох, матушка, меня разрубил бы,

На доски, ох, матушка, меня расколол бы,

В истопленную печку, горячую печку меня бросил бы,

В той печке он меня просушил бы,

Хорошую скрипку, прекрасную скрипку сделал бы он из меня,

В дом гуляющих, в дом пирующих он взял бы меня,

Молодух, молодых девушек увлек бы танцевать,

Молодух, солдаток я бы растрогала,

Неумных парней я заставила бы драться,

Старых-престарых старушек развеселила бы.

Иванова Марюша

Ой, у Ивановой Марюши

Несчастливая судьба,
Несчастливая судьба-судьбинушка:
Батюшка пропил ее,
Кормилец выдал ее
Не совсем далеко,
Не совсем близко —
По ту сторону семи селений,
По ту сторону семи полей.
Не за русского парня
И не за мокшанского —
Выдали за богатого,
За эрзянского парня.
Живет Машенька
Со своим мужем несогласно,
Не в согласии.
За одним столом они
Вместе не едят,
Из одного ковшика
Они не пьют,
И на одну кровать
Вместе не ложатся,
Одним одеялом
Они не покрываются.
Машенька плачет,
Горько слезы льет,
Ударяет несчастная
В обе рученьки.
Пеняет Машенька
Родному батюшке:

— Зачем пропил меня,
Зачем выдал меня
По ту сторону семи селений,
Дальше семи полей?
Если были бы
У меня крылышки,
Полетела бы в родной край.
Появились тогда
У Маши крылышки,
И полетела Машенька
В родимый край.
Кукушка кукует
На крыше отцовского дома:
— Ку-ку, батюшка,
Ку-ку, кормилец мой!..
Не догадался он,
Не встревожился:
Пусть сама себе
Накличет горе.
Кукушка кукует
Над головой матери:
— Ку-ку, матушка!..
Теперь они догадались,
Теперь встревожились,
Узнав доченьку,
Горько заплакали.

Вчера взятая невестка

Вчера взятая невестка,
На днях выданная девушка.

Уж не высокая она, не полная —
Она обыкновенная девушка,
С тонкими чертами лица, красивая.
В покая⁷³ она разодетая,
Покрыто лицо ее фатою.
У печки ее постель.
Над кроватью ее перекладина,
К перекладине привинчено медное кольцо,
К кольцу привязана зыбка.
В той зыбке — ее малютка-муж.
Сюда повернется — качнет зыбку,
Туда повернется — качнет зыбку.
— Баю-баю, муженек мой,
Баю-баю, супруг мой!
В сторону ног качну тебя —
Силу ног тебе придам,
Вправо качну тебя —
Чтоб ты телом полнел,
В сторону головы качну тебя —
Чтоб ты ума-разума набрался.
Баю-баю, муженек мой!

Не пойду за бурлака

Вай, на горе березка,
Вай, под березкой девушка.
Белый платок у девушки в руках,
Рукоделье у нее на коленях.
Красивый крючок в рукоделье воткнут,
Игла для вышивания в руках.
Два раза иголкой кольнет,

Раз вокруг себя посмотрит.
Около нее ходит парень,
Вокруг нее крутится молодец.
— Ты, прохожий, что крутишься,
Ты, молодец, что ходишь вокруг меня?
— Думаю тебя в жены взять,
Собираюсь в супруги взять.
— Твоей женой я не буду,
В супруги к тебе не пойду.
Не люблю, не люблю я тебя,
Бурлак — эрзянский парень, не люблю тебя.
За сына бурлака замуж не пойду,
За бурлака не выйду,
Не пойду, не выйду за бурлака.
Выйду замуж за пахаря,
Буду хозяйкой скотовода,
Выйду замуж за пахаря,
За пахаря-сеятеля, за эрзянского парня.
Он по улице подбоченясь ходит,
Шапку набекрень носит.

Милешин Яшенька

Эх, богом проклятый молодой Милешин Яшенька,
Ох, посреди поля у Якова роща,
Ох, посреди поля у Якова роща.
В роще, вай, холодная родниковая вода,
В роще, вай, холодная родниковая вода,
В родник спущен крепкий дубовый сруб.
Сруб покрыт сухими сосновыми досками,
Сруб покрыт сухими сосновыми досками,

Доски, вай, прибиты дорогими гвоздями.
Эх, посреди рощи у Якова стройная березка,
Эх, посреди рощи у Якова стройная березка.
Березка, вай, белая, внутри трухлявая,
Березка качается, проклятый Яков страдает.
На верхушке трухлявой березки Якова весенняя кукушка.
Эх, кукушка, вай, кукует, богом проклятый Яков плачет,
Эх, кукушка, вай, кукует, богом проклятый Яков горюет.
Вай, горюет-плачет, некому его увидеть, услышать.
Увидел, услышал красивый Мишин Иван,
Увидел, услышал красивый Мишин Иван.
— Ох, Яков, братишка, почему горюешь, плачешь?
Вай, или у твоего отца нет хлеба поесть,
Вай, или у твоей матери высохло питье?
— Ох, у отца хлеб есть — в рот не идет,
Ох, у матери питье есть — в рот не идет,
Вай, у моего отца девять маленьких детей,
Вай, даст по одному ломтю — нет девяти ломтей,
Вай, даст по одной рубашке — нет девяти рубашек.
Вай, Иван, жалко, братишка, уж очень плохой сон я видел,
Будто очутился я посреди большой Москвы.
Вай, посреди Москвы у царских ворот,
Вай, перед воротами черные столы расставлены.
Вай, столы накрыты белыми скатертями,
Вай, на белые скатерти положены заплесневелые Евангелия,
Вай, перед царскими воротами попы, попы читают,
Вай, попы читают, о мокшанском солдате говорят,
Вай, один солдат, говорят, — молодой Мелешин Яков,
Вай, второй солдат, говорят, — красивый Мишин Иван.

Семь лет Устюшин муж на Раве⁷⁴

Вай, широкий гребень перед Устюшей,
Вай, шерсть на гребне Устюши.
Вай, прядет Устюша прялкой,
Вай, прядет, прядет, сама плачет.
— Вай, почему плачешь, пригожая Устюша,
Вай, почему печалишься, пригожая Устюша,
Вай, березовым соком текут твои слезы?
— Как мне не плакать, бабушка-соседушка,
Как не горевать, любимая тетушка!
Семь лет прошло, как мой муж на реке Рав,
На Рав ушел, деньги зарабатывать,
Семь лет не было от него весточки.
На моих руках осталось семь малых ребят,
Оставил на меня семь мальчиков,
Каждый день они спрашивают об отце,
По ночам во сне называют его имя.
Оставил муж на моих руках семь сирот,
Просящих пить-есть деток.
Вот почему плачу, бабушка, горюю,
В печали, с беспокойным сердцем живу.

Недавно сосватанная девушка

Недавно сосватанная девушка,
Вчера взятая невестка,
Сидит в печали,
Горе ее постигло,
Тоска ей душу гложет.
Завтра Пасха, весенний день,
Невестка шушпан⁷⁵ надела грязный,

Невестка рубашку надела черную.
Невестка дом истопила,
На доньшке ведра воды принесла,
На дне котла воды нагрела,
Шушпан свой выстирала,
Рубаху свою выполоскала.
Пол невестка подмела,
Домашние дела закончила.
Недавно сосватанная девушка,
Вчера взятая невестка,
В передник мусор собрала,
За ворота отнесла, бросила.
Смотрит: высоко летит стая журавлей,
Вожак журавлей впереди летит,
Старая журавлиха спешит за ним.
Вчера взятая невестка
Вожака журавлей спросила:
— Видел ли моего суженого?
Вожак журавлей ответил:
— Не видел, невестка, твоего мужа,
Не заметил, молодая жена, твоего суженого.
За мной летит стая воронов,
Вожак воронов летит впереди,
Старая ворониха летит за ним.
Ты их, невестка, спроси.
Молодушка вожака спросила:
— Предводитель воронов, вожак воронов,
Видел ли моего мужа?
Вожак воронов отвечал:

— Видели мы твоего мужа,
Встретили мы твоего суженого.
По одну сторону дороги лежит его голова,
По другую сторону — тело,
По дороге течет его кровь.
Ели мясо мы твоего мужа,
Пили кровь твоего суженого.
Недавно сосватанная девушка,
Вчера взятая невестка,
Всплеснула обеими руками,
Заломила свои десять пальцев,
Дождем льются ее слезы.

Частушки

Из всех жанров народно-песенного творчества в наше время наибольшее распространение получила частушка. Это любимый жанр преимущественно молодежи. Среди молодых людей наблюдается стремление накопить большой частушечный репертуар. Многие девушки заводят себе альбом, в который записывают припевки.

Частушка является живым и доступным средством выражения народных настроений, чувств и мыслей. Этот жанр представляет собой тип короткой, чаще четырехстрочной, лирической песни с общественно-политическим или бытовым содержанием.

Процесс формирования мордовских частушек протекал в XX веке очень быстро. Этому в значительной степени способствовало широкое распространение среди мордвы русских частушек. Русская частушка представляла собой наглядный образец нового песенного творчества. Попадая в мордовскую среду, она не могла оставаться без изменений. В ней одни поэтические традиции заменялись другими, соответствующими мордовской народной поэзии.

Как прямое следствие влияния русской частушки в мордовской среде можно выделить следующие виды частушек:

- 1) русские частушки, исполняемые мордвой;
- 2) частушки, переведенные на мордовский язык;
- 3) макаронические частушки, т. е. смешанные, например,

Мне мой милый изменил,
Монь алужом кадымим,
Стала плакать, аварьгадынь,
Испугалась, тандадынь;

- 4) собственно мордовские частушки.

Содержание мордовских частушек — многообразная человеческая жизнь, которая передается через переживания и чувства героев.

Среди частушечных персонажей следует выделить основной — образ лирического героя. Он присутствует в любой частушке. И каждая частушка его чем-то дополняет, а любая черта его характера подвергается проверке временем в среде народа. При этом одни частушки, потерявшие свою актуальность, забываются, другие же продолжают жить и волновать.

Идейно-тематический диапазон мордовских частушек широк: о Ленине, партии, Родине; о новой культурной жизни; о труде и подвигах; сатирические и шуточные; об исполнении частушек; любовные, бытовые и другие.

Композиция мордовских частушек характеризуется в основном теми же формами (монолог, диалог, приемы параллелизма), что и композиция русских частушек. Большую роль играет не только напев, но и интонация, заключающая в себе ключ к пониманию содержания частушек.

Следует отметить, что частушки как специфический жанр фольклора трудно поддаются переводу. Поэтому в поэтическом отношении оригиналы частушек, как правило, значительно выше их переводов.

Боевая, боевая,
Боевая, как огонь.
У меня есть думушка
Записаться в комсомол.

Преградим мы путь войне,
Миру быть повсюду!
Скоро наши полетят
Погостить к планете Марс.

Самолет летит высоко,
Так высоко — не видать.

Наша Родина могуча:
Никому не одолеть.

Ах, подруга моя Нина,
Слушай: радио поет,
Мне по радио любимый
Свой привет передает.

Хороши наши частушки,
Соловей заслушался.
Хороши наши ребята,
Еще лучше девушки.

Самолет летит высоко,
На полках много чайников.
В теризморгском колхозе
Много есть начальников.

Ой, машина, ой, вагон,
Ваня гонит самогон.
Гонит, гонит, выпивает,
Свою мать он обижает.

Самолет летит высоко,
А в кабине тыква.
Кто жену выгоняет?
— Питькарев Никита.

Что, мой милый, невеселый?
Или видел плохой сон?
Развеселю тебя сегодня,
Принесу я патефон.

У меня миленка нет,
Что же я поделаю?
Возьму пилу я с топором
И миленка сделаю.

Посмотрите, кто идет,
Что-то там белеется.
То ли милый, то ли нет,
Не могу надеяться.

У меня залеток двое,
Только зря их завела.
Удивляюсь я сама,
Как шалопаев я нашла.

Ох, залетка, ох, залетка,
Голова — колодка,
А была бы голова,
То не бросил бы меня.

Бейте, бейте в колокол,
Чтобы все узнали:
За свою невестку
Пустой кувшин отдали.

Блины пекут,
Маслом подмазывают.
А мне, несчастному,
Об этом не сказывают.

Через речку, через мостик
Босой проходила.
Не успела перейти,
Ногу намочила.

Ну-ка, Ваня, поиграй,
Играй поживее.
Нам плясать под музыку
Будет веселее.

Эх, давай-ка, Валя, спляшем,
Обе боевые.
Мы с тобою сестры,
Только не родные.

Шире круг, шире круг,
Народ, подальше отойди.
А кто хочет поплясать —
Пожалуйста, выходи.

Мои косы длинные,
Они земли касаются.

Как плясать пойду,
Народ расступается.

На горе растёт сосна,
До нее не близко.
За хорошую игру
Расцелую гармониста.

Ох, раз, что ли,
Дела идут в гору.
Дела поправляются,
Щечки наливаются.

Меня матушка послала
Корм корове наложить.
А я вышла на крылечко
И давай-ка дробы бить.

Ах, о чем я хлопочу?
Я в Алексово хочу.
Алексовские парни — важные,
Не полюбят каждую.

Подруженька, заметь:
Перестала я худеть.
Перестало мое сердце
По матанечке болеть.

Дом большой, дом большой,
В доме том голландка.
Меня миленький оставил,
Дружит с атаманкой.

Меня милый бросил,
Бросил, ну и ладно.
Хоть с хорошей бы ходил,
Не было б досадно.

Что, мой милый, веселишься?
Иль нашел себе жену?
Теперь ты меня не любишь,
С худой славушкой живу.

Ох, горько, тяжело
Дом родимый покидать.
Еще горше, тяжелей
Залеточку провожать.

Я уже не радуюсь
Сладкому печенью.
Я залетку проводила
В город на лечение.

Милый мне прислал письмо
В голубом конверте.
Прочла раз, прочла другой,
Надо звать его домой.

Детский фольклор

Термин «детский фольклор» ввели в фольклористику русские ученые в середине 20-х годов XX века, но к единому мнению долго не могли прийти. Современные фольклористы пришли к выводу, что к произведениям детского фольклора нужно относить как произведения, специально созданные взрослыми для детей, так и перешедшие к детям из репертуара взрослых и созданные самими детьми. А именно:

- 1) произведения, специально созданные для детей (колыбельные песни, потешки, пестушки, прибаутки, сказки);
- 2) произведения, перешедшие из репертуара взрослых в детский (загадки, скороговорки, игры, заклички, приговорки, коляды);
- 3) произведения, создаваемые самими детьми (дразнилки, поддевки, считалки).

Мордовский народ создал богатый детский фольклор. Жизнь ребенка неразрывно связана с народной поэзией. Родные песни звучат для него с колыбели. Уже в первый месяц жизни ему доступна простая мелодия, которая успокаивает, усыпляет малыша. Поэтические образы близки ребенку. В традиционных колыбельных песнях поется о птицах, о животных, о предметах домашнего обихода. Эти песенки в известной мере знакомят ребенка с внешностью и повадками птиц. Значительную группу составляют песни о будущем ребенка. Женщина выражала свою мечту увидеть сына сильным и ловким в любой работе, а дочь — умелой рукодельницей, хорошей хозяйкой.

Ухаживая за ребенком, взрослые сопровождают действие разными словами, оформленными как пестушки, потешки и прибаутки. Как и у всех народов мира, такие произведения известны и мордовскому устно-поэтическому творчеству.

Пестушками сопровождаются различные движения ребенка, начиная с самых простых. Пестушки помогают детям учиться потягиваться, сидеть, ходить. Словами сопровождается и обувание ребенка, одевание.

Игры и забавы по мере роста детей постепенно усложняются. Пестушки начинают уступать место потешкам, иногда они исполняются параллельно. Потешками взрослые развлекают ребенка. С потешек начинается и обучение детей счету. Мудрый народ-педагог уже на втором году жизни начинает учить малышей счету. Для этого используются различные игры с пальчиками детей. Кроме счета, из таких песенок ребенок усваивает некоторые наставления: что нужно делиться угощением с другими, не быть жадным, не обижать маленьких и пр. Простой незамысловатый текст сообщает ребенку первые понятия о труде.

Дети постепенно знакомятся с песенками более сложного содержания. Пестушки и потешки уступают место прибауткам. Это шуточные песенки, не связанные с игрой. Прибаутки выполняют и нравоучительную роль. В них всегда наказывается кошка, слизавшая сметану, или зайчик, забравшийся в огород. Дети постарше поют их сами.

В устной поэзии самих детей важное место занимают произведения, в своей основе восходящие к обрядовым произведениям. Это заклички, приговорки, колядки.

Заклички — стихотворные обращения к солнцу, дождю, ветру, временам года — восходят к древним магическим заклинаниям природы, но теперь это лишь детская забава, игра. Дети обычно скандируют или распевают заклички, повторяя их по несколько раз.

К древней обрядовой поэзии, вероятно, восходят и детские приговорки. Это небольшие песенки-обращения к различным птицам, насекомым. В приговорках сохранились следы древних магических заговоров и заклинаний. Многие приговорки содержат обращения к птицам: курице, гусям, чибису, ласточке, ястребу. Особенно разнообразны окрики ястреба,

выслеживающего наездку с цыплятами. В одних случаях ему обещают вместо желаемой добычи горячий камень в клюв, в других — пугают, что горит его гнездо с птенцами.

Самостоятельной детской обрядовой поэзии не существовало. Дети принимали участие в обрядах взрослых, где им отводилась определенная роль. Детские колядки по содержанию и форме близки к песням, исполняемым взрослыми.

Ребенок с колыбели играет. В процессе игры он учится мыслить, воспроизводит и осваивает многие действия взрослых. В игре постепенно формируются детская сноровка, сообразительность, ловкость, другие ценные и нужные качества. Многие игры наряду с чисто спортивными элементами содержат в себе интересный словесный материал. В одних текстах, произносимых перед началом игры, предлагаются условия ее ведения, в других — либо выбирается водящий, либо происходит деление участников на партии. Когда необходимо всем участникам разделиться на две подгруппы — используются жеребьевки. Но самой распространенной и любимой является считалка.

Дети старшего возраста любят состязаться в повторении труднопроизносимых фраз и стишков. Это скороговорка — веселая безобидная игра, во время которой дети часто ошибаются, путают звуки, искажают слова, чем вызывают смех товарищей. С помощью скороговорок не только развлекаются, но и «учатся говорить». Тексты скороговорок, как и многие прибаутки, дразнилки, считалки, трудно поддаются переводу на русский язык. При переводе почти всегда теряется смысл оригинала и вся прелесть скороговорки.

Своеобразны произведения несколько иной словесной игры — дразнилки и поддевки. Дразнилками являются звучные, остроумные стишки, используемые детьми для того, чтобы подразнить кого-либо из своих сверстников. Не будь в текстах рифмы, дети не стали бы их произносить.

Словесная и звуковая игра увлекает ребенка не меньше, чем заключенный в дразнилке юмор. Вышучиваются имена, внешность и черты характера.

Чтобы подшутить над товарищем, поддеть его, дети прибегают к поддевкам. Считающий себя смелым и опытным во всех детских проказах без всякого предупреждения подступает к своему стеснительному товарищу и предлагает что-нибудь повторить за ним. Все окружающие ждут последствий и, когда ответивший ставит себя в смешное положение, довольные удавшейся шуткой, хохочут. Обычная форма подделки — диалог.

Активно живет в детской среде загадка. В настоящее время она почти полностью перешла к детям. Если несколько десятилетий тому назад загадка у мордвы часто исполнялась среди взрослых, то сейчас это почти не наблюдается. Взрослые оставили загадку детям.

Сказка является одним из активных жанров детского фольклора. Для дошкольника и младшего школьника интересны и понятны сказки о животных и отдельные волшебные сказки. Взрослые нередко рассказывают детям докучные сказки. Это небольшие по объему произведения шутливо-сказочного характера.

Мордовский детский фольклор во всем многообразии жанров умело сочетает художественное и педагогическое начала. Идеалом народа во все времена было стремление к социальной справедливости, мечта о победе добра над злом. В разных жанрах рассыпано множество назиданий, рожденных народной мудростью.

Современный детский фольклор мордвы представляет собой сложное сочетание старого и нового, традиций и новаторства. В сохранившихся от прошлого жанрах происходят качественные изменения.

Колыбельные песни

Спи, спи, засни, засни,
Мой мальчик, ты засни,
Мой ребеночек, усни,

И кукушечка заснула,
И воробушек спит.
И ты, сыночек, закрой глазки,
Утю-балю тебе спою.

* * *

Ложись-ка, доченька,
Ложись-ка, лапонька!
Под головку положу высокую подушку,
Постелю тебе мягкую постельку.

* * *

Была у бабушки буренушка,
Пошла пить, в реке утонула.
Тащила, тащила (бабушка) — не вытащила.
Пошел Васенька вытащил,
За рога взял,
К иве привел,
К ивовой ветке привязал.
Пошел бабушке сказать:
— Иди, бабушка, подои,
Иди, бабушка, выдои.
На молоке свари кашку,
С маслицем испеки лепешку,
Васеньке — ложку каши,
Васеньке — кусочек лепешки.

* * *

Ой, ты, киса, кисонька,
Серые колючие усы.
Где ходила-бродила,
Где мышей ловила?

— Ходила в старый амбар
Железный капкан ставить.
Чтобы мыши знали,
На уме держали,
Что хозяйкою здесь я
И мышкам не сестра.

Пестушки

Когда ребенок делает первые нетвердые шаги, взрослые отходят от него немного в сторону и подзывают к себе словами:

Идем, идем, идем, мой сыночек!
Пойдем, пойдем, пойдем, моя лапонька!
Нужно тебя распутать,
Чтобы ты шагал,
Чтобы ты не падал.

* * *

Ребенка обувают и при этом приговаривают:

Сами, сами обувайтесь,
К бабушке ходите.
Бабушка даст яичко,
Крестный даст крендель
Нашей Оленьке.

* * *

Взрослый сажает ребенка на колени и, постукивая ногой в такт, поет:

Качай, валяй, кибитка,
Ямщик ее Микитка,
Боярыня Манютка.

Потешки

Взрослый берет ручки ребенка в свои, хлопает в ладошки и приговаривает:

Ладушки, ладушки,
Срубленный домик хороший,
Четыре-пять уголков
Два-три окошечка.

* * *

— Сорока, сорока,
Сорока-белобока.
О чем стрекочешь?
Что потеряла,
Что уронила?
— Орешки уронила,
Совсем их потеряла.
— Орешки мы нашли.
Домой принесли,
Из мешочка взяли,
Ребяткам раздали:
Машеньке — орешек,
Дашеньке — орешек,
Катенька мала,
Ей я три дала.
А Петеньке, который нашел,
Дадим пять (орешков).

Прибаутки

— Сорока-белобока, почему у тебя хвост гладкий?
— Дедушка дал мне ложку меду,
Бабушка дала ложку масла.
Потому и хвост у меня гладкий,
Потому и головушка блестит.

* * *

— Ай, дятел, дятел,
Почему хвост у тебя длинный?
— Мачеха сплела,
Конец хвоста отрезала,
В мусорную кучу выбросила,
Пролетавшая птица подняла,
В большой лес унесла,
Гнездо себе свила.

* * *

— Ай, кошечка, кошечка,
Где ты устроила дом себе?
— Под печкою,
За лавкою.

— Ай, кошечка, кошечка,
Куда ходила ты вчера?
— К бабушке (ходила).
— Чем она тебя угощала?
— Сметанку показала.
— Чем она тебя побила?
— Лучинкою с лавки.
— Как же ты выбралась?
— В дымовое окошечко.

* * *

— Зайчик, дружок,
В белую шапку одетый,
Почему ты такой пучеглазый?
— Звездочки на небе считать.
— Почему у тебя торчком торчат ушки?
— Собак на деревне слушать.

— Почему у тебя такой гладкий лоб?
— Сквозь кучи мусора проходить.
— Почему у тебя такие длинные ноги?
— По глубокому снегу бродить.
— Почему у тебя такие острые зубы?
— Прутики глотать.
— Почему у тебя такая мягкая шерстка?
— В морозы греться.

* * *

— Где ты был, черный баран?
Где ты был, черный баран?
— На мельнице, на мельнице, мой хороший друг!
— Что ты там делал, черный баран?
Что ты там делал, черный баран?
— Муку молот, муку молот, мой хороший друг!
— Чем ты молот ее, черный баран?
Чем ты молот ее, черный баран?
— И рогами, и ногами, мой хороший друг!
— Кто же побил тебя, черный баран?
Кто же побил тебя, черный баран?
— Мельник-бездельник, мой хороший друг!
— Чем же он бил тебя, черный баран?
Чем же он бил тебя, черный баран?
— И скалкою, и палкою, мой хороший друг!
— Как же ты плакал, черный баран?
Как же ты плакал, черный баран?
— Бе-бе-бе-бе-бе-бе, мой хороший друг!

Заклички

Дождик, перестань,

Дам тебе селедок!

* * *

Лето, приди, приди!

Весна теплая, уйди, уйди!

Теплый дождик принеси, принеси!

Высокие хлеба уроди, уроди!

Приговорки

Кшу, коршун, твое гнездо горит!

Птенчики пропадут.

* * *

Чибиса дети передразнивают словами:

Ай, чибис, чибис,

У него сорок яиц,

Никому нет от него пользы.

Бабочка, бабочка,

Лети ты домой,

Там твои детки

Едят конфетки.

Обрядовые произведения

Накануне Рождества колядуют. Девочки идут колядовать, встают за дверь. Хозяин в избе, а они за дверью поют:

Коляда, коляда,

Сегодня день коляды!

Коляда, коляда,

Завтра день Рождества!

Коляда, коляда,

Много пирогов давайте!

Если дашь пирог,

Родится мальчик.

Если не дашь пирог,
Родится девочка.
Если дашь пирог,
Родится мальчик,
Пусть по полю бегают,
В лукошко с пухом упадет.
Если не дашь пирог,
Родится девочка,
Пусть бегают по полю,
В квашню с тестом упадет.

* * *

Накануне Нового года дети ходят «тавусить». «Тавусят» так:

Тавуся! Бабушка, отвори, ноги озябли!
Тавуся! Куда ходил, внучек?
Тавуся! Ходил загон смотреть.
Тавуся! Какие, внучек, хлеба?
Тавуся! С яичный желток зерна,
Тавуся! Колосья величиной с большой пирожок.
Тавуся! Соломинки, как оглобли.
Тавуся! Лутушки-латушки,
Тавуся! Давай, бабушка, пирожок!

Так пройдут по всему селу «тавусельщики», «натавусят» по мешочку и придут домой.

Игры

Наша горка

В «нашу горку» играли мальчики зимой. Они делились на две группы: одни лезли на горку, а другие старались столкнуть их с нее. Победившие кричали: «Наша горка».

Затем те, которые раньше были на горе, стремились туда вернуться.

В коровку

Игроки встают в кружок. В середине — «сторож». У него возле ног — льдинка. Ударом ноги он посылает льдинку от себя, стараясь попасть ею по ноге любому из играющих, стоящих вокруг него. В кого попадает, тот и начинает водить. Если игрок успевает подпрыгнуть и льдинка не задела его ноги, «сторож» продолжает «водить».

В журавлей

Из числа играющих выбираются «журавлиха» и «старушка». «Старушка» садится в сторонку на лужок и начинает вскапывать луг. «Журавлиха» набирает себе из остальных играющих «журавлей»: они берутся друг за друга (за подол платья, рубашки) и с криками «тур-лур, тур-лур» ходят по лугу. Ходят-ходят и подходят к «старушке». «Журавлиха» ее спрашивает:

— Бабушка, а бабушка, что делаешь?

— Ямку копаю.

— Ямка зачем?

— Деньги ищу.

— Деньги зачем?

— Иголку куплю.

— Иголка для чего?

— Мешок сошью.

— Мешок для чего?

— Камешками наполню.

— Камешки для чего?

— На голову твоих детей.

Произнося последние слова, «старушка» поднимается и начинает ловить «журавлей». «Журавлиха», подняв руки, защищается. «Журавлята» кричат: «Тур-лур, тур-лур».

Когда старуха переловит всех «журавлей», игра начинается вновь.

В белочек

«В белочек» играют девочки и мальчики летом. Кто-то становится «собакой», а остальные — «белочками». «Собака» ловит «белочек». Кого она поймает, тот становится «собакой» и начинает ловить остальных.

Считалки

Птичка клюет из горшка,

Я поймал ее за шею.

Птичка клюет зерно,

Я поймал ее за хвост.

(Указывает на кого-либо)

* * *

Раз, два, три, четыре,

Я съел куриное ухо,

Два, три, четыре, пять,

Кому достанется кошкин живот?

Дразнилки

Яшка-каталажка,

Зеленая фуражка.

* * *

Галя, Галя, Гушки,

Глиняные лягушки.

Загадки

Одно спать ложится,

Вторая просыпается.

(Солнце и луна)

В огне не горит, в воде не тонет.

(Лед)

В окно смотрю,

Длинного Антона вижу.

(Радуга)

У Кости хорошая дочка:
Стук-стук сапожки,
Пропало серебряное колечко.
Луна видела — оставила,
Солнце увидело — подобрало.

(Роса)

Один льет,
Вторая пьет,
А третья растет.

(Дождь, земля, трава)

На опушке леса девушка на выданье,
Каждую весну плачет.

(Береза)

С ивы на иву, на ивовую ветку,
Чуть-чуть не до неба.

(Хмель)

Дарья с Марьей друг на друга смотрят,
А вместе не сходятся.

(Пол и потолок)

На крыше старик курит.

(Труба)

Синичка теленка задушила.

(Замок)

Кругом вода,
В середине огонь.

(Самовар)

Где пройдет,
Там дорогу проложит.

(Карандаш)

Их все хвалят,
Но они больно жалят.

(Пчелы)

Сказки

Ходит-бродит зайчик,
Ходит белый хвостик.
Лапками прихлопывает,
У ледка спрашивает:
— Ледок, ты крепок?
— Крепок.
— А почему тебя солнце растапливает?
— Солнце сильнее меня.
— Солнце, ты сильное?
— Сильное.
— А почему тебя туча заволакивает?
— Туча сильнее меня.
— Туча, ты сильна?
— Сильна.
— А почему тебя ветер разгоняет?
— Ветер сильнее меня.
— Ветер, ты силен?
— Силен.
— А почему же гору не перевернешь?
— Гора сильнее меня.
— Гора, ты сильна?
— Сильна.
— А почему же мыши тебя подтачивают?
— Мыши сильнее меня.

— Мыши, вы сильные?

— Да.

— А почему вас кошка ловит?

— Кошка сильнее нас.

— Кошка, ты сильна?

— Сильна.

— А почему же волка боишься?

— Волк сильнее меня.

— Волк, ты силен?

— Да.

— А почему же охотник тебя убивает?

— Охотник сильнее меня.

— Охотник, ты силен?

Не ответил (охотник).

Грел, грел шомпол,

Да как ударил зайца прямо по хвосту,

Стал у зайца хвост короткий.

Ходит зайчик

До сей поры печален:

Нет у него длинного хвоста!

Петушок и кошка

Жили кошка с петушком. Однажды пошли они в лес за орехами, нашли орешник. Кошка и говорит:

— Ты, брат петух, залезь на дерево, рви орехи и бросай вниз. Я их подбирать буду.

Залез петушок на дерево, стал рвать орехи и бросать вниз. Нарвал петух много орехов и бросил. Попали орехи кошке прямо в глаз и выбили его.

Кошка и говорит петуху:

— Я, брат петух, пойду на тебя жаловаться в управу.

Пришла кошка в управу и говорит:

— Мне петух выбил глаз.

— Позовите сюда петуха! — говорят судьи.

Пошли за петухом. Петух пришел. Судьи спрашивают:

— Ты зачем кошке выбил глаз?

— А почему у меня орешник все штаны порвал? — спрашивает петух.

— Позовите сюда орешник!

Пошли за орешником. Пришел он.

— Ты зачем штаны у петуха порвал? — спрашивают судьи.

Орешник отвечает:

— А зачем меня коза обгрызла?

— Позовите сюда козу! — говорят судьи.

Пошли за козой. Пришла коза.

— Ты зачем обгрызла орешник? — спрашивают судьи.

Коза говорит:

— А почему меня пастух не пасет?

— Позовите сюда пастуха! — говорят судьи.

Пошли за пастухом. Пришел он.

— Ты почему козу не пасешь? — спрашивают судьи.

Пастух и говорит:

— А почему хозяин денег за пастьбу не платит?

— Позовите сюда хозяина! — говорят судьи.

Пошли за хозяином. Пришел хозяин.

Судьи спрашивают:

— Ты почему за пастьбу не платишь?

— Свинья ворох съела, — говорит хозяин.

— Позовите сюда свинью! — говорят судьи.

Пошли за свиньей. Пришла она. Судьи спрашивают:

— Ты зачем ворох у хозяина съела?

— А зачем волк моих поросят съел, — говорит свинья.

— Позовите сюда волка! — говорят судьи.

Пошли в лес искать волка. До сих пор ищут и найти не могут.

Итак, мордовское устное творчество богато, своеобразно и высокохудожественно. В нем отразились представления народа о мире и человеке, его назначении на земле, идеалах счастья и красоты. И создавались фольклорные произведения людьми талантливыми, прекрасно владевшими искусством слова. В формировании и развитии фольклорных жанров происходили и продолжают происходить сложные процессы взаимовлияния и взаимодействия. Своеобразной формой взаимодействия жанров является включение произведений одного жанра в произведения другого, а длительное сосуществование жанров нередко приводит к переходу одного жанра в другой. Происходит даже отмирание целых жанров и в то же время появляются новые.

Толкование устаревших и малопонятных слов и выражений

- 1 **Вармава (Вермава)** — мифологическая мать вербы или весеннего ветра.
- 2 **Вириява** — мифологическая покровительница леса.
- 3 **Паксява** — мифологическая покровительница поля.
- 4 **Модава** — мифологическая покровительница земли (почвы).
- 5 **Норовава** — мифологическая богиня хлеба, урожая.
- 6 **Велява** — мифологическая покровительница села.
- 7 **Кардаз сярко** — покровительница двора, скота.
- 8 **Руця** — распашная верхняя одежда мордовской женщины.
- 9 **Монисто** — монетки, служащие украшением женской одежды.
- 10 **Ведява (Ведятя)** — мифологическая богиня воды и деторождения, обитавшая в ручьях и реках; Ведятя — водяной.
- 11 **Пуре** — медовый хмельной напиток.
- 12 **Нишке паз (Инешке)** — бог Нишке, верховный покровитель.
- 13 **Осьмина** — старинная мера объема сыпучих веществ, равная 105 литрам.
- 14 **Кудюртава** — мифологическая покровительница дома и двора.
- 15 **Юртава-эрз.** (**Юрхтава-моки.**) — мифологическая покровительница дома, домашнего очага, домовая.
- 16 **Губанцы и ногайцы** — собирательный, условный образ врага, завоевателя.
- 17 **Рукава (ркава)** — праздничная одежда мордовских девушек и молодых, фартук с рукавами из разноцветных лент.
- 18 **Коты** — женская обувь в форме сапожек.
- 19 **Корчага** — большой глиняный сосуд.

20 **Урьваля** — брат, близкий родственник, сопровождающий невесту под венец.

21 **Апостолы Петр и Павел** — двое из двенадцати учеников Иисуса Христа.

22 **Палаш** — рубящее и колющее ручное оружие с длинным прямым клинком.

23 **Озолма** — заговор.

24 **Вентерь** — рыболовная снасть в виде суживающейся книзу сети на обручах.

25 **Масторава** — мифологическая богиня земли, мать земли (в значении края, родины).

26 **Шурин** — брат жены.

27 **Сэме** — щетка для расчесывания мочки, кудели при ручном прядении.

28 **Патяй, патякай** — старшая сестра, сестрица.

29 **Сазорнэм** — моя младшая сестрица.

30 **Пурьгине (Пургаз)** — бог Грома, Громовик.

31 **Ночевки** — в значении чего-то легко развевающегося, разлетающегося.

32 **Полавочник** — специальная широкая полка для разных домашних вещей, утвари, иногда хлеба, сделанная под потолком.

33 **Полосминник** — участок земли, равный одной восьмой части десятины, (десятина — 1,09 га).

34 **Голица** — кожаная рукавица без меха и подкладки.

35 **Мурза** — русский царь, князь.

36 **Анбеды** — старейшины, жрецы.

37 **Калканы** — кал — общеславянское — черный. Здесь, вероятно, имеется в виду, что девушка красивым шелком вышивает черные узоры.

38 **Тетяй** — (эрз.) отец.

39 **Лицо твое колоти да на лбах носить** — дать разрешение носить монеты с изображением царя в качестве украшения.

40 **Зипун** — крестьянская верхняя одежда от непогоды.

41 **Аляй** — (мокш.) отец.

42 **Бортни (борть)** — улей простейшего устройства — дупло или выдолбленный чурбан.

43 **Чампаз** — в различных источниках встречается неодинаковое написание имени этого божества: Чипаз, Чимпаз, Чампаз — бог Солнца.

44 **Инечипаз** — верховное божество, великий бог.

45 **Илья Пророк** — был ревностным поборником иудаизма. Совершил много чудес. Как в иудаизме, так и в христианстве считается, по преданию, что Илия был взят на Небо живым. По православному календарю Ильин день отмечается 2 августа.

46 **Третий спас** отмечается 29 августа.

47 Русское название этой травы вероника.

48 **Эрямо парь** — в старину мордовская девушка готовила себе приданое для свадьбы: пряла, ткала, шила и вышивала. Все это она складывала в особого рода кадку, которую выдалбливали из липы. Часто украшали ее резьбой. Эта кадка выполняла роль сундука (распространен позднее) и называлась «тейтерень эрямо парь». Для каждой девушки, если их в семье было несколько, был свой эрямо парь.

49 **Клеть** — кладовая при избе или в отдельной постройке.

50 **Пулай** — особый женский пояс с бахромой и другими украшениями, часть одежды эрзянок.

51 **Панжакай** — большого размера ватрушка с картофельной начинкой.

52 **Архиерей** — общее название высших чинов православного духовенства.

53 **Сыченый мед (пиво)** — хмельной напиток, приготовленный из пчелиного меда; пиво, настоенное на меду.

54 **Сварить (яйца)** — вероятно, диалектное слово: продать, обменять.

55 **Клирос** — в церкви место для певчих на возвышении по обеим сторонам перед алтарем.

56 **Ряса иноческая** — у православных монахов верхняя длинная одежда с широкими рукавами.

57 **Наймит** — наемник, тот, кто продался кому-нибудь и из низких, корыстных побуждений защищает чужие интересы.

58 **Предать анафеме** — церковное проклятие, отлучение от церкви.

59 **Становая жила** — самое главное, основное в чем-либо. В народных поговорках и просторечии — название позвоночного столба.

60 **Вейсэ** — вместе.

61 **Чала пря** (от слова чалакадомс) — место, где поссорились, подрались старики.

62 **Пукштор-пакштор** — звукоподражательное сочетание, передающее хруст, треск ломаемых деревьев, предметов.

63 **Шишига** — злой дух, оборотень.

64 **Тырынтай** — точное значение этого слова в мордовском языке неизвестно. Судя по тексту — какое-то мифологическое существо, оборотень.

65 **Недытка** — точного толкования этого слова в мордовском языке нет. Возможно, диалектное или специальный термин. По тексту — это сходное с неводом.

66 **Становой (пристав)** — в дореволюционной России полицейский чиновник, начальник стана в уезде.

67 **Урядник** — начальник, распорядитель.

68 **Мера** — кадочка, вмещающая пуд ржи или пшеницы.

69 **Шнурок** — распиленные на метровые чурбаки дрова.

70 **Лот** — (морск.) металлический лист весом в сорок пудов, предназначался для того, чтобы баржа была устойчивее на плаву: грузило на длинной веревке.

71 **Оборы** — тонкая веревочка, завязка у лаптей.

72 **Онучи** — обмотка для ноги под лапоть, портянка.

73 **Покай** — эрзянская женская рубашка, праздничное богато вышитое платье.

74 **Рав** — старинное мордовское название реки Волги.

75 **Шушпан** — старинная верхняя женская одежда в виде свободного кафтана или широкой длинной рубашки, сарафана.

Часть 3. **Фольклорные сюжеты и мотивы в разных видах искусства**

Фольклор в творчестве писателей Мордовии

Произведения мордовского фольклора – драгоценное наследие прошлого, оказавшие огромное влияние на всю культуру, и особенно на художественную литературу.

Мордовская литература, как и литература других младописьменных народов, возникла не на пустом месте. Она явилась дальнейшим развитием того, что было накоплено в народно-поэтическом творчестве. Литературе предшествовал длительный период, когда фольклор был единственной формой существования словесного искусства мордвы. Первые мордовские писатели в своих произведениях сочетали народные поэтические традиции и современность.

В 20-е годы мордовские писатели и поэты в обращении к фольклору видели не только художественные формы, но и средство приобщения к народному языку, быту. В годы Советской власти была создана национальная мордовская письменность, в основу которой положена русская графика, ликвидирована неграмотность населения, стали издаваться книги на мордовских языках. В эти годы наметилось новое отношение к устной народной поэзии.

В начальный период развития мордовской литературы в ведущих жанрах тех лет – поэзии и рассказах – чувствовалась опора на поэтику народного творчества. Это ощущалось даже в том, что многие творения поэтов имели подзаголовки – «Песня», что само по себе указывало на источник народно-поэтического опыта.

Первый мордовский поэт Захар Дорофеев начал печататься еще в 1912 году, когда вышла книга его стихов «Песни и думы народного учителя». Уже в этом сборнике определилось отношение поэта к народной поэзии. Образы первого поэтического сборника представляли собой символы, своими

корнями уходящие в народную поэзию. Ему важно было показать природный поэтический дар мордовского народа, значение и прелесть фольклора. С этой целью он включил в сборник 15 мордовских народных песен в своем переводе на русский язык. Песня – самый распространенный и излюбленный жанр в его дооктябрьской лирике. Из 70-ти его стихотворений тех лет около половины составляют песни.

Характерно, что свое литературное творчество Дорофеев начал со сбора и изучения устно-поэтического наследия своего народа. Им было записано много ценнейшего материала в селах Спасского и Темниковского уездов, а также в других местах.

Народную поэзию Дорофеев считал бесценным источником для создания национальной литературы. Он постоянно стремился к установлению преемственности между устной поэзией и литературой. Используя мотивы и сюжеты народных песен, поэт стремился к тому, чтобы глубже раскрыть жизнь народа, его желания и чаяния. Поэт постиг тайны народной речи и хорошо освоил поэтические приемы устного народного творчества, считая фольклор частью своего творчества.

Многим поколениям учащихся 20-30-х годов запомнилась его «Колыбельная». Она настолько народна, настолько органически передавала душевный мир мордовской женщины, что читателями воспринималась как произведение, созданное самим народом.

Большое влияние народно-поэтических традиций в 20-е годы испытывали на себе и другие зачинатели мордовской литературы – А.Бухарев, Ф.Завалишин, Ф.Бездольный и др. Первые их произведения не были лишены подражательства фольклору. Поэты писали свои произведения по образцу фольклорных, наполняя их новым содержанием. Из фольклора они черпали запасы поэтической лексики и художественно-изобразительные средства. Поэтому народный язык лег в основу современных мордовских литературных языков.

В конце 20-х и начале 30-х годов в мордовскую литературу влилось много талантливой молодежи: М.Безбородов, А.Лукьянов, Т.Раптанов, А. Мокшони, В.Ардеев, Н.Эркай, А.Моро, М.Бебан, А.Куторкин, Я.Пинясов и др. Они начинают творить уже в разных жанрах.

Одним из ярких представителей этого поколения писателей, поэтом незаурядного дарования был Михаил Безбородов, который являлся хорошим знатоком мордовской поэзии. Выросший в крестьянской среде, он не раз слышал в детстве народные произведения, наблюдал за исполнением народных обрядов и обычаев. Позднее и сам стал исполнителем и знатоком фольклора. Народная лирика стала той основой, которая способствовала его становлению и росту.

М.Безбородова интересовали самые различные народные песни: лиро-эпические, песни-сказки, песни-мифы, исторические, частушки. Но особенно большое влияние на поэта оказали лирические песни.

Его произведения оригинальны и, вместе с тем, насыщены фольклорными элементами. В стихотворениях, в описаниях природы можно заметить многие традиционные приемы: прямое обращение к стихии, растительному миру, олицетворение. Встречаются и другие приемы и образы. В его произведениях «Лес», «Сказка-быль» и некоторых других подкупает прежде всего глубоко народный характер, близость к народной поэзии, проникновенное изображение родного края и его природы. Активное и широкое использование фольклорных принципов в поэзии М.Безбородова проявляется повсюду. Он вовлекает в свое творчество самые разные фольклорные жанры – частушки, песни, сказки, пословицы, легенды и предания.

Повышенный интерес к устной народной поэзии нашел отражение в творчестве мордовского прозаика Тимофея Раптанова. Основной метод работы Раптанова над фольклорным материалом заключался в

заимствовании отдельных поэтических приемов и включении фольклорных текстов в свои произведения.

Как широко писатель пользовался народно-поэтическими элементами, можно убедиться на повести «Татю» с первых ее страниц. Какую бы мысль он ни высказал, какой бы образ ни создал, всегда невольно он прибегал к тому или иному фольклорному приему. Обратившись к народно-поэтическим материалам, писатель обнаружил их неисчерпаемость. Наиболее плодотворным художественным приемом оказалось сравнение, которое придавало повести поэтическую образную выразительность, усиливало душевную взволнованность.

В романе «Под Чихан горой» Раптанов широко использует лирические песни, пословицы и поговорки. С помощью этих жанров он передает радости и страдания героев. Вместе с тем, в произведениях писателя многие элементы фольклора переосмысливались и осознавались по-новому.

Предвоенное десятилетие ознаменовалось новыми успехами дальнейшего роста мордовской литературы. Писатели и поэты по-прежнему ориентировали себя на дальнейшее укрепление связи с народной поэзией.

Один из молодых писателей Петр Кириллов создал лучшую в нашей литературе историческую драму «Литова». Обращение Кириллова к истории мордвы преследовало вполне современные цели. На основе большого количества материалов автор стремился к воспроизведению прошлой эпохи. Он проводит идею об исторически сложившейся дружбе русского народа с малыми народами Поволжья, активно участвовавшими в крестьянской войне под предводительством Степана Разина.

Мечтая о создании исторической драмы, П.Кириллов много работал в архивах над документами о разинском восстании, посещал места, где распространены легенды об Алене – сподвижнице Степана Разина. Вспоминая свою работу над пьесой, драматург писал: «В основу пьесы «Литова» положена народная легенда, которая была записана мною в одном

из сел Горьковского края летом 1934 года». Кириллов считал фольклор важным средством для понимания быта, дум и чаяний народа. Фольклорные материалы, полагал он, позволяют глубже проникнуть в народную психологию и раскрыть мировоззрение крестьянства. Драматург сохраняет и народную оценку личности Степана Разина. Известно, что народ в своих многочисленных песнях и преданиях называет его «бедняцким царем». Народ в образе Разина видел олицетворение носителя свободы и счастья, народного заступника. Вождь народного восстания был одним из любимейших героев мордовского фольклора, о чем свидетельствуют многочисленные записи текстов.

Все фольклорные материалы, включенные в драму, делятся на две группы: одна – песни и пословицы, взятые целиком без изменения; другая – выразительные средства, бытовые детали и прочие фольклорные элементы, органически вошедшие в ткань произведения.

Особую жизненность придает произведению включение в нее ряда бытовых деталей. Подчеркивая близость драмы к изображаемой эпохе, Кириллов использовал весенний календарный обряд – праздник цветения поля. Автор сохранил древние обычаи: посыпание хмелем, угощение хлебом-солью, исполнение заклинательных песен и др.

Календарная поэзия и обряды использованы писателем с целью придания всей драме национального мордовского колорита. Автора интересовали не только исторические события, но и повседневный быт, его пленяла многотрудная, своеобразная и неподражаемая народная жизнь. В «Литове» Кириллов с наибольшей силой проявил умение сочетать индивидуальное мастерство с коллективными поэтическими традициями родного народа.

Художественная преемственность между народной поэзией и творчеством П.Кириллова наблюдается как в годы Великой Отечественной войны, так и в послевоенное время. Для него произведения фольклора были

не только источником углубленного понимания быта, обычаев и национальной психологии масс, но и школой поэтического мастерства. Даже при явном соответствии с фольклором трудно говорить о прямом заимствовании.

Народные поэтические традиции наличествуют и в творчестве Якова Пинясова. Так, с самого начала литературной деятельности его увлекла народная сказка целым рядом своих особенностей – богатством замысла, занимательностью и бесхитростностью повествования.

Большинство его сказок построено в стиле мордовской народной сказки, что придает особый колорит повествованию. Герои его сказок – орел, лиса, заяц, медведь, волк, кот – восходят к народным сказкам о животных с их повадками. Писатель в своих сказках преследует развлекательно-поучительную цель. В авторских сказках, как и в народных, животные также наделены человеческой речью, даже умеют читать, имеют определенные отношения между собой. Так, в сказке «Шустрый Васька» кот решил выловить всех мышей, но и мыши стали хитрыми – прятались от него. Тогда Васька-кот решил пойти на хитрость: написал объявление, что он скончался, и поручает мышам похоронить его.

Очень популярны в сказках детского писателя образы птиц – орла, ласточки, петуха, цыплят. И о птицах Пинясов говорит с точки зрения их полезности или вреда, причиняемого человеку. Писатель использует принцип сказочной занимательности, дополняемый своими жизненными впечатлениями.

Умело пользовались жанром народной сказки и другие мордовские поэты. Под влиянием традиционной сказки возникли авторские сказки Н.Эркайя «Бандит Васька», «Хитрая лиса», Я.Кулдуркаева «Эрьмезь», Г.Ельмеева «Ёжка», Ф.Атянина «Слеза-богатырь» и ряд других. Все они близки по стилю и изобразительным средствам к народной сказке.

Воздействие фольклора на литературу наблюдается в самых различных жанрах, в том числе и в драматургии. В первых драматических произведениях 20-30-х годов наблюдается прямая обработка народного материала. Авторы сознательно стремятся сохранить форму и сюжет устно-поэтического произведения. Так, используя основу традиционной свадьбы, В.Малкин и др. создали драму «Свадьба Анны». Она напоминала инсценировку мордовской свадьбы. Это произведение сыграло известную роль в развитии жанра драмы в мордовской литературе.

Таким образом, освоение национальных традиций в годы становления мордовской литературы шло по следующим направлениям: во-первых, по пути создания произведений на чисто фольклорной основе, во-вторых, путем стилизации под фольклор.

Одна из зачинательниц мордовской литературы Ксения Петрова в своем творчестве стремилась опереться на фольклорные традиции. Особенно ясно фольклорные черты видны в пьесе «По старинке». Стремление автора написать драму в духе исторической достоверности определили художественное своеобразие пьесы. В основу сюжета положена была традиционная мордовская свадьба. Чтобы раскрыть тему женской судьбы в дореволюционные годы, она берет из старинной мордовской свадьбы мотив насильственной выдачи замуж.

Петрова сохраняет все элементы свадебного обряда: сговор, сватовство, рукобитье, день свадьбы и послесвадебный период. Для углубления драматической коллизии Петрова вводит в пьесу кроме нареченной невесты Акима еще и любимую им девушку Агафью. Драматический конфликт пьесы завершается гибелью Агафьи. Введение образа Агафьи и все, что связано с ней, позволяет говорить не о копировании традиционной свадьбы, а о более глубоком конфликте – мире домостроевских порядков, насилия и светлого, человеческого. Такая форма использования фольклора в пьесе отвечала требованиям времени.

Народно-поэтические традиции явились определяющим началом поэзии Михаила Бебана. Фольклорные элементы присутствуют почти во всех произведениях поэта, от небольших стихов и до значительных произведений: поэмы «Ушман Байка» и романа «Птицы весенние». В своем творчестве он использует самые различные жанры народного творчества: свадебную поэзию, лирические и исторические песни, пословицы и поговорки, легенды и сказки. В его произведениях вполне оправданы фольклорные средства и приемы, этнографические и бытовые детали.

В послевоенные годы Бебан создает поэму «Пир», в которой опирается на свадебный сюжет. Сопоставление человека и природы помогло поэту нарисовать реалистический образ мордовской девушки. Здесь заметен стиль, характерный для величальных песен.

Традиции мордовской свадьбы видны и в другой поэме Бебана – «Невеста поневоле», где автор стремится показать судьбу мордовской женщины в прошлом. Действие в произведении относится примерно к XVII веку. Художественные детали, взятые из традиционной свадьбы, помогают автору достоверно отобразить историческую эпоху и усилить трагичность образа.

Последние годы творчества М.Бебана ознаменовались поисками новых фольклорных тем и образов, натолкнувших его на создание эпического произведения, подобного героическому эпосу. Им стала поэма «Ушман Байка», которая посвящена М.П.Девятаеву, Герою Советского Союза, совершившему беспримерный подвиг – побег на вражеском самолете из фашистского плена, побег из ада. В сюжете поэмы использованы мотивы народных песен о ногайском полоне, различные приемы и средства которых автором творчески переосмыслены.

Здесь виден фольклорный принцип построения сюжета: герой преодолевает множество препятствий и испытаний, в итоге чего добро торжествует над злом. Поэма насквозь проникнута оптимизмом: вера в

победу народа, борющегося с врагом. Читатель ощущает связь времен, прошлого с современностью. Эпический герой Ушман Байка и Михаил Девятаев по своим устремлениям и подвигам близки друг другу – оба славят красоту подвига и возвеличивают свой народ.

Роман Тимофея Кирдяшкина «Широкая Мокша» посвящен жизни мордовского народа в конце XIX – начале XX века. Фольклор вошел в это произведение не отдельными мотивами, сюжетами и образами, а всей совокупностью своих особенностей, начиная с народности содержания и кончая целым рядом художественных приемов. Здесь нашли свое отражение многие жанры народного творчества: песни, сказки, пословицы и поговорки, моления, обрядовая поэзия, гадания и т.д. Например, пословицы включаются в ткань повествования и имеют определяющее значение в сюжете, широко используются в формировании характеров как главных героев, так и второстепенных персонажей.

Свободно и умело пользовался народной поэзией известный мордовский писатель Кузьма Абрамов. Это очень требовательный и вдумчивый художник слова. Он много внимания уделял подбору названий книг и даже глав. Подбирая названия, писатель заботился об их народном звучании. В трилогии «Лес шуметь не перестал», «Люди стали близкими» и «Дым над землей» использовал различные фольклорные жанры: свадебную поэзию, народные песни, пословицы и поговорки. Так, в первой книге трилогии писатель каждой главе в качестве эпитафии давал цитаты из мордовских народных песен. Отчетливо видно, какую идейную нагрузку они несут.

Обращает на себя внимание близость ситуаций в трилогии и народных сказках и анекдотах. Например, в фамилиях и прозвищах персонажей писатель использовал опыт народа. Своим героям он давал такие фамилии и прозвища, которые были бы близки к народным и соответствовали бы образу мышления мордвы. Это вполне соответствовало реальной

действительности, поскольку в мордовских селениях прозвища были настолько обычными, что нередко заменяли собственные имена и фамилии.

Кроме использования отдельных фольклорных элементов Абрамов занимался и переработкой некоторых народных сюжетов. В 1966 году он создал эпическую поэму «Сараклыч», в основу которой была положена легенда об этой крепости. В произведении довольно точно воспроизведены сцены событий XIII-XIV веков. Удачно и верно передан исторический колорит. В поэме Абрамов придерживается стиля народной эпической поэзии.

Много времени уделял собиранию мордовского фольклора Василий Кузьмич Радаев: записывал многочисленные легенды и предания в разных районах Куйбышевской и Оренбургской областей. Он вошел в литературу как великолепный мастер обработки сказаний мордовского народа. Почти четыре десятилетия работал над созданием произведения о мордовском эпическом герое Сияжаре. Эпическая поэма «Сияжар» полностью написана на основе сказаний мордовского народа. В ней повествуется о героической борьбе мордвы за свою свободу, о тесной дружбе русского и мордовского народов. Зримо проступают картины жизни древней мордвы с ее делами, нравами и обычаями, до мельчайших деталей показана в образах лучших представителей народа его подлинная душа. Возможно, поэтому и шла долгая дискуссия среди литературоведов и критиков по вопросу, считать поэму Радаева авторским произведением, написанным на основе сказаний мордовского народа, или это народный эпос. В итоге победила первая точка зрения. На основе фольклорных материалов писатель также создал эпические поэмы «Пенза и Сура», «Сурай». Позднее выпустил «Эрзянские легенды, предания и сказы», «Тюштя».

В творчестве практически каждого мордовского литератора фольклор играл и продолжает играть свою роль. Уже в 30-е годы Андрей Куторкин выдвинул на первый план исторические судьбы народа, изображая его

героические черты и черпая все это из эпических произведений. Глубокий интерес к фольклору проявился у Куторкина при написании романа «Ламзурь». Особенностью этого романа явилось тесное переплетение реально-исторических событий и фольклорного материала.

С еще большей силой проявилась эта черта у Куторкина в другом его произведении – романе «Яблоня у большой дороги», где он использовал народно-сказовый стиль. Интерес к прошлому своего народа усиливал желание обращаться к фольклору, обладающему огромными изобразительно-выразительными средствами и возможностями.

Поэты Александр Щеглов и Никул Эркай использовали балладную форму повествования, создавая произведения героической тематики. Александр Малькин использовал сказовую форму при создании «Поэмы о смерти». При разработке сатирического образа в произведении «Лавгинов» Василий Коломасов просто обязан был обратиться к традициям народного анекдота, как средства фольклорной изобразительности. В результате своих поисков мордовские писатели находили и продолжают находить в народном творчестве много нужного и ценного.

Теме послевоенного строительства, преемственности поколений, связанных с новыми героями, конфликтами и ситуациями, посвящен роман Ильи Девина «Трава-мурава». В романе читатель часто встречается с песней. Это мордовские и русские песни, народные и авторские, частушки. Герои с песней работают, отдыхают, встречают и провожают праздники. Песня символизирует собой жизнь. Несколько в ином плане используются писателем пословицы и поговорки. Они характеризуют героев, раскрывая главное в характере персонажа. Девин мастерски и творчески пользуется в своем романе фольклорными традициями, что свидетельствует о возросшем мастерстве наших мордовских писателей.

Детские писатели Мордовии также обращаются к фольклору, создавая оригинальные авторские произведения фольклорных жанров. Так,

Валентина Мишанина известна мордовскому читателю и произведениями для взрослых, и книгами для детей. Одна из ее книг для детей называется «Серебряная ракушка». Такое же название имеет красивая авторская легенда писательницы, одним из персонажей которой стала мифологическая покровительница воды – Ведява.

Известны мордовскому читателю и загадки литературного происхождения поэтов: В.Виарда, Р.Федькина, И.Митина, Н.Ишуткина, Г.Гребенцова.

Итак, писатели и поэты как в годы становления мордовской литературы, так и в годы ее зрелости учились и продолжают учиться у народа художественному мастерству, умению создавать народные характеры, верно воспроизводить явления далекого прошлого и современной действительности. Благодаря народной поэзии многие из поэтов овладевали мастерством поэтического мышления и обязаны ей созданием своих стихотворений и поэм. Поэтому приток народно-поэтических материалов в произведения мордовских писателей не прекращается и поныне. По-разному они используют этот благодатный материал. Одни – вводят в свои произведения тексты разных жанров целиком. Другие – делают их литературную обработку. Третьи – творчески осваивают художественные изобразительно-выразительные средства народной поэзии. Четвертые – заимствуют фольклорные сюжеты, мотивы и образы. Пятые – создают литературные произведения по подобию фольклорных. И все это говорит о неисчерпаемых возможностях устно-поэтического творчества родного народа.

Фольклорные мотивы в творчестве художников Мордовии

Одним из первых художников, обратившихся в своем творчестве к мотивам мордовского фольклора, стал Иван Семенович Ефимов. Он известен как скульптор-аниматор, иллюстратор книг, керамист, искусствовед и основатель первого кукольного театра.

Народный художник России, почетный член Международного Союза кукольников родился в 1878 г в Москве. Почти все его произведения наполнены «народным духом». Заметно это и в его иллюстрациях эрзянского фольклора, которые художник делал в 1930-32 гг в экспедициях по Башкирии и Удмуртии. Проводились экспедиции под руководством известного собирателя мордовского фольклора М.Маркелова.

В 30-е годы в издательстве «Академия» готовился к печати сборник мордовского эпоса. Для этого сборника Ефимов подготовил рисунки, всего – 250. В иллюстрациях Ефимова прослеживается зарождение эпоса, его дух и красота. В безмолвных рисунках «заговорили» и стали узнаваемыми Литова, умный Мурза, красавица Мазярго, стали зримыми свадебные обряды, обычаи и песни мордовского народа. Иллюстративный материал сделан так, чтобы рисунки и силуэты могли уместиться на книжной странице. Почти все рисунки сделаны черным карандашом, лишь изредка проступает красный цвет. Но по каким-то причинам книга не вышла. Около 100 рисунков ныне хранится в Мордовском музее изобразительных искусств, судьба остальных неизвестна.

Старейший художник Мордовии Петр Федорович Рябов, основатель национальной художественной школы, заслуженный работник культуры РСФСР и МАССР. Начиная как портретист и живописец, работал и в области тематической картины, оригинальной графики. В 60-х годах поставил перед собой задачу – искать национальный колорит, исходя из мордовских национальных костюмов. Каждое лето ездил по селам, собирал материал и писал картины, часто сложные. Например, «Мордовская свадьба», там до 50-ти человек. Ему удалось завершить эту работу, которой посвятил несколько десятилетий. В 1990 году на персональной выставке, посвященной 80-летию художника, зрители увидели его картину «Мордовская свадьба».

В своем творчестве Рябов дает собственную интерпретацию традиций архаической культуры мордвы. Так, в ряде работ он воплотил свое прочтение

образов. Нередко его увлекает обрядово-ритуальная сторона традиционной культуры: «Моление солнцу» (2005), «Куйгорож» (2001), «Тюштя-воин» (2004), «Масторава» (2004).

(Финно-угорский мир, 2009, №3, с.60, 64).

Марат Семенович Шанин известен как график, живописец. Народный художник РМ, заслуженный деятель искусств МАССР, лауреат Государственной премии РМ. Национальная тема в современном искусстве начала волновать художника в 80-е годы и стала ведущей в его творчестве. В своих произведениях он стремится отразить сочетание исконных традиций и современности в жизни мордовского народа. Это стремление прослеживается в цикле картин «Легенды и верования мордвы». В центральной части триптиха две девушки гадают на Святках. В правой части – Вириява только что вышла из тумана на полянку и замерла среди березок. А в левой – холодная Ведява загадочно склонилась среди ветвей плакучей ивы. Тщательно и точно выписал художник все мельчайшие детали национальных костюмов. Также поэтична и покровительница хмеля – «Комолява».

Александр Иванович Коровин, график, живописец. Народный художник РМ, заслуженный деятель искусств и заслуженный работник культуры МАССР. В течение 15 лет Коровин работал главным художником Мордовского книжного издательства. Постепенно он увлекся историей родного края. Этому помогала работа над книгой В.К.Радаева «Пенза и Сура». В 1971 году делает триптих «Из героического прошлого мордовского народа». Содружество с Радаевым, собирателем эпических произведений много дало А.И.Коровину. Работая над его книгой «Сияжар», художник не только изучил легенды, но и глубоко проник в духовный мир мордвы. Молод и силен Сияжар, нежна его невеста Нуя, хитер ногайский богатырь Тархан, злобен Алаяр – эти и другие персонажи словно «ожили» в иллюстрациях. Но главной находкой стало решение разворота книги: на всем листе идет героическое сражение.

«Последнее время меня больше всего привлекают легенды мордвы, рассказывал художник. – Я очень много обращался к этой теме, хотелось все больше и больше работать над ней. Она меня «поглотила». Сейчас я работаю над 4 листами по легендам мордовского народа. Материал очень интересный, самобытный. Но к этой теме хочется подойти в современной технике, по-новому найти ее решение. Обычно получалась какая-то книжная иллюстрация. И вот сейчас, наконец, мне кажется, что-то начинает удаваться. Я постигаю внутреннюю глубину этого материала. Ну, а что получится – судить будет зритель.

Я не пытаюсь как-то сузить материал до уровня иллюстрации. Мне хочется обобщить. Вот есть народный герой Тюштя, легендарный тем, что вывел мордву из-под нашествия иноземных захватчиков на лесные просторы, как говорится, из-под носа врага. Он спас свой народ. Все здесь основано на символике. Мне хочется показать и вражеские силы, окружившие людей, и народ, который вынужден покинуть родные места. В 3-м листе решаю разговор с предками, это – моление. Хочется, чтобы это были не стандартные картинки или просто иллюстрации, а героические, эпические листы, отражающие величие и дух мордовского народа» (И.Видяева, с.175-176). И был лист «...И боги ушли» из серии «Легенды мордвы», который поражает своим трагическим звучанием. Серия «Легенды мордвы» экспонировалась на 5-й зональной выставке в Рязани и была удостоена Диплома Союза художников РСФСР.

Ученик А.И.Коровина Юрий Владимирович Смирнов начинал свой путь художником-оформителем в бюро промышленной эстетики на заводе. В 1978 году перешел в книжное издательство, «окончательно заразившись» книжной графикой. Стал участвовать в республиканских и зональных выставках, а в 1981 году – в Международной книжной выставке-ярмарке в Москве. За книгу Ф.И.Беззубовой получил Диплом II степени, за книги С.М.Люлякиной «Моронь гайть» («Песенный звон») и В.К.Радаева «Сурай»

– поощрительные дипломы Всероссийского конкурса искусства книги. Вместе с Л.В.Поповым оформил «Мордовские народные сказки».

Если иногда раньше национальная тема воспринималась отдельными художниками как набор этнографических элементов, то сейчас художникам и зрителям этого стало недостаточно. Стала ощущаться необходимость установить и раскрыть связи современной культуры с ее вековым началом, с народными традициями.

Валентин Алексеевич Попков, заслуженный художник РСФСР, народный художник, заслуженный деятель искусств, лауреат Государственной премии МАССР, в своей картине «Моление о лошадях» не просто воспроизводит забытый народный обряд, но и старается показать национальную психологию. Появляется полотно, национальное по своему духу. Ее сюжет взят из времен дохристианских, когда мордва-язычники верили своим богам: Богу Грому, Богу Молнии. А лошадь в представлениях крестьянина – самая большая сила.

Анатолий Николаевич Баргов, заслуженный художник РМ, лауреат премии Главы РМ начинал как пейзажист. К фольклорной теме обратился в своей работе «Эрзянь озкс» («Эрзянский праздник», 2000).

Есть художники, которые непосредственно связаны с оформительской деятельностью в Мордовском книжном издательстве (Н.Е.Горчакова – кн. М.Е.Евсевьева «Мордовская свадьба», 2012; В.И.Федюнин «Мордовский народный эпос «Масторава», изд.2-е, 2012).

Художник-этнофутурист, заслуженный художник России, СССР и Мордовии, дважды лауреат Государственной Премии РМ, президент Российской Академии художеств Андрей Степанович Алешкин. Значительная часть его произведений посвящена теме религиозных верований мордвы. В его графических работах «Банява», «Варда», «Паксява» можно увидеть собирательный образ мордовских богинь, покровительниц различных сфер жизнедеятельности народа. Герои картин художника –

исторические персонажи и персонажи из мордовской мифологии. С ними автор знаком не из книг и энциклопедий. По словам Алешкина, о богах, древних героях и воинах рассказывала ему бабушка.

На многих произведениях эрзянского художника изображены тотемные животные, чаще всего медведь, который является у всех финно-угров символом первопредка, олицетворяет силу, здоровье и считается оберегом от злых духов. Не обойден вниманием и образ коня, олицетворявшего собой жизнеутверждающие силы природы. Многие картины Алешкина послужили иллюстрациями для книги мордовского народного эпоса «Масторава».

Главной особенностью живописи Алешкина является переплетение традиции и современности. Древняя техника удивительным образом соседствует в творчестве художника с авангардом. Отточенность, выверенность композиции, простота форм, богатство фактурных поисков и цветовых сочетаний – все это из арсенала достижений современного искусства. Выпускник Российской академии художеств, он имеет классическую художественную базу. А в сочетании с блестящим знанием мордовского эпоса и необычной формой его подачи полотна Алешкина погружают в таинственный и фантастический мир прошлого наших предков.

Немалое место в творчестве Николая Степановича Макушкина, заслуженного художника РСФСР, заслуженного деятеля искусств МАССР, лауреата Государственной премии МАССР занимает книжная графика. Много лет художник сотрудничал с Мордовским книжным издательством, оформляя различные книги для детей и взрослых. Пожалуй, самым ярким и впечатляющим стал его труд над литературно-художественным изданием «Масторава». Здесь Николай Степанович талантливо воплотил легендарные персонажи мордовских мифов, песен и сказаний в зримые художественные образы. В книгу вошло 22 иллюстрации и 35 элементов оформления. Художник буквально творил в соавторстве с текстом, помогая глубже

передать атмосферу тех далеких времен и увидеть сильных духом, мужественных эпических героев устно-поэтического творчества.

Книга «Масторава» вышла в свет в 1994 году, но работа над фольклорной тематикой была продолжена. Макушкин создает серии «По мотивам мокша-эрзянского эпоса» и «Мифы мордвы». На Международной выставке «Ялгат» («Друзья»), которая проводилась в Саранске в 2007 году в рамках фестиваля финно-угорских народов, экспонировались его графические листы: «Инешкиава», «Масторпаз и Ведява», «Вердяшкой», «Комолява», «Оплакивание Тюшти» из серии «Мифы мордвы».

(Очерки о художниках)

Юрий Александрович Дырин является ярким представителем этнофутуризма в искусстве Мордовии. Его работы поражают своей уникальностью и великолепными образами. Художественное мышление художника питается одаренностью воображения, а образы извлекаются из фольклора: мифов и легенд. Он по-своему творит образ окружающего мира. Мир Дырина причудлив и загадочен. Тайные значения и символы углубляют жизнь, – считает художник, – все в мире, лишённое тайны, низко. Одна из главных тайн работ Юрия Дырина – загадка сотворения символа, знака. Знак считается основной составляющей его работ. Наделенный ярчайшей фантазией, художник обладает изобретательностью и оригинальностью.

Творчество Юрия Александровича разделяется на два отдельных течения: это «минисказки», образы которых навеяны мудростью фольклора, и этно-футуристическое искусство. Художник объясняет это как работу в стиле творчества народов Мордовии, где вместо традиционных и фольклорных образов акцентами являются сочетания орнаментов, повторяющих своими чертами древние эрзянские росписи на деревянных изделиях, ткани или бытовых предметах. Орнамент в работах Дырина – это не простой украшающий элемент, а средство приобщения зрителя к тайне. В самые последние годы творческие работы Юрия Дырина поражают все

большой сложностью композиций. (*Легенды и предания др. мордвы, 2008, с.117. Сотворение мира (2002).*)

В мордовской диаспоре крупных городов и населенных пунктов ее представители остро желают сохранить самобытную культуру родного народа. Художники черпают сюжеты из собственного опыта, из фольклорного наследия прошлого. Особый интерес для них представляют мифология, праздники и обряды, национальная одежда мордвы.

Среди известных и значимых художников и скульпторов – представителей мордовской диаспоры Москвы и Московской области, в творчестве которых воплощены этнографические сюжеты: Н.В.Ерушев, М.Ф.Ерошкин, И.И.Черапкин, Ю.В.Чумаков, П.С.Добаев, А.И.Масейкина, Л.Журавлева. Из них особого внимания заслуживает имя скульптора, заслуженного художника России и члена Международного Художественного фонда Ивана Ивановича Черапкина. Фамилия этого скульптора вошла во Всемирную энциклопедию художников всех стран и народов. Родился он в 1945 г в с.Старые Каньгуши Ельниковского р-на РМ. Ныне проживает в Москве.

Мифологии древней мордвы посвящена его скульптурная композиция «Мордовская легенда» (2007). В основу положены произведения о том, как девушка выходит замуж за медведя, который уносит ее в свою медвежью страну. В мордовском фольклоре достаточно известны сюжеты, когда девушки становились женами медведей; у них рождались дети – полумедведи, полулюди. По легендам мордвы, медведи когда-то были людьми, но за свои злодеяния превращены в медведей и оставлены проживать в лесах.

Композиция состоит из противопоставления мощной фигуры медведя и стройной девичьей фигурки. На поднятых руках девушка держит полотно с летящими лебедями. Лебеди – посланники богов. Это они должны известить родителей девушки о том, что сам сын Верховного бога Чипаза – Нишкепаз

стал суженым их дочери. Это еще один сюжет из мордовского фольклора – о женитьбе божеств на земных девушках, которых потом забирают на небо.

(Центр и периферия. – 2013. - № 1. – С.118).

Таким образом, художники достаточно широко используют в своем творчестве фольклорные сюжеты и мотивы. Одни из них иллюстрируют сборники мордовского фольклора (и таких большинство). Другие – создают оригинальные живописные полотна и даже скульптурные композиции, используя мордовский фольклор, обряды и обычаи. В последнее время художники все больше стремятся соединить в своем творчестве древние материалы с современными подходами, используя тайные значения и символы.

Фольклорные ансамбли

«Умарина» («Яблонька») – Государственный ансамбль песни и танца РМ. Создан в 1939 году в Саранске как Мордовская государственная капелла. С первых дней своего существования ансамбль заявил о себе как яркий популяризатор мордовского искусства. В исполняемых произведениях рассказывалось о мордовском крае, обычаях, буднях и праздниках его народа. В разное время художественными руководителями «Умарины» были заслуженные деятели искусств России П.Емец и Г.Сураев-Королев, заслуженные деятели искусств Мордовии В.Белоклоков и В.Жестков.

В 1-м составе «Умарины» были выпускники музыкально-драматического техникума и музыкально-драматической студии г.Саранска. В ансамбле начали свой творческий путь замечательные исполнители мордовской песни, заслуженные и народные артисты РФ и РМ Е.Еремеев, Р.Беспалова, М.Антонова, А.Куликова; заслуженные артисты РФ Н.Маркова, В.Грачев, М.Грачева, В.Кудряшов; талантливые исполнители мордовского национального танца заслуженные артисты Мордовии В.Пчелкин, В.Каргина, Т.Градусова, Т.Гераськина, Н.Люзгаева, В.Числяк, А.Ласкорунский.

В репертуаре – мордовские народные песни «Адядо, ялгат, розь паксяв» («Пойдемте, друзья, в ржаное поле»), «Самсон леляй» («Дядя Самсон»), «Вирь чиресэ» («На опушке леса»), «Аляняце вешенттянза» («Батюшка тебя ищет»), «Умари́на», а также произведения мордовских композиторов Л.П.Кирюкова, Г.Сураева-Королева, Г.Г.Вдовина.

Ансамбль – почетный дипломант всероссийских смотров ансамблей песни и танца (г.Москва, 1970, 1979, 1980). Участник фестивалей – всесоюзного «Шолоховская весна» (2000, станица Вешенская Ростовской обл.), международных: Российско-финской дружбы (1992, г.Приморск Ленинградской обл.), «Белорусская музыкальная осень» (1999, г.Могилев), Всемирного конгресса татар (2003, г.Казань) и др. «Умари́на» – лауреат Государственной премии РМ (1974), лауреат Всероссийского конкурса ансамблей песни и танца (1974).

Гастрольные маршруты ансамбля пролегли от Бреста до Сахалина, от Мурманска до Кушки. Он успешно представлял песенно-танцевальное искусство Мордовии в Германии, Болгарии, Чехии, Словакии, Польше, Финляндии, Венгрии.

Записи «Умарины» – в фондах центрального, республиканского радио и телевидения. Выпущены: пластинка «Поет «Умари́на» и компакт-диск. (*Муз.энц., с.338 или Мордва, с.523*)

«**Келу**» («Березка») – фольклорный ансамбль Мордовской государственной филармонии, создан в 1963 году при республиканском Доме народного творчества. Организатор и первый художественный руководитель Г.И.Сураев-Королев.

В 1-м составе ансамбля были рабочие, студенты, участники художественной самодеятельности Саранска – 50 человек. В настоящее время это – выпускники средних специальных музыкальных учебных заведений. С 1979 в ансамбле заслуженные артистки МАССР А.Г.Атласова, Н.В.Спиркина (до 1995).

Репертуар «Келу» ярок и многообразен, включает в себя старинные мордовские песни, инструментальные наигрыши, обряды, танцы, обычаи, а также русские народные песни, пропагандирует мордовское народное многоголосое песенное творчество и сочинения национальных композиторов. В его репертуаре песни как чисто фольклорные, так и в обработке современных композиторов: «Келу», «Вирь чиресэ» («На опушке леса»), «Иванонь Филюсь» («Иванов Филя»), «Косо, косо?» («Где, где?»), «Од цера» («Молодой парень»), «Тундонь пакся» («Весеннее поле»), фрагменты из народной музыкальной картины «Мокшанская свадьба» Н.В.Кошелевой и многие др.

Зрители не только Мордовии, но и множества городов России получили возможность познакомиться с яркой, самобытной музыкальной культурой мокши и эрзи. Ансамбль тепло встречали в Германии, Венгрии, Финляндии, Швейцарии, Польше.

«Келу» – участник XII Всемирного фестиваля молодежи и студентов в Москве (1985), международных фестивалей: в Хельсинки (1989), в Саранске (1994), в Швейцарии (1994), в Польше (1997). На Российском фестивале экономического и культурного сотрудничества «Москва и регионы России. Развитие – в единстве!» (1999) в конкурсе «Песни народов России» удостоен золотой медали. В 1989 на Всероссийском телерадиоконкурсе «Голоса России» в г.Смоленске удостоен 2-й премии.

Записи – в фондах телекомпаний «Останкино», «Мордовия», всероссийского радио. *(Мордва, с.522)*

В1996 на базе ансамбля «Келу» был создан ансамбль народного танца «Лейне» («Реченька»). Первыми его участниками были артисты художественной самодеятельности. Далее коллектив пополнялся выпускниками факультета национальной культуры МГУ им. Н.П.Огарева и Мордовского республиканского колледжа культуры и искусства. В репертуаре – танцы народов мира, но приоритетное направление –

пропаганда мордовского национального танца. Ансамбль участвовал в правительственных республиканских мероприятиях, в программе Г.З.Заволокина «Играй, гармонь». Гастролировал на Урале, Северном Кавказе, в Поволжье, районах и городах Мордовии.

«Торама» – мужской фольклорный ансамбль создан в 1990 при Мордовском республиканском училище культуры. Его рождению предшествовала длительная полевая работа будущих участников ансамбля древней музыки эрзян и мокшан по собиранию фольклора народов, населяющих Мордовию, его расшифровка, описание традиционных обрядов и запись некоторых из них на видеопленку. Организатор и руководитель ансамбля – фольклорист, музыкант, кинодокументалист В.И.Ромашкин.

В составе ансамбля профессиональные и самодеятельные музыканты, пропагандирующие традиционную самобытную культуру мордовского народа. Репертуар ансамбля состоит из всех музыкальных жанров с частичным показом обрядовых ситуаций и ритуалов. Исполняемые песни и инструментальные образцы в основном древние, архаичные, зачастую уже не исполняемые в быту. Используют мордовские народные музыкальные инструменты, которые изготавливают сами участники ансамбля. (Торама – старинный мордовский музыкальный инструмент). Практикуются лекции-концерты, знакомящие слушателей с самобытной культурой мокши, эрзи, шокши (теньгушевской группы эрзи) и каратаев (одной из этнографических групп мордвы на территории Татарстана). Концерты-лекции сопровождаются выставкой изделий народных мастеров – керамики, деревянной игрушки, вышивки и украшений. Выступления ансамбля популярны не только в городах и селах Мордовии, но и среди мордовской диаспоры и за рубежом.

Уже в 1991 году состоялись гастроли ансамбля в Финляндии, итогом которых стала первая аудиокассета и передача по телевидению на TV-2 в г.Тампере. «Торама» – участник фестивалей фольклорной музыки в финских г.Йоэнсу (1992) и г.Ряккюля (1993); лауреат 2-го телерадиоконкурса

исполнителей народной песни «Голоса России» (г.Смоленск, 1994). В 1991, 1997 гастролировал по городам Финляндии, в 1994 – Англии. В 1999 образован коллектив «Торама-jazz». Самарской студией телевидения снят фильм «Зов «Торамы» (главный приз и звание лауреата на 4-м международном фестивале телепрограмм и телефильмов «Финно-угорский мир», Саранск, 1994). Впервые в истории мордовской музыки в исполнении ансамбля в Финляндии записаны на компакт-диск эрзянские, в Эстонии – мокшанские старинные песни. «Торама» – лауреат Государственной премии РМ (1995). Сняты музыкально-этнографические фильмы «Каратаи», «Истоки», «Зов торамы», «О чем поет «Торама». (*Муз.энц., с.331, Морд.энц., т.2, с.415*).

Владимир Иванович Ромашкин – заслуженный деятель искусств РМ, лауреат Государственной премии РМ (1994), кавалер ордена Крест Земли Святой Марии (Эстония, 2000), лауреат премии имени А.П.Рябова. Это – яркая личность, он внес огромный вклад в развитие мордовской культуры. Его имя известно не только по всей России, но и за границей, в Финляндии, Норвегии, Швеции существуют его фан-клубы. Об этом говорили почитатели его таланта. Но, к сожалению, Владимир Ромашкин рано ушел из жизни. Дело, начатое им, продолжают его соратники. В 2002 году руководителем ансамбля «Торама» стал его сын – А.В.Ромашкин. В с.Подлесная Тавла открыт Дом-музей им.В.Ромашкина, который проводит ежегодные фестивали мордовской народной песни, посвященные памяти Ромашкина. (*Муз.энц., с.282 или Элита, т.2*)

В 2000 году основана детская фольклорная хоровая студия «Торама» при Саранском Дворце детского творчества (руководитель – Г.В.Дулкин).

«Сюлгамо» (сюлгам – так называется принадлежность мордовского национального костюма, застежка на груди) – фольклорный ансамбль, почти все участники которого из с.Мурань Кочкуровского р-на РМ. Основан он был около 40 лет назад. Основательницей ансамбля с таким красивым названием

была Раиса Григорьевна Климкина. Всю свою жизнь она посвятила сохранению мордовской культуры.

В репертуаре ансамбля немало старинных обрядовых песен: свадебных, рождественских, масленичных, рекрутских и др. Есть в его репертуаре песни сказительницы С.Люлякиной: «Матря патяй, ков молят?» («Тетя Матрена, куда идешь?»), «Эрзянь кель» («Эрзянский язык»), «Семеричка-карть» («Лапти-семерички») и др. Ансамбль хорошо знает свадебные песни и обряды, поэтому свадьбы в Мурани проводит именно он.

Значительное место в репертуаре «Сюлгамо» занимают похоронные плачи. Это они, женщины из ансамбля оплакивали эрзянского поэта, ученого-языковеда Д.Т.Надькина и основателя «Торамы» В.И.Ромашкина.

Большинство участниц «Сюлгамо» – женщины пенсионного возраста. Их многоголосое пение слушали в Москве, Калининграде, Йошкар-Оле. В течение ряда лет ансамбль являлся лауреатом фестиваля народного творчества «Шумбрат, Мордовия!».

«**Мерема**» (от эрз. «меремс» – сказать) – руководитель ансамбля Екатерина Модина, преподаватель кафедры народной музыки Института национальной культуры МГУ им. Н.П.Огарева. По примеру «Торамы», возродившей мужское многоголосие, «Мерема» (в ее составе 6 участниц) сохраняет уникальное женское национальное пение, стараясь представить зрителю обычаи, обряды и традиции древней мордвы в подлинном звучании. Для этого регулярно проводятся этнические экспедиции в села Мордовии, чтобы собрать и сохранить для будущих поколений старинные мордовские песни, традиции и обряды. Первая экспедиция состоялась в с.Низовка Атяшевского р-на РМ, где получили много ценной, а порой и уникальной информации от участников сельского коллектива «Од пора» («Новое время»): песни «Вай, удынь, удынь» («Ой, спала я, спала»), «Лукашань прязо сэреди» («У Лукаши голова болит»). В дальнейшем участницы ансамбля планируют побывать во всех мордовских селах республики.

В репертуаре ансамбля – оригинальные мокшанские и эрзянские песни, собираются включить и те песни, которые еще помнят жители сел, но не слышал широкий зритель. Концертные костюмы участниц ансамбля являются оригинальными. Во время выступлений артисты переобуваются в лапти-семерички, которые были в ходу когда-то у мордвы. Нередко старинные наряды дарят им во время концертов в мордовских селах.

«**Эрзянка**» – фольклорно-этнографический ансамбль создан был в с.Чиндяново Дубенского р-на РМ в конце 30-х годов как хор, с 1954 – ансамбль. Участницы: М.Ф.Акайкина, В.М.Демкина, М.И.Демкина, П.П.Исаева, А.И.Никитина, Н.С.Никитина, А.П.Русскина, Н.И. и М.А.Седойкины, В.М.Семкина, А.Д.Христофорова. Руководитель – Н.И.Седойкина.

В репертуаре ансамбля – произведения местной певческой традиции (свадебная лирика, лиро-эпические, круговые и детские песни, частушки). Исполняют и собственные произведения – «Кенде веле» («Село Кендя»), «41-й год», «Ош пандо» («Городищенское поле») и др. Исполнение отличается зрелищностью, звучанием, импровизацией. Ансамбль участвовал в республиканских праздниках фольклора, радио- и телепередачах, фестивале «Московская осень» (1985), международных фольклорных фестивалях в г.Клайпеде (1987), «Балтика-89» (Эстония), в 1991 – в Бельгии, Германии, Нидерландах, Франции, Швейцарии.

В 1990 фирма грамзаписи «Мелодия» выпустила пластинку «Кенде веле: Эрзянка». *(Муз.энц., с.392)*

«**Мокшаваня**» («Мокшаночка»). Кочетовский народный хор создан в 1941 в с.Кочетовка Инсарского р-на. В составе хора 17 человек. Художественный руководитель – заслуженный работник культуры МАССР А.Т.Канайкина.

В репертуаре хора мордовские народные песни: «Вири молян» («Пойду в лес»), «Келу» («Береза»), «Ожу мон розь панчфокс панжан» («Подожди, я

расцвету»), вокальные произведения собственного сочинения «Кочетовска веленьке» («Деревенька Кочетовка»), «Песня об Инсаре», «Герой», частушки, сцены из традиционных обрядов, произведения Г.И.Сураева-Королева, Н.В.Кошелевой, Н.Н.Митина. Участники хора записывают в селах произведения фольклора, создавая свою фонотеку.

Хор выезжал с концертами в республики Поволжья, Нижегородскую и Пензенскую области, в Москву, Венгрию, Финляндию. Лауреат 2-го Международного фестиваля фольклора финно-угорских народов (1996, Башкортостан), участник 7-го Международного фестиваля фольклора финно-угорских народов (1999, Удмуртия). Лауреат Государственной премии РМ (1999). *(Картина В.Илюхина «Кочетовский нар. хор. - Очерки о художниках»)*

«Мокшаваня» («Мокшаночка») – фольклорный ансамбль создан в 1988 году в с.Мордовская Поляна Зубово-Полянского р-на РМ. Основала ансамбль Валентина Дмитриевна Пинясова, в то время директор местного ДК. Спустя годы она стала руководителем сельского поселения, оставаясь во главе созданного ею ансамбля. В него вошли тогда школьные учителя, клубная уборщица и другие, все те, кто любил и знал мокшанскую культуру. Участницы до сих пор сами изготавливают костюмы и украшения из бисера. Сейчас в составе ансамбля 9 женщин.

Известен ансамбль в своем регионе, в Москве и других городах России. Участвовал в различных смотрах и конкурсах, получил звание народного. «Мокшаваня» – участник фестиваля «Шумбрат, Мордовия!» и конкурса «Играй, гармонь!».

«Марлюня» («Яблонька») – мокшанский народный ансамбль был создан в конце 60-х годов в с.Новое Пшенево Ковылкинского р-на РМ. Бессменным руководителем все годы была учительница местной школы Зоя Михайловна Комусова, которая вначале организовала народный хор, позже ставший фольклорным ансамблем «Марлюня». Репертуар большой, состоящий из национальных песен.

Объездили все окрестные села, участвовали в праздниках, смотрах художественной самодеятельности, фестивалях народного творчества; отмечены благодарностями, почетными грамотами, дипломами, в т.ч. 1-й степени.

Старотеризморгский народный фольклорный хор создан в 1957 году при ДК с.Старая Теризморга Старошайговского р-на РМ. Основатель и художественный руководитель – А.П.Куданкин. В 1969-89 хором руководила Н.М.Кадерова, с 1977 – В.П.Ямашкина. В составе хора – сельская интеллигенция, колхозники. Вначале хор существовал как небольшой фольклорный ансамбль, затем вырос до 40 человек. В репертуаре более 100 мордовских народных песен. Основу составляют протяжные песни: «Максимонь Варась» («Максимова Варвара»), «Пораж велесь» («Село Пораж»), «Иванонь Филюнясь» («Иванов Филипп»), «Луганяса келунясь» («На лугу березонька»), «Эрзянь полюнясь» («Эрзянка Поленька»).

В 1995 при хоре организован детский фольклорный ансамбль «Мокшаваня» («Мокшаночка», а с 1997 переименован в «Лаймоня» («Черемушка»). Старотеризморгский народный фольклорный хор с 1992 года вошел в состав Старотеризморгского центра национальной культуры Старошайговского района РМ.

Хор выступал в Пензе, Горьком, Ульяновске, Ижевске, Йошкар-Оле, Москве, республиках Коми и Татарстан, в Венгрии, Финляндии, Эстонии.

Лауреат Государственной премии РМ (1996). Хор является лауреатом всероссийских смотров и фестивалей самодеятельного художественного творчества (1967, 1972, 1973, 1978, 1987, 1991). Участник 2-го (1993, Венгрия) и 3-го (1996, г.Саранск) международных фестивалей фольклора финно-угорских народов; праздника финно-угорского народного костюма (2002, г.Йошкар-Ола; 1-е место за лучшее оформление костюмов в номинациях «Песни», «Обряды», «Пляски»). «Черемушка» – победитель

фестиваля детского творчества «Венок России» в Москве (2002). Лауреат Государственной премии РМ (1996).

Часть репертуара хора издана фирмой грамзаписи «Мелодия» на пластинках. *(Муз.энц. с.315)*

«Норовава» (мифологическая покровительница урожая) – шокшамордовский ансамбль сложился в середине 60-х годов XX века из числа знатоков традиционного фольклора с.Нароватова Теньгушевского р-на РМ. В репертуаре представлены произведения всех жанров шокшанского фольклора: колыбельные, обрядовые и необрядовые песни, свадебные причитания, плачи. Наиболее известные: «Чавка» («Галка»), «Сезьганкай» («Сорока»), веснянки «Ведявакай» и «Вирявакай».

Ансамбль участвовал в республиканских и всесоюзных фестивалях народного творчества в Саранске, Москве (1982), Международном фестивале фольклора в Клайпеде (1985). *(Муз.энц., с.227)*

«Норовава» – еще один фольклорно-этнографический ансамбль с таким названием основан был в 1994 при факультете национальной культуры МГУ им.Н.П.Огарева. Художественный руководитель – Е.С.Грачева. В 1-м составе коллектива были студенты факультета национальной культуры и уроженки Кочкуровского р-на. В наши дни ансамбль существует вне университета и в его составе 9 участниц, поющих на 4 голоса. Все они уроженки Напольной Тавлы Кочкуровского р-на РМ, выступают в национальных костюмах. В репертуаре – около 40 эрзянских песен, обрядовых и необрядовых. Наиболее известные: «Козонь чачнесь комлянъ авась» («Где родилась хмелиная матушка»), «Удынь-мадинь, а урякай» («Ложилась-спала я, невестушка»), «Симат-ярсат, Саран ошонь эрзя...» («Пьешь-ешь, саранский эрзянин...»), «Гусь авинесь...» («Ушла матушка...»). В студии записано 10 песен.

Ансамбль принимал участие в концертах народной музыки, фестивале «Шумбрат, Финно-Угрия!», «Дни родственных народов». Выезжал в Финляндию.

«Цековне» («Соловушка») – фольклорный ансамбль создан в 1985 при ДК с.Низовка (с 1994 – народный). Художественный руководитель – Г.К.Приставкин, с 1995 – В.В.Тюгашкин. В ансамбле – сельская интеллигенция, учащиеся средней школы. В репертуаре ансамбля мордовские народные песни (календарные, семейно-бытовые, круговые) и песни мордовских композиторов.

«Цековне» – лауреат всесоюзных фестивалей самодеятельного творчества (1987, г.Оренбург; 1991, г.Костомукша, Карелия), фестиваля народного творчества (1985, г.Чебоксары). Дипломант республиканского фестиваля-конкурса народной песни им. М.Н.Антоновой (1996), фестивалей самодеятельного искусства «Все краски радуги» (2001), «Таланты земли мордовской» (2003), «Шумбрат, Мордовия!» (2005, 2007). В 1994 удостоен почетного звания «Народный коллектив». *(Муз.энц.,с.370)*

«Поюня» («Осинка») – ансамбль организован в конце 90-х годов в с.Мордовская Паевка Инсарского р-на РМ. Организатор – Валентина Егоровна Вельмайкина. После окончания в 1988 Мордовского культпросветучилища вернулась в родное село, где живет и поныне, руководит ансамблем, в котором 10 сельчанок, людей разных специальностей. Но все они любят мордовское народное творчество. В репертуаре такие песни, как «Ош паксянясь» («Городское полношко»), «Катенька стирьясь» («Девушка Катенька»), «Туян, туян, тядякай!» («Уйду, уйду, матушка!») и др.

Ансамбль принимает ежегодное участие в фестивале «Шумбрат, Мордовия!». Недавно «Поюня» занял 1 место в районном фестивале народного творчества «Наш дом – Россия», а руководитель Валентина Егоровна не раз принимала участие в конкурсе «Играй, гармонь любимая!».

«Лихтибряня» («Родничок») – фольклорный ансамбль, в составе которого 9 человек, появился на рубеже веков в с.Мордовская Пишла Рузаевского р-на РМ. Его организатором и бессменным руководителем остается Татьяна Ивановна Китаева. Ансамбль имеет богатый фольклорный репертуар. Не раз «Лихтибряня» становился участником республиканского конкурса «Шумбрат, Мордовия!». На фестивале 2007 «Шумбрат, Финно-Угрия!» принимал участие, показывал мокшанскую свадьбу, удостоен наград.

«Колорит» – ансамбль народной песни, организован в 2003 при детской школе искусств с.Атемар Лямбирского р-на РМ. В составе – 36 участников 3-х возрастных групп от 5 до 16 лет. Руководитель – Анна Петровна Полшкова, преподаватель высшей категории, выпускница Саранского музыкального училища, Российской Академии им. Гнесиных. Она учит детей любить народные песни и беречь старинные обряды.

В репертуаре более 20 концертных номеров. «Колорит» – участник Республиканских, Всероссийских и Международных конкурсов. Занимали призовые места, лауреат 1 степени XIII Международного конкурса-фестиваля в Будапеште и Закопане (Польша). В марте 2013 в Москве ансамбль награжден Золотым кубком и дипломом Лауреата Всероссийского фестиваля.

«Пиже лугине» («Зеленая полянка») – ансамбль из с.Кечушево Ардатовского р-на РМ был создан в 2003. Инициаторами создания стали семья Лидии и Виктора Гудошниковых, отметивших свою золотую свадьбу. В ансамбле – 8 женщин, все пенсионного возраста. Самой старшей – 75 лет. Возможно, поэтому любимой песней участниц ансамбля и стала «Сыречи» («Старость»). В репертуаре – много старинных эрзянских песен. Ансамбль выступает не только на сельских праздниках, но и на районных, республиканских песенных конкурсах.

«Ламзурь» – фольклорно-этнографический ансамбль создан в 1994 в г.Саранске (Ламзурь – языческое эрзянское женское имя). Основатель –

поэтесса Р.С.Кемайкина, руководитель с 1997 – Р.Б.Щанкина. Участники – женщины разных возрастов и профессий: сотрудницы редакций газет и журналов, учителя школ Саранска. «Ламзурь» пропагандирует народное искусство эрзи. В его репертуаре – произведения семейно-обрядового фольклора, патриотические, колыбельные, шуточные, сатирические, бытовые и песни на стихи эрзянских поэтов, а также сцены из народных праздников и обрядов. Ансамбль участвует в мероприятиях Министерства культуры РМ, общественных организаций, финно-угорских стран (фестиваль «Лара», 1996, 1997, Эстония). *(Муз.энц., с.158)*

Потом на базе «Ламзури» появилась «Эрзява» («Эрзянка»), продолжившая сложившиеся традиции: пели мордовские песни, выступали перед зрителями Мордовии, а потом – и за ее пределами, добрались до Эстонии. Шло время и в 1997 вместо «Эрзянки» организован был женский ансамбль «Литова» (женское имя из мордовской мифологии). В 2010 на его основе появилась Мордовская республиканская общественная организация «Литова».

«Ойме» («Душа») – стала знаменитой фольклорной группой, созданной за пределами Мордовии, в Москве. Выступления на крупнейших фолк- и рок-фестивалях всего за один год сделали известной даже тем, кто о мордовском народе не слышал никогда. Самым ярким эпизодом в творческой карьере «Ойме» стал диалог с Дмитрием Анатольевичем Медведевым. В 2011 г он приехал на фестиваль «Сотворение мира» в Казань, где собралось около двухсот тысяч зрителей. Здесь Президент встретил солистку «Ойме» Ежевику Спиркину в национальном эрзянском костюме и с люлямой, огромным посохом с колокольцами, в руках. Ежевика принялась рассказывать о культуре мордвы. Медведев подержался за посох и принял в подарок 2 альбома мордовской музыки. Уже через месяц состоялась презентация этой фольклорной группы в одном из центральных клубов Москвы.

Идея создания «Ойме» появилась за 2-2,5 года до этого. Тогда Е.Спиркина показывала композитору и аранжировщику Владимиру Осинскому народную музыку эрзи и мокши, записи ансамбля «Торама», основателя которого, В.И.Ромашкина, считала своим учителем. Тогда и решено было сделать проект, результатом которого было бы сохранение красоты мордовских народных песен. Сделали запись песни «Пандозе» («Моя гора») и неожиданно попали на фестиваль «Дикая мята».

Концерты «Ойме», как правило, начинаются с песни «Пазчангодть» – это обряд благопожелания: так обычно в деревнях желали добра на свадьбах. На призыв «Пазчангодть!» поднимали руки ладонями кверху и обращали их к солнцу. Именно так зрители делают на концертах, даже не понимая мордовского языка. Воспроизводится группой и обряд «Роштувань кудо» («Рождественский дом»). В репертуаре группы – исполнение песен мокши, эрзи и шокши.

Музыканты «Ойме» – одни из немногих, кто регулярно ездит в этнографические экспедиции с целью собрать новый для себя материал. Девушки объездили многие районы Мордовии, захватили и Лукояновский район Нижегородской области, где живут эрзя. О тонкостях национальных обрядов они узнают из первых рук – от деревенских старушек.

Одна из последних задумок группы – занятия с детьми, обучение их мордовским народным песням. Пока учебная группа в Москве маленькая, но девушки верят, что всплеск интереса к национальной культуре у проживающей в мегаполисе мордвы еще впереди.

«Мордовочка» – фольклорный ансамбль, который создан в с.Акатьево Коломенского р-на Московской области. Основательницей этого ансамбля стала уроженка с.Манадыши Ардатовского р-на Мордовии Марина Макаркина, ныне директор Акатьевского ДК. В ансамбле – 11 человек, постоянных участников – 8. Поют в ансамбле не только ардатовские эрзяне, но и зубовополянские мокшане. Выступают в мокшанском наряде, но

мечтают приобрести и эрзянский народный костюм. Когда бывают в Мордовии, стараются записать народные песни от старожилков сел, пополняя свой репертуар. Поют выходцы из мордовских сел вместе со своими дочерьми и снохами. Будучи оторванными от родных мест, они бережно хранят родной язык, устои и традиции.

Таким образом, еще в 30-е годы XX века была начата работа по сохранению и пропаганде старинных мордовских песен, обычаев, обрядов и традиций. Стали организовываться фольклорные коллективы, участниками которых были как самодеятельные исполнители, так и профессиональные артисты. Спустя годы и десятилетия эти фольклорные ансамбли продолжают свою деятельность, приобретая известность не только в республике, но и за ее пределами, и даже за рубежом, становясь дипломантами и лауреатами всевозможных конкурсов и фестивалей. Фольклорные коллективы продолжают рождаться и поныне, не всегда большие, часто известные в пределах только своего района. Практически в каждом районе Мордовии есть свои фольклорные коллективы, более или менее известные. Но все они делают одно дело – бережно хранят драгоценные крупницы народной поэзии. Свои творческие коллективы существуют и среди мордовской диаспоры (Москва, Московская обл.), а также в Самарской области, в Удмуртии.

Национальная культура – это сложное образование, которое включает в себя и народную, и профессиональную культуру. Обе они тесно переплетены друг с другом. Профессиональная культура буквально пронизана фольклорными мотивами. А иначе и быть не может, поскольку любой настоящий мастер, добиваясь достоверности в своем творчестве, не сможет миновать чашу народной мудрости.

Часть 4. Мордовский фольклор в современной школе

Использование фольклора в дошкольных учреждениях

Личность ребенка начинает формироваться уже в дошкольном возрасте. И большое значение для приобщения детей к национальной культуре имеет ознакомление их с родным краем. Поэтому в программах воспитания и обучения в дошкольном учреждении особое внимание уделяется региональному компоненту. Уже с младшего возраста детей нужно приобщать к культуре своего края.

В сокровищнице мордовской культуры почетное место занимает устно-поэтическое творчество. В фольклорных произведениях, считают педагоги, заключена особая воспитательная ценность. Для детей дошкольного возраста несомненным является знакомство с детским фольклором. Ознакомление детей с малыми фольклорными жанрами направлено, прежде всего, на решение задач речевого и познавательного развития.

Создаваемая столетиями, связанная с бытом, родовыми и семейными отношениями, праздниками, обрядами, народной педагогикой, игра стоит в ряду лучших творений традиционного искусства. Мордовские игры решают задачи совершенствования физических и духовных качеств, двигательных навыков и умений ребенка, способствуют упражнению мышц, выработке правильной осанки.

Игры уходят корнями в далекое прошлое. Они самобытны и имеют свои особенности. В играх, проводимых на улице, дети выражают собственное отношение к природе, отождествляют зверей и птиц, домашних животных с добрыми и злыми силами людей и лесов («В коршуна и цыпляток»). Подвижные игры направлены на воспитание в детях силы, смелости, ловкости, сметливости, гибкости и точного глазомера («Наша горка»). Ролевые игры имеют свои особенности. В них дети стремятся передать в изображаемых героях – в людях, зверях, птицах – их характерные черты: манеру двигаться, разговаривать, душевные качества –

доброту, смелость, злость, трусливость («В журавлей», «В белочек», «В коровку»).

С интересом дети играют «В кошку». «Мать», уходя из дома, попросила стеречь горшки с маслом, сметаной и молоком. Этот разговор подслушивает «кошка». Далее следует развитие действия: хитрая «кошка» обманывает «дочь», обещает приглядеть за всеми продуктами. Она съедает что-нибудь и убегает. Возвратившаяся «мать» догадывается о «непослушании» дочери и бранит ее. «Дочь» просит прощения.

Воспитатели логопедических групп МДОУ «Детский сад № 71 комбинированного вида» Н.Н.Кадушкина, М.А.Кузнецова и Н.С.Мокрова убеждены, что фольклор помогает развивать речь, что немаловажно для детей с общим недоразвитием речи. Произведения народного творчества в работе с детьми следует рассматривать как равнозначное средство в ряду других средств развития речи. «Чем раньше начнем знакомить ребенка с фольклором, чем чаще это делать, тем больше шансов на то, что ребенок станет лучше говорить, раньше научится связно выражать свои мысли, свои эмоции... Пословицы и поговорки... Мы оформили папку-«передвижку», в которой записывали уже известные детям выражения. Каждый ребенок может взять ее домой, с помощью родителей записать новую поговорку, нарисовать к ней картинку... Загадки. Придумывание и отгадывание загадок оказывает весьма сильное позитивное влияние на развитие речи ребенка... Загадки использовали как средство проверки и закрепления знаний в занимательной форме... Потешки могут использоваться в логопедической работе с первых дней обучения. Их содержание позволяет наглядно воспроизводить сценки... Подтекст потешек дети могут изображать движениями или выполнять действия с игрушкой, мячом, использовать маски, шапочки... Тексты сказок расширяют словарный запас, помогают правильно строить диалоги, влияют на развитие связной речи. Придумывание новых названий сказок – игра «Назови сказку. Для

всестороннего развития детей приобретают значение игры-забавы с использованием фольклора. Вводить в игры нужно хорошо известные детям потешки, считалки, загадки, пестушки...» (Нар. обр. РМ. – 2011. – № 6. – С.117-120).

Как показывает практика, воспитатели дошкольных учреждений уже оценили возможности использования малых форм фольклора не только в целях развития физических, но и умственных способностей детей, когда закрепляется умение рассказывать, активизируется словарь, вырабатывается выразительность и четкость речи. Коллектив детского сада «Солнышко» в г.Ковылкино в течение ряда лет работает над темой «Мой дом – Мордовия», исходя из этого, воспитатель этого сада приходит к выводу, что мордовские игры необходимо вводить в жизнь детей не от случая к случаю, а постоянно и во всех детских садах.

Региональный компонент при изучении школьного курса литературы (фольклор)

Концепция и программы для общеобразовательной школы предусматривают знакомство детей на уроках литературного чтения (для начальных классов) и на уроках литературы (для среднего звена) с образцами русского устного народного творчества. В рамках национально-регионального компонента возможно знакомство учащихся с близкими по тематике произведениями мордовского устного творчества (что и делают творчески работающие педагоги). Все это хорошо вписывается в те вопросы и задания, которые предлагаются в учебниках. Вот некоторые варианты.

1 класс

Русское

устное народное творчество.

Загадки.

По синему небу

Тарелка плывет.

Мордовское

устное народное творчество.

Серебряная тарелка,

Видишь, да не достанешь.

деревянная рубашка,
где носом ведет,
там заметку кладет.

(Карандаш)

Не ездок, а со шпорами,
не сторож, а всех будит.

(Петух)

Сидит дед во сто шуб одет;
кто его раздевает – слезы проливает.

(Лук)

Красная девица сидит в темнице,
а коса на улице.

(Морковь)

Пословицы и поговорки.

Родина – мать,
За нее постоять.

Где смелость, там и победа.

Нет друга – ищи,

А нашел – береги.

Делу – время, а потехе – час.

Не стыдно не знать, стыдно не учиться.

Там дорогу проложит.

Хвост – серпом,

Шея – серпом,

Сапоги со шпорами.

Ночью поет,

Время сообщает.

Сидит в земле сердитый дед,

В шубу желтую одет,

Кто его раздевает,

Слезы горькие проливает.

В земле огонь горит,

Дым выходит на улицу.

Кто Родину любит,

Тот и борется за нее.

Человек без Родины,

Что птица без гнезда.

Смелый и сильного победит.

Нового друга ищи,

А старого не оставляй.

Сделал дело – отдыхай смело.

Век живи, век учись.

Что прочитаешь, то и узнаешь.

Сказки.

Петушок и бобовое зернышко.

Лиса и тетерев.

Петушок и курочка.

Синица.

Сойка.

3 класс

Докучные сказки.

Жил-был карась,

Вот и сказка началась.

Жили-были два налима,

Вот и сказки половина.

Жили-были три гуся,

Вот и сказка вся.

Жили-были старик со старухой,

Была у них доченька,

Пошла дочка по воду –

Вот и сказке конец.

5 класс

Бытовые сказки.

Солдатская шинель.

Горячие сани.

6 класс

Календарно-обрядовые песни.

Колядки.

Коляда, коляда!

Подавай пирога,

Блин да лепешку

В заднее окошко!

Новый год пришел,

Старый угнал,

Себя показал!

Ходи, народ,

Солнышко встречать,

Мороз прогонять!

Коляда! Произрастающий хлеб

да уродится,

Коляда! Солома его с оглоблю,

Коляда! Колос его с конец дуги,

Коляда! Зерно его с коляду,

Лупушки-лапушки, давай,

молодушка, пирожки.

Пословицы и поговорки.

На чужой стороне и весна не красна.

На чужой сторонushке и летом

холодно.

Без труда не выловишь рыбку из пруда.

Не намочив руки, лицо не умоешь.

Без наук как без рук.

Хорошие люди до смерти учатся.

Лежебоке и солнце не в пору всходит.

Солнце не ждет, когда ленивый

встанет.

На голове густо, а в голове пусто.

Ростом с дерево, а ум с орех.

7 класс

Предания.

Воцарение Ивана Грозного.

Избрание царя Тюштяна.

Карело-финский эпос

Мордовский народный эпос

«Калевала».

«Масторава».

Пословицы и поговорки.

Предлагается знакомство с пословицами и поговорками народов мира. Можно сделать подборку из пословиц и поговорок мордовского народа (на усмотрение учителя).

8 класс

Лирические песни.

В темном лесе, в темном лесе...

Ой, луг, луг.

Исторические песни.

Пугачев в темнице.

Ой, смотрите, люди, смотрите.

Частушки.

Под твою, милый, игру

Ну-ка, Ваня, поиграй,

Песен не напеться,

Играй поживее.

На тебя, хороший мой,

Нам плясать под музыку

Век не наглядеться.

Будет веселее.

Проводила я забаву

Ох, горько, тяжело

За литой чугунный мост.

Дом родимый покидать.

От росы ли тропка смокла,
От моих ли горьких слез?!

Еще горше, тяжелей
Залеточку провожать.

Предания.

О Пугачеве.

О Емельяне Пугачеве.

Использование мордовского фольклора на уроках иногда находит самое неожиданное воплощение. Так, учитель Аловской СШ Атяшевского р-на Л.И.Вавилкина подготовила и провела урок-концерт по экологии в 11 классе.

Тема урока: История развития культуры отношений к природе эрзи, мокши и других народов Мордовии.

В фольклоре мордовского народа, его традициях и обрядах тема природы, в целом, и отношение человека к разным объектам природы, в частности, занимает особое место. Ведь древняя мордва селилась и проживала в лесных массивах. Поэтому люди, занявшие лесные плодородные и богатые дичью земли вдоль рек, прекрасно понимали, что без разумного отношения к ним невозможно существование рода человеческого.

У мордовского народа существуют целые циклы произведений о растениях, родниках, полянах, лугах и т.д. В них воспеваются красота и мощь природы, душевные переживания человека, его эмоциональное состояние. Мудрость мордовского народа по отношению к природе проявляется в легендах, сказках, загадках, приметах, обычаях. С этим связано облагораживание родников, священные рощи, культура общения с животными, охрана красиво цветущих растений.

Программа факультатива «Устно-поэтическое творчество мордовского народа»

Предлагаемый факультативный курс основывается на той теоретической базе, когда уже изучены основные поэтические категории, состоялось знакомство со многими жанрами русского фольклора. В устном творчестве есть группы произведений, которые в средних классах труднодоступны для понимания (календарно-обрядовая поэзия; былички,

основанные на древнеязыческих верованиях; песни о малолетнем муже). Поэтому наиболее приемлемым считаем изучение данного факультативного курса в 8-10 классах.

Основные приемы работы: лекция-беседа и беседа (для первых двух тем), беседа в сочетании с комментированным чтением текстов – для последующих. Заключительное занятие можно провести в форме: лекция-концерт, урок-КВН и др.

Тема 1. Что такое фольклор (2 ч)

Понятие термина. Особенности устно-поэтического творчества мордовского народа. Развитие фольклористики в разные периоды истории. Известные мордовские фольклористы.

Тема 2. Формы отражения действительности в фольклоре (2 ч.)

Жанровый состав мордовского фольклора и происходящие в нем изменения. Поэтическое отображение жизни народа в устно-поэтическом творчестве. Переводы текстов и их специфика.

Тема 3. Календарно-обрядовая поэзия (2 ч.)

Жанры обрядового фольклора. Циклы календарно-обрядового фольклора: зимний, весенне-летний, осенний. Тесная связь календарно-обрядового фольклора с хозяйственной деятельностью человека. Поэтическое богатство календарно-обрядовых песен. Судьба календарной поэзии в наши дни.

Тема 4. Семейная обрядовая поэзия (2 ч.)

Свадебный обряд и его поэзия. Причитания. Величальные и корильные песни. Приговоры. Импровизации. Идеино-тематическое содержание поэзии. Связь свадебного обряда с бытом, верованиями и обычаями народа. Главные действующие лица свадебного действия.

Тема 5. Похоронные обряды и причитания (1 ч.)

Мордовские похоронные обряды и их тесная связь с эсхатологическими представлениями народа. Общественный характер

плачей. Причитания о рекрутах. Поэтические особенности похоронных и рекрутских плачей.

Тема 6. **Заговоры** (1 ч.)

Назначение и ритуал исполнения заговоров. Деление их на белые и черные. Богатство языка произведений. Постоянство композиции: зачин, основная часть, закрепка.

Тема 7. **Пословицы и поговорки** (1 ч.)

Жанры и виды паремического творчества: пословицы, приметы, афоризмы, максимы, присловицы, девизы, парадоксы, прибаутки, скороговорки, загадки. Пословицы как обобщения жизненного опыта. Наставительно-дидактическая и эстетическая ценность пословиц и поговорок.

Тема 8. **Приметы** (1 ч.)

Наблюдательный и практический характер примет. Их образность, простота. Суеверные приметы. Судьба примет в наше время.

Тема 9. **Загадки** (1 ч.)

Древнее происхождение загадок. Их социально-эстетические функции. Загадки-метафоры, загадки-вопросы, загадки-задачи.

Тема 10. **Сказки** (2 ч.)

Жанровые признаки сказок. Изменение древней функции сказок. Сказки о животных, фантастические и бытовые.

Тема 11. **Эпические песни** (2 ч.)

Тематическое и поэтическое богатство песен. Героические песни о борьбе с внешними врагами, о борьбе человека со смертью, о взаимоотношениях людей и божеств, об охотниках, о хлебопашцах. Семейно-бытовые песни о муже-Медведе, о чудесной дудочке, о малолетнем муже, о взаимоотношениях родителей и детей.

Тема 12. **Исторические песни** (1 ч.)

Песни о Пугачеве и Павле, об избрании Тюшты, о полоне, о крещении мордвы.

Тема 13. **Легенды** (1 ч.)

Понятие «несказочная проза». Термин «легенда». Классификация легенд. Заимствования через русский фольклор. Судьба легенд на современном этапе.

Тема 14. **Предания** (2 ч.)

Что такое предание. Установка на достоверность, прикрепленность к месту, обращенность в прошлое. Исторические предания. Циклы. Топонимические предания. Способы их образования. Современная судьба мордовских преданий.

Тема 15. **Былички** (2 ч.)

Что такое былички. Связь их с верованиями и поверьями. Тематические группы быличек. Изменение функции в антибыличках.

Тема 16. **Устные рассказы** (1 ч.)

Разнообразие тематики устных рассказов. Связь их с жизнью народа. Особенности бытования устных рассказов.

Тема 17. **Лирические песни** (2 ч.)

Происхождение и бытование народной лирики. Идеино-тематическое содержание песен: песни о семейной жизни, о рекрутчине и солдатчине, о разбойниках, о переселенцах и песни социального протеста. Песни советского периода.

Тема 18. **Частушки** (1 ч.)

Актуальность содержания, активность бытования, художественное своеобразие, способность быстро откликаться на волнующие явления. Тематика частушек.

Тема 19. **Детский фольклор** (2 ч.)

Что такое «детский фольклор». Жанры детского фольклора: колыбельные песни, пестушки, потешки, прибаутки, заклички, игры, считалки, скороговорки, дразнилки, поддевки.

Тема 20. Народно-театрализованные представления (1 ч.)

Театральная игра в обряде и в народных празднествах. Маски.

Тема 21. Мордовский народный эпос «Масторава» (1 ч.)

Сказочно-балладный характер эпического повествования, в котором раскрывается поэтическое мышление народа. Отражение судьбы героев, судьбы народа в целом и судьбы мира, Вселенной.

Тема 22. Народно-поэтическая традиция и зарождение мордовской литературы (1 ч.)

Роль устного творчества в формировании письменной литературы. Место традиций устно-поэтического творчества в истории мордовской литературы.

Тема 23. Заключительное занятие (2 ч.)

I. Учебные пособия, рекомендованные МО РМ

1. Народть мяляфтомац пефтома / [Аноклазе А.Д.Шуляев]. – Саранск: Мордов.кн.изд., 1993. – 256 с. – («Память народа безгранична» на мокша-морд.яз.)
2. Пингедде пингес кандозь вал / [Анокстызе Л.В.Седова]. – Саранск: Мордов.кн.изд., 1992. – 240 с. – («Через века пронесенное слово» на эрзя-морд.яз.)
3. Родники народной мудрости: Устно-поэтическое творчество мордовского народа / [сост. Л.В.Седова]. – Саранск: Мордов.кн.изд-во, 2007. – 240 с.

II. Дополнительная литература

1. Масторава: Морд.нар.эпос [сост.Г.Я.Меркушкин, В.В.Горбунов, А.Д.Шуляев, А.М.Шаронов; пер. с мордов. Ю.В.Юшкин; худож. А.С.Алешкин]. – Саранск: Мордов.кн.изд-во, 2009. – 304 с.

2. Евсевьев, М.Е. Мордовская свадьба / М.Е.Евсевьев; [вступ.ст. Л.В.Седовой]. – Саранск: Мордов.кн.изд-во, 2012. – 280 с.

3. Мордовия: народное искусство [книга-альбом] /авт.-сост.: С.С.Маркова, Т.П.Прокина. – Саранск: Мордов.кн.изд-во, 2012. – 256 с.

III. Фонохрестоматии, рекомендованные МО РМ

1. Фонохрестоматия для дошкольных образовательных учреждений «Мордовский музыкальный фольклор и музыка композиторов Мордовии». Диск 1. Мордовский детский музыкальный фольклор.

2. Фонохрестоматия для 1-4 кл. образовательных учреждений «Мордовский музыкальный фольклор и музыка композиторов Мордовии». Диск 2. Музыкальный фольклор мордовского (мокша и эрзя) народа.

3. Фонохрестоматия для 5-9 кл. образовательных учреждений «Мордовский музыкальный фольклор и музыка композиторов Мордовии». Диск 3. Ч. 1. Музыкальный фольклор мордовского (мокша и эрзя) народа.

4. Фонохрестоматия для 5-9 кл. образовательных учреждений «Мордовский музыкальный фольклор и музыка композиторов Мордовии». Диск 4. Ч. 2. Исполнители Мордовии.

Примечание. Программа доработана с учетом новых публикаций.

Сценарии фольклорных утренников, вечеров и праздников

Мордовия – мой край родной!

(Внеклассное занятие по краеведению для начальных классов)

Цель: воспитывать чувство любви к родному краю; рассказать в доступной форме о знаменитых людях Мордовии, устном народном творчестве мордвы, обычаях, мордовском костюме.

Оборудование: портреты Ф.Ф.Ушакова, Ф.В.Сычкова, С.Д.Эрзи, М.А.Пуркаева; мордовский народный костюм, репродукции картин Ф.В.Сычкова, скульптур С.Д.Эрзи, запись песни В.Черняева «Ой шумят сады вишневые».

Чтец 1. Ты, моя Родина, край наш, Мордовия!

В жизни опора, любовь и судьба.

Мокша и эрзя, русские – братья...

Мы, твои дети, славим тебя!

Чтец 2. Будь славен, край наш, и хлебом, и песней,

Духом свободы и мирным трудом!

Ты наша гордость, ты наша вера,

Ты наш святой родительский дом.

Чтец 3. Дружба народов тебя величает.

Щедрость души и тепло матерей.

Дух Сияжара издревле питает

Мудростью отчей твоих сыновей.

Учитель. У каждого человека есть Родина – край, где он родился и где все кажется особенным, прекрасным, родным. Наша Родина – Мордовия. Она расположена между двумя реками Окой и Сурой. В самом центре России.

Мордовия... Край заповедных лесов, спокойных и величавых рек, раздольных полей. Не одно десятилетие Русская земля отражала набеги кочевых орд с юго-востока. Мордовский край, лежавший на пути к Москве, первым подвергался опустошительным набегам, первым вставал на пути врага – строил крепости, насыпал земляные валы, устраивал засады на лесных дорогах. Легенды живут с тех времен в народах.

Ученик. Недалеко от Саранска, под селом Атемар, есть родник, который исстари зовут Крымским колодцем. Предание утверждает, будто в нем крымский хан утопил свою драгоценную, усыпанную алмазами и рубинами шапку. Некогда было бросаться за шапкой – надо было спасти свою голову,

потому что из засады дождем посыпались в хана и его свиту стрелы мордовских воинов.

Ученик. А под другим старинным городом, Инсаром, много десятилетий стояли высокие, затейливо изукрашенные ворота, которые звали Мирными Посольскими – через них проезжали послы восточных государств, когда направлялись в Москву по государственным делам.

Учитель. Помнит мордовский край своих славных сыновей – адмирала Федора Федоровича Ушакова, поэта Александра Ивановича Полежаева, художника Федота Васильевича Сычкова, скульптора Степана Дмитриевича Эрзю, военачальника Максима Алексеевича Пуркаева.

Невелика территория Мордовии (она составляет 26,2 тыс. км²), но вместе с тем прекрасна и богата она во всех отношениях – и в историческом, и в природном. Красив, самобытен и неповторим наш край! И недаром слагаются о нем песни. Послушайте одну из них.

Звучит песня «Ой шумят сады вишневые» (сл. П.Черняева, исп. Нина Маркова).

Учитель. Да, сердцу милую Мордовию невозможно не любить. О красоте, богатстве нашего любимого края и любви к нему сложено много песен и стихов. Вот как замечательно выразил свою любовь к родной земле Артур Моро.

Чтец 1. Мордовия моя – леса и пашни,
Цветов и птиц привольная страна.
Ужели стороны любимой краше
На свете есть другая сторона?

Чтец 2. Мордовия моя – моря пшеницы,
Волшебных зерен золотых улов,
Суры бурливой синие зарницы,
Дорог широких беспокойный зов.

Чтец 3. Мордовия моя – кварталы строек,
Станков фабричных четкий перестук.
Здесь все великое и все простое –
Плоды творения рабочих рук.

Чтец 4. Гляжу вокруг – друзья вдали и рядом,
Смеется солнце, воздух чист и свеж.
Мордовия моя – души отрада,
Счастливый мир свершений и надежд.

Чтец 5. Мордовия моя – какие люди!
С такими и на праздник, и на труд.
Так пусть же каждый час твой светел будет
Во все века, которые грядут.

Учитель. Но для того, чтобы по-настоящему любить свой край, нужно хорошо знать историю своей республики, традиции, обычаи, фольклор.

В старой мордовской песне повествуется о начале начал, истоках, сути жизни:

Земля появилась – обычай появился,
Без обычаев на земле не проживешь.
Без обычаев на земле жить не будешь.
Вся жизнь людьми делается,
Все обычаи людьми устанавливаются.

В этих словах воплощена народная мудрость, осознание того, что традиция, обычай – основа жизни. А какими же они были у мордовского народа? Их было множество и самых разнообразных.

Чтец 1. Чтобы вызвать дождь – обливались водой, чтобы подул ветер – свистели.

Чтец 2. Когда сажали картофель, связывали хвост пашущей лошади в узел, думали, как велик узел, такими же уродятся картофелины.

Чтец 3. Когда сеяли коноплю, надевали рваные рубашки, чтобы конопля уродилась на рубашки.

Чтец 4. Снесется курица в первый раз, яйца брали через варежку и катали в решете. Сколько в решете дырочек, столько пусть будет и яиц.

Учитель. Много у мордовского народа пословиц и поговорок. Народ их очень любит за то, что они просты, кратки, выразительны, мудры и метки. Все эти качества дали возможность нашим предкам запоминать их и передавать из уст в уста. Вспомним мордовские пословицы о Родине.

В родном краю – жизнь как в раю.

Чужая сторона – темный лес.

Где родишься, там и пригодишься.

Родная земля, что родная мать.

Помни не только свой род, помни и весь свой народ.

Где бы человеку ни жить, родной дом не забудется.

Человек без Родины, что птица без гнезда.

Красивее Родины места не найти.

Учитель. Сколько сказок у мордовского народа, и все они очень интересны и увлекательны. Из них мы узнаем о жизни и быте мордвы.

(Инсценировка мордовской народной сказки «Быки провалились»).

Автор. Одного мужика поп нанял к себе в батраки. Очень тяжело ему было у попа. Кормил мало, работать заставлял от зари до зари. Даже в праздничные дни не давал мужику отдохнуть. Вот однажды в большой праздник поп позвал мужика и говорит.

Поп. Бери быков и иди пахать дальше поле.

Мужик. Нет, батюшка, на Пасху я работать не буду.

Поп. Как так не будешь? Почему не будешь?

Мужик. Вот почему: утром пойду молиться в церковь.

Поп. Зачем тебе в церковь ходить? Не бойся, работать на Пасху не грех. Уж я-то знаю. Иди, иди, работай.

Автор. Батрак все же пошел в церковь. Там услышал проповедь попа о том, что работать в праздник нельзя – грех.

Мужик. Батюшка, ты же сам сказал, что в праздничные дни работать грех, а меня вчера заставлял.

Поп. Ах, ты... Да я тебя сейчас! Вон отсюда!

Автор. На третий день Пасхи рано утром поп опять позвал мужика к себе и говорит.

Поп. Вот что, Фока, бери быков да иди пахать, а то уж, поди, устал отдыхать-то. На, краюху хлеба.

Автор. Пошел батрак, а сам думает, как попа обмануть.

Мужик. Проучить тебя надо, батюшка, уж больно ты жаден.

Автор. Он взял и продал быков, хвост отрезал и зарыл наполовину в землю. А в это время поп на тарантасе приехал проверить – работает батрак или нет.

Поп. Что случилось? Почему не работаешь? Где быки?

Мужик. Что? Что? Смотри что! Говорил я, что работать в праздник грех. Вот быки и провалились в землю. Я успел за хвост поймать последнего быка. Давай скорей хоть одного вытащим.

Автор. Не смогли вытащить: только хвост в руках остался.

Учитель. Что вы узнали из этой сказки о том, как раньше жили?

(Ответы детей).

Учитель. Говоря об устном народном творчестве мордвы, нельзя не вспомнить имя мордовской народной сказительницы Феклы Игнатьевны Беззубовой, которая внесла большой вклад в развитие мордовской литературы. Ею написано множество песен и стихов о Родине, о мордовских людях, об их трудовых подвигах. Фекла Игнатьевна много ездила по мордовскому краю и выступала с концертами.

Но наш мордовский край богат не только песнями, легендами, сказаниями, богат он и народными умельцами. Посмотрите на мордовский народный костюм. Сколько умения и трудолюбия надо вложить, чтобы его изготовить. Давайте сейчас поговорим о мордовском народном костюме.

(Выходит девочка в мордовском костюме).

Ученик. Мокша и эрзя могут гордиться своим костюмом, вышивкой, украшениями. С ним может соперничать разве только женский индийский костюм.

Мордовские костюмы невозможно представить без разного рода украшений. Их великое множество. Это браслеты, кольца, перстни, подвески ушные из металла и перьев птиц. И поэтому о старинном мордовском костюме со звенящими и шумящими подвесками говорили так: «Мордовку сначала услышишь, а потом увидишь».

Оригинальным украшением у эрзи был поясной пулай. Надевали его девочки 13-14 лет и носили всю жизнь. А как красивы женские головные уборы: мокшанский «златной», эрзянский «панго»! Каркасом панго служила кора дуба. Его обтягивали холстом и красной тканью. Сзади панго оканчивалось покрывалом с вышивкой.

Ученик. И еще об одной интересной детали народного костюма хочется рассказать – об обуви. В Мордовии можно было увидеть женские сапоги «сёрмаф кямот». Начало их голенища у подъема собрано в мелкие складки. Они образуют собой подобие меха гармошки. Такими сапожками мордовочки отбивали плясовую, собравшись в праздничный круг.

Известны и мордовские лапти. Их плели из пяти, семи до десяти лычек.

В целом мордовский традиционный народный костюм – памятник высокого искусства, его бережно сохраняют в музеях, изучают ученые.

Учитель. Наш разговор будет неполным, если мы не вспомним, что в наших краях родился скульптор с мировым именем – Эрзя (Степан Дмитриевич Нефедов).

Ученик. Детство С.Д.Эрззи прошло в старинном мордовском селе Баево в бедной мордовской семье. С 14 лет Степан начинает трудовую жизнь. Его отдают в учение к иконописцу. Целых 8 лет он ходит с артелью по Руси, расписывает церкви, рисует иконы. С большим трудом удалось бедному мордовскому юноше поступить в знаменитое Московское училище живописи, ваяния и зодчества, а чтобы не быть голодным, вечерами он работает у фотографа. И в то же время посещает медицинский факультет Московского университета, изучает анатомию. С этого времени Степан Нефедов и начинает заниматься скульптурой.

Имя Эрззи получило широкую известность еще в начале XX века, после первых выставок в Милане, а затем в Венеции. Судьба закинула художника в далекую Италию, где и началось его восхождение к вершинам искусства.

Сын мордовского народа С.Д.Эрззя создал много ярких образов своих земляков: «Портрет эрзянки в национальном головном уборе» с красивым и милым лицом, «Портрет крестьянина-мордвина» – весельчака и заводилу, в надетой набекрень шапке, портреты отца и матери и многих других. И где бы великий мастер ни находился, он всегда в своем творчестве был связан с мордовским народом. И не случайно первую же свою скульптуру «Осужденный» он подписал именем своего народа.

Учитель. «Ваятель жизни» – называют ученые Эрзю. Это говорит о том, что все образы, которые он создал, настолько жизненны, правдивы, что кажется еще мгновение, и они оживут и заговорят с нами. Подтверждение этому мы находим в стихах мордовского поэта А.Доронина «Эрззя».

Чтец. Весь день врубался он в гранит,
И в упоении, и в муке.
Теперь же, ночью, скульптор спит,
Гудят натруженные руки.
Его с чужбины сладкий сон
Уносит в синь родного края,

А девушка, что создал он
Из камня,
Дышит, как живая.

Учитель. Мордовский народ гордится своим великим сыном – замечательным скульптором. О нем ставятся спектакли, ему посвящены художественные и музыкальные произведения.

Итак, ребята, история мордовского края, безусловно, интересна. Богата, привлекательна и красива природа Мордовии. А как хороши люди, живущие здесь, их язык, обычаи, традиции.

И завершить наш сегодняшний разговор о Мордовии мне хочется песней, которую мы с вами разучили. Называется она «Весна в Мордовии» (сл. *К.Смородина*, муз. *Г.Вдовина*).

Птицы в небе крылышками машут,
За собою вслед весну маня.
Расцветай под ясным солнцем краше,
Край родной, Мордовия моя!

Подняла весна ростки на пашнях,
Стаял снег, ручьями отзвения.
Расцветай под ясным солнцем краше,
Край родной, Мордовия моя!

Мир весны живет, как детство наше,
Пеньем птиц, теплом, сияньем дня.
Расцветай под ясным солнцем краше,
Край родной, Мордовия моя!

Литературный утренник
«В гостях у мордовской сказки»

Подготовка утренника для учащихся младшего школьного возраста.

1. Организовать выставку сказок разных народов: «Книжки, которые мы любим». Мордовские народные сказки на выставке выделены.

2. В течение определенного отрезка времени провести цикл громких чтений мордовских сказок, кроме тех, что будут представлены на утреннике.

3. Заранее собрать рисунки детей на темы мордовских сказок и организовать выставку. (Предполагается, что дети их рисовали в течение того периода времени, когда шли громкие чтения мордовских сказок и готовился утренник).

4. Подготовить «артистов»-сказочников.

5. Ведущий утренника – учитель начальных классов или библиотекарь.

Список изданий мордовских народных сказок для ребят младшего возраста, которые могут быть представлены на выставке

Разудалый петушок: Мордов.нар.сказки / Записал А.Борисов. Пересказ Л.Гулыги. – М.: Малыш, 1990. – 24 с.

Горячие сани: Мордов.нар.сказки / Обработка Э.В.Померанцевой. – М.: Дет.лит., 1987. – 32 с.

Вирява: Мордов.нар.сказки. – Саранск: Мордов.кн.изд-во, 1981. – 60 с.

Сабан-богатырь: Мордов.нар.сказка / Перевод И.Пиняева. – Саранск: Мордов.кн.изд-во, 1980. – 16 с.

Благодарный медведь: Мордов.нар.сказки. – Саранск: Мордов.кн.изд-во, 1977. – 24 с.

Черная корова: Мордов.нар.сказки. – Саранск: Мордов.кн.изд-во, 1977. – 24 с.

Врозь хорошо, а вместе лучше: Мордов.нар.сказки / Обработка А.Соболевского. – Саранск: Мордов.кн.изд-во, 1976. – 20 с.

Девушка-березка: Мордов.нар.сказки / Пересказала А.Елагина. – М.: Малыш, 1975. – 26 с.

Горячие сани: Мордов.нар.сказка. – Саранск: Мордов.кн.изд-во, 1975. – 16 с.

Ход утренника

Учитель: Ребята! Всем известно, что вы очень любите сказки и знаете их немало. Впервые вы познакомились с ними, когда были совсем маленькими – их вам рассказывали ваши мамы и бабушки, старшие сестры и братья. А потом они стали их вам читать. И вы не только слушали, но и рассматривали картинки.

Вот на этой выставке: «Книжки, которые мы любим» вы видите сказки разных народов. А сегодня нам хочется познакомить вас с некоторыми мордовскими сказками. На выставке они выделены. Смотрите раздел «Мордовские народные сказки». Ведь мы с вами живем в Мордовии. Мордовский народ, как и другие народы, издавна складывал свои сказки. Они передавались устно, из поколения в поколение. И часто случалось, что новый рассказчик добавлял что-то свое к тому, что он слышал. Так рождались разные варианты сказок. Раньше народ в большинстве своем был неграмотным. Поэтому сказки бытовали в устной форме. И даже когда появилась мордовская письменность, а мокшане и эрзяне овладели ею, еще не сразу были напечатаны мордовские народные сказки.

Теперь мы имеем самые различные издания мордовских сказок, для ребят разного возраста. Вот, например, «Мордовские народные сказки» (Саранск: Мордов.кн.изд-во, 1985. – 400 с.). Они хорошо проиллюстрированы художниками Л.В.Поповым и Ю.В.Смирновым. Эти сказки для ребят среднего и старшего возраста. Вы познакомитесь с ними, когда станете постарше. А ваше знакомство с мордовскими народными сказками начинается с этих книжек. *(Учитель показывает книжки раздела выставки «Мордовские народные сказки».)*

Ребята! Некоторые из сказок (а их почти в каждой книжечке несколько) пришли к нам на встречу. Давайте поприветствуем их! *(Аплодисменты. На*

импровизированной сцене большой макет обложки книги «Благодарный медведь»).

Ведущий: *(читает текст).* В старину мордва жили в дремучих лесах. Хлеб сеяли только на лесных полянках. А в лесу было много медведей, и они часто подходили к селениям.

Одна женщина жала рожь на лесной поляне. *(Выходит девочка в мордовском костюме с искусственным серпом в руке. Рядом стоит кувшин).*

Видит она – вышел из лесу медведь и идет к ней. Она так испугалась, что двинуться не может – ноги точно к земле приросли. Да и бежать-то некуда. Все равно медведь догонит. *(Появляется мальчик с маской медведя на лице).*

Смотрит женщина – идет к ней медведь на двух ногах, словно человек. Идет, а сам кланяется. *(Мальчик идет и кланяется).* «Что за чудо! – думает женщина. – Не взбесился ли медведь?».

А медведь уже подошел совсем близко. Растерялась женщина, не знает, что делать. *(Мальчик подходит ближе. Девочка стоит как вкопанная).*

Протянул медведь к ней лапу, сам ревет, будто жалуется на что-то. *(Мальчик протянул руку).*

Поглядела женщина, а в лапе у медведя большая заноза. Не побоялась она, вытащила занозу и смазала лапу медведя маслом. *(Девочка берет руку мальчика, вытаскивает занозу и смазывает).*

Медведь побежал на всех своих четырех ногах обратно в лес, а женщина принялась за работу. *(Мальчик убегает).*

Долго жала она и вдруг видит: опять тот же медведь вышел из лесу и снова идет к ней. *(Мальчик входит с двумя корытцами для рубки капусты, соединенными вместе).*

Медведь подошел совсем близко к ней, и видит она – несет медведь дуплянку величиной с большое корыто. Поставил он дуплянку на землю и разбил ее пополам. *(Разделяет корытце пополам, ставит их перед девочкой).*

Потом низко поклонился женщине и побрел обратно в лес. *(Кланяется и уходит).*

Подошла женщина к дуплянке, а там полно меду. Наелась она досыта меду, а потом наполнила кувшин и побежала скорей домой. *(Девочка изображает удивление, потом начинает есть мед. Затем наполняет им кувшин и уходит).*

Взяли они с мужем ведра – и за медом. Большую кадушку набрали. На целый год им хватило. *(Мальчик (без маски) и девочка наполняют медом боченок. Уходят).*

Учитель: Это, ребята, была мордовская народная сказка «Благодарный медведь». *(Показывает книгу).* Ребята, а почему сказка так называется? За что медведь благодарит женщину? В чем состоит его благодарность? *(После ответов ребят надо рассказать им о чувстве благодарности на жизненных примерах и попросить назвать еще какие-нибудь сказки, где встречаются герои, которым свойственно это чувство. Далее учитель показывает иллюстрации сказки «Благодарный медведь» и знакомит ребят с самим изданием: говорит о том, какие еще сказки помещены в этом сборничке, кто их иллюстрировал (известный мордовский художник-график А.И.Коровин), где книжечка издана).*

Пауза.

Учитель: А сейчас на нашем пути мордовский богатырь *(На сцене – увеличенный рисунок эрзянского богатыря. Кроме учителя, текст читают два действующих лица).*

Жил в присурском селе эрзянин. Звали его Сабан. Человек он был простой, негордый. Жил мирно, никого не трогал. Сила у него была – всем на диво. Одним рывком Сабан сворачивал здоровенному быку шею, двумя пальцами мог задушить медведя. Старые люди уверяют, что он один мог справиться с вражеским войском. Но Сабан за дела богатырские не брался: на войне не бывал, ни с кем драку не затевал. Жил тихо, кормился своим

трудом, чем мог, помогал людям, родне своей. Сабан был мастер на все руки...

Однажды шел Сабан по лесной дорожке. Был он на пасеке и, чтобы не возвращаться с пустыми руками, прихватил по пути бревно дубовое – в пять обхватов толщина будет, никак не меньше. *(Показать на увеличенном рисунке бревно, которое он несет).*

Вдруг остановился он: навстречу ему на сером коне ехал чужак-незнакомец. Одежда на нем вся железная, шапка чугунная, словно котел огромный, на боку кривая сабля, а в руках пика предлинная. *(Увеличенный рисунок чужака).* Приблизившись, чужак повел роскоными глазами, крикнул властным голосом:

Челибей: Прочь с пути моего!

Сабан: Ты кто такой? Откуда появился? И что тебе тут надобно, человек?

Учитель: Но Сабан не испугался, смотрел на рассерженного незнакомца невозмутимо. А тот продолжал выкрикивать:

Челибей: Ты меня не знаешь?! Да я тебя в один миг на тот свет отправлю! Я Челибей-богатырь ханский! Сильнее меня на свете нет человека!

Учитель: Бросился на Сабана Челибей, хотел зарубить саблей. Но не тут-то было! Перехватил Сабан бревно, что нес на плечах своих, и давай размахивать перед Челибеем. Делать нечего, пришлось ему слезать с коня. А Сабан положил бревно поперек дороги. Челибей подошел к бревну и пнул его. Оно даже не качнулось...

От лютой злобы, от страшной обиды побагровел Челибей... Напряг он все силы, поднатужился и оторвал бревно от земли не больше, чем на аршин. Хотел выпрямиться, но закачался и еле-еле устоял на ногах. Бревно выпало из рук, чуть богатырю ноги не отдавило. Сабан громко рассмеялся.

Челибей: Да ты что, мордвин, озорешь на моей земле?..

Сабан: А чем докажешь, что это твоя земля?

Челибей: Чем? Силой своей! Давай подеремся с тобой, и ты узнаешь чем...

Сабан: Драться у меня нет никакой охоты. Если хочешь померяться силой, то давай поборемся. Только знай. Если ты меня повалишь – делай со мной все, что твоей душе захочется, дело твое. А я свалю – будет моя воля...

Челибей: Ну что ж, давай.

Учитель: Сабан схватил бревно, бросил его подальше от дороги. Подошел совсем близко к противнику.

Сабан: Держись, Челибей!

Челибей: Береги кости, мордвин!..

Учитель: Сколько времени боролись силами – никому неизвестно. Но Сабан победил: изловчившись, схватил ханского богатыря за пояс и со всей силой бросил наземь. *(Показать рисунок со стр.9).*

Застонал Челибей. Сабан развязал веревку, которой был опоясан, закрутил ему руки и затянул их мертвым узлом... Взял Сабан его за железный ворот, поднял, посадил в седло, сказав:

Сабан: Убирайся туда, откуда явился. И запомни: развяжет веревку тот, кто связал.

Учитель: Запомните это и вы, ребята. Но сказка на этом еще не кончилась. Вам предстоит узнать, куда же поехал связанный Челибей, с кем встретился, кто пытался развязать ему руки да не сумел. Кто же и по чьему велению все-таки развяжет Челибею руки? Как отблагодарит Сабана-богатыря русский царь и почему Сабан не остался в царском дворце, а уехал к своим мужикам-мордвинам землю пахать да помогать своему роду-племени?

Прочитайте эту сказку до конца и подумайте: почему победил Сабан-богатырь, а не Челибей-богатырь? *(Потому что Сабан защищал свою*

родную землю и свой народ. Показывает книжечку детям и сообщает о ней все сведения).

Эрзянский дом

(Театрализованный фольклорный праздник)

Ведущий: Эрзянская пословица гласит: «Кодамо азорось, истямо кудоськак. Каков хозяин, таков и дом». «Валмеревксэсь нармунь нерышка, домкачизэ покш эрькешка. Сама пословица с птичий клюв, а мудрости в ней целое озеро». Это тоже пословица мордвы-эрзи. А ведь пословица не зря молвится. Значит, чтобы узнать, каков эрзянский дом, нужно лучше узнать его хозяина. Вот его хозяева, знакомьтесь. *(Представляет хозяина и хозяйку, одетых в национальную одежду)*.

Хозяин: Шумбратадо, вечкевикс оят! Здравствуйте, дорогие друзья! Хороший гость – хозяину почет. Эрзянский дом всегда рад гостям. Милости просим.

Хозяйка: Без хлеба-соли – гость без слов. Угощайтесь, дорогие гости, отведайте эрзянские кушанья. *(Угощает присутствующих)*.

Хозяин: Хороший гость придет – хорошая и беседа пойдет. Разговор у нас сегодня об истории и культуре эрзянского народа, об уникальности и самобытности его языка, его мифологии, традициях и обычаях.

Хозяйка: Мордва-эрзя – народ финно-угорской языковой семьи, история которого имеет древние корни. Археологические находки, сделанные в Андреевском кургане, являются доказательством существования мордовского этноса в I веке до нашей эры. Чтобы конкретнее представить время, о котором идет речь, достаточно сказать, что это был период расцвета Римской империи.

Хозяин: Древняя мордва селилась в плодородных долинах рек Оки, среднего течения Волги, Цны, Мокши и Суры. Это был край с тучной, плодородной землей, богатый густыми лесами, реки изобиловали рыбой.

Хозяйка: Главным занятием древней мордвы было земледелие. Сеяли ячмень, рожь, полбу – вид пшеницы. Немаловажную роль в жизни древнемордовских племен играли охота, рыбная ловля, бортничество. Пушнина, мед, рыба давали возможность нашим предкам вести торговлю с соседями.

Хозяин: Жильем для древнего мордвина служили землянки. Они делались с плетневыми стенами, обмазанными глиной. Внутри имелся круглый очаг. И лишь к X-XIII векам под воздействием славян у эрзян появляется наземное жилище – кудо. Вот как представляет его нам в своем романе «Пургаз» К.Абрамов: «Все дома строились одинаково. Против двери у стены – глиняный очаг, ёрку над которым забивают диким камнем: камни разогреваются и долго держат тепло. Над очагом, под самым потолком, прорублено верхнее окошечко. Такое окошечко есть и над дверью для выхода дыма во время топки. Справа от очага – стол, вокруг него лавки. Широкие лавки стоят и вдоль стен. По левую сторону от очага, почти у потолка – полати, куда обычно укладывали спать детей. Взрослые спят на лавках, а летом – во дворе, в летних домиках».

Хозяйка: Родным домом для мордвина являлась окружающая его природа: деревья, целые рощи, животные, птицы, природные явления, сама земля, которые были одушевлены, имели магическую силу, олицетворяли добро, зло, принимали участие в конкретных человеческих делах. Так, например, священные моления-озксы обычно проводились под дубом, липой, березой, вязом, сосной. Особо почитались яблоня и рябина. Эти деревья считались чистыми. Топить ими печь считалось грехом – пежить.

Хозяин: Особая любовь, уважение и почитание к окружающему миру нашли отражение в народных песнях, сказаниях, легендах. Послушайте одну из них – «Эчке тумо» – «Могучий дуб». *(Старинную песню «Эчке тумо» на эрзянском языке исполняет группа детей в национальных костюмах. По*

вашему выбору текст песни может быть продекламирован и на русском языке).

Стада свиней кормит желудями,
Парни и девчата издавна
Под ним плясали и пели,
Старики, старухи озксы устраивали.
Дуб с Чипазом и со всеми богами
Живет в согласии, он сыном им доводится.
И сам знаю тот могучий дуб,
И сам знаю тот большой дуб,
Великий дуб – хранитель эрзянской земли.

Хозяйка: Эчке тумо – поэтический образ родной стороны, образ защитника, образ кормильца. Под его ветвями привольно и молодым, и старым. Эчке тумо – сын верховного бога, великого Чипаза. Эта песня – не единственное дошедшее до нас произведение устного народного творчества, в котором выражаются восхищения, благодарность, почтение дереву, птице, зверю, земле, природному явлению. Вспомните «Умарину», прекрасные народные стихи и мелодия которой создают образ девушки-эрзянки – лесной яблоньки.

Глубоким смыслом наполнена песня «Косо мекшаванть пизэээ» – «Где у пчелиной матки гнездо». Старинная народная песня создает образ единой прародительницы трех народов: эрзянского, русского, чувашского.

Хозяин: Неудивительно, что мир, окружавший мордвина в древности, был населен богами, духами, могучими покровителями. Они сопровождали человека повсюду, их было очень много, все требовали к себе почтительного отношения и жертвоприношений. Влияние богов так велико, что память о них дошла до нашего времени в устных преданиях, легендах, сказках. Несомненно только то, что, являясь частью национальной культуры, боги и сегодня определяют нашу жизнь, повелевая по-прежнему делать добрые

дела, бережно относиться к природе, быть терпеливыми и настойчивыми в достижениях цели, уважать соседей, быть трудолюбивыми. Эти этические нормы сегодня являются основой эрзянского дома. Давайте представим себе, что мордовские боги существуют в реальности, ближе познакомимся с ними, постараемся больше о них узнать.

Хозяйка: Повседневная жизнь эрзянина была тесно связана с лесом, покровительницей, хозяйкой, матерью которого считалась Вирява. Многие, конечно, слышали и читали о Виряве, а кто-нибудь видел ее наяву? А знаете, как она может выглядеть? Ну, так слушайте, что я вам расскажу. В каждом лесу есть своя Вирява, но людям она показывается редко, обычно в полдень или перед заходом солнца. Вирява, говорят, женщина высокая, черноволосая, непричесанная, по лесу ходит с шумом, хохочет так громко, что листья начинают падать, свистит так, что деревья кланяются ей. Вирява считается хорошей хозяйкой. Она заботится о порядке в лесу, охраняет зверей, помогает найти дорогу заблудившемуся, может показать грибные и ягодные места, но может и навредить человеку, запутать его в лесу, защекотать. Помните: если встретите хозяйку леса, Вирява большая любительница сказок, заслушивается и засыпает. Во многих сказках Вирява сама является главной героиней. Вот одна из них, посмотрите. (Появляется исполнительница роли Вирявы с охапкой цветов, веточек разных деревьев и по ходу раздаёт их понравившимся детям).

Хозяин: Шумбрачи, Вирява! Здравствуй, Вирява!

Хозяйка: Ульть минек инжекс! Будь нашей гостьей, послушай, какую сказку тебе расскажут ребята. *(Пересказ или чтение по ролям сказки Ф.Атянина «Лосенок»)*.

Вирява: Рассказывайте дальше. Я хочу знать, что случилось с Цицней.

Хозяйка: Вирява, матушка, не обессудь, приходи почаще, узнаешь и продолжение сказки, не гневайся! Помогай людям в их добрых делах! Прими

наши дары, Вирява. *(Подает ей корзину с дарами, низко кланяется. Вирява уходит).*

Хозяин: Многочисленные старинные обряды, песни, сказки, сохранившиеся в памяти людей, свидетельствуют о том, что в религиозных верованиях мордвы одно из главных мест занимало обожествление воды, покровительницей которой считалась Ведява. Многие из вас, конечно, слышали имя богини воды, читали сказки, слышали рассказы бывалых людей. Давайте попробуем представить Ведяву, назовем ее дела, черты характера. *(Дети перечисляют: хитрая, сильная, добрая, сердитая, жадная, красивая, высокая, длинноволосая и т.д.).*

Описание хозяйки воды можно продолжать долго, т.к. в каждой речке, озере, ручье, пруде живет своя Ведява. Воображение людей наделяло Ведяву как положительными, так и отрицательными качествами. Покровительница воды и всего живого в воде могла принимать различные облики. Вот как описывает ее превращения Н.Юрченкова:

«Большая пузатая рыба шевельнула мощным хвостом, подняла облако зеленоватой мути и поплыла, сопровождаемая стайкой мелкой рыбки... перекувыркнувшись в воздухе, превратилась в маленькую птичку с блестящим оперением... Блеснул солнечный луч, и на месте птички оказалась высокая статная женщина с длинными, закрывающими почти всю ее шелковистыми волосами зеленоватого цвета... Достаточно водной хозяйке обидеться, как изменится не только ее нрав, но и облик. Станет она уродливой старухой...»

А вот как представили Ведяву юные художники *(обращает внимание на выставку рисунков).*

Хозяйка: Вера в чудодейственную, живительно-лечебную, очистительную силу воды восходит к вполне реальным ее свойствам утолять жажду, смывать всякую грязь, помогать развитию живого. Именно поэтому Ведяву считали покровительницей влюбленных, деторождения,

врачевательницей. До сих пор среди мордвы находит применение лечение болезней при помощи специальной обрядовой воды, которая как будто бы обладает целебной силой. Такой водой считается ведь пря. Ведь пря – это утренняя вода, никто ее еще не брал, чистая. Надо рано утром пойти к роднику, первым зачерпнуть ведь пря и попросить помочь вылечить больного.

Хозяин: Предполагалось, что дожди также происходят по велению Ведявы, и когда их долго не было, то устраивалось специальное моление о дожде – пиземень озкс. Для этого всем селом, семьей шли к роднику, углубляли, прочищали его, будили, таким образом, Ведяву и просили дать дождя. Потом обливались водой, ели принесенную пищу, угощали Ведяву.

Хозяйка: Дорогие гости, не гневите Ведяву, не загрязняйте наши реки и озера, очищайте родники, не губите рыбу, и тогда богиня воды наградит вас здоровьем, богатым уловом, хорошим настроением, чистой водой!

Хозяин: Жизнь земледельца и результаты его труда находились в прямой зависимости от погодных условий. Люди давно заметили: подует ветер с одной стороны – наступит засуха, подует с другой стороны – зальют дожди, Установить нужную погоду могла только Вармава, считавшаяся хозяйкой ветра. Люди боялись Вармаву и почитали ее. Они думали, что богиня ветра живет в воздухе, откуда подует – там и находится. Умилостивить Вармаву можно, принося ей в дар легкие перья пестрой курицы, хмель, чистую крупу, пресные лепешки. А во время пожаров всякий старался задобрить Вармаву, бросая в огонь яйца, яблоки, прося при этом: «Вармава, матушка, побереги нас, не пускай на нас огонь».

Хозяйка: Подругой Вармавы по злым делам чаще считалась богиня огня Толава. «Толава – виновница всех пожаров. Ее красную рубаху увидишь и в горящем лесу, и на тлеющем торфяном болоте. Мелькнет она и в пылающей скирде соломы, и в загоревшемся доме. Без ног она идет, без рук достает, без

глаз видит, без ушей слышит, без зубов кусает, без рта глотает. Жадная старушка Толава ничего за собой не оставляет, золу лишь».

Однако бывает Толава и доброй. Когда продрогших путников согревает жарким костром или когда душистую кашу варит в печи. Тогда и облик ее меняется. Становится она девчушкой в красной рубахе с красным платком на голове. В ушах у нее красные сережки, в руках красный посох.

Хозяин: Люди считали, что огонь, как и вода, обладает чудодейственной силой, охраняет человека от многих несчастий. Поэтому до наших дней сохранилось много поверий, магических обрядов, связанных с употреблением огня, почитанием Толавы. Так, например, свадебные пироги обводились зажженной лучиной, чтобы они не были испорчены злодеем. Знахарки, обращаясь к Толаве с просьбами вылечить болезнь, говорят: «Толпаз, Толава, Толава синяя женщина! Посмотри с добрым сердцем, сделай добро». Толаве часто делались жертвоприношения, бросая в огонь различные кушанья.

Хозяйка: Близким к повседневной жизни человека были божества, покровительствующие дому, домашнему очагу, двору: Кудава, Каштомава, Кардазава. В каждом доме, очаге, дворе жили свои духи.

По представлениям эрзи Кудава небольшого роста, иногда с локоть, с длинными светлыми волосами. Иногда похожа на хозяйку дома, живет в подполе. Иногда она могла принимать образ кошки. Недаром дерущихся на крыше кошек мордва называла ссорящимися хранительницами дома. Видеть или слышать Кудаву наяву или во сне считается плохим признаком – к несчастью, к болезни, к смерти близких. К домашним духам обращались с молитвой во время семейных молений, связанных с хозяйственными делами или торжествами. Их просили защитить от злых сил, дать здоровья детям, им представляли новых членов семьи. Например, одним из последних свадебных обрядов являлось одаривание невестой Кудавы, которой она преподносила полотенце или скатерть. Присутствующие просили богиню, чтобы она

помогала молодухе в домашних делах: «...чтобы руки ее быстро пряли, чтобы по вечерам поздно ложилась, по утрам рано вставала». Для «знакомства» покровителей дома с новорожденным колыбель с ребенком три раза опускали в подполье. Считалось, что с этого момента духи дома берут его под свою защиту.

Духов дома просили наказать преступников. Суду богов предавались подозреваемые в нечестности, воровстве, убийстве, поджоге. Считалось, что покровители дома могли наслать болезнь, разорение и даже смерть.

Почитаемым божеством у эрзи считалась Каштомава, хранительница домашнего очага, хозяйка печи. Ее также представляли в виде женщины, о чем свидетельствует тот факт, что при закладке печи для нее в фундамент клали женский головной убор. Божеству молились перед приготовлением пищи. Так, перед печением свадебных пирогов стряпухи обращались к ней со следующими словами:

Богиня печи, матушка!

Владыка печи, серебряная!

Испеки пироги красивыми...

Не обожги их верха, не сожги их низа.

К печке обязательно подводили молодую сноху: «Каштомава, матушка! Молодую взяли, будет перед тобою ходить, полюби ее!» В некоторых местах именно перед печкой на молодуху надевали головной убор замужней женщины. В праздники обязательно в печь бросали первый кусок ритуальной трапезы со словами: «Каштомава! Матушка! Ты варила, парила. Для тебя первый кусок». На Пасху хозяйка лила на плиту пуре, а на раскаленные угли бросала кусочки хлеба и мяса. Пока шел дым, она благодарила Каштомаву и просила ее долго служить хозяевам.

Хозяин: Свой дух-покровитель существовал и у дворовых построек. Особо почитаемой считалась Кардазава. Культ дворовых божеств был тесно

связан со скотоводством, им молились о здоровье и благополучии домашних животных, о том, чтобы они давали больше шерсти, молока, приплода.

Как и все другие божества, Кардазава – своенравное божество. Она могла и невзлюбить домашнее животное, посылая на него всякие напасти. Задобрить божество, уберечь домашнюю живность от всяких бед – вот основная забота крестьянина. Корова, лошадь, овца – это не просто способ получения молока, мяса, шерсти, способ облегчения труда в доме и поле, для крестьянина домашний скот становился своеобразным членом семьи, о котором нужно заботиться так же, как и о прочих домочадцах. Так, например, проводили моления, посвященные не только Кардазава, но и отдельно покровителю лошадей – Лишме-пазу, овец – Реве-пазу, свиней – Туво-пазу. Проводя озксы, делали ритуальную выпечку: пирожки, колобки, лепешки, хлеб. Остатками ритуальных кушаний наделяли скот и духов – покровителей скота и двора.

Хозяйка: Гости дорогие, а кого из мордовских богов мы сегодня еще не назвали? (*Примерные ответы: Мастораву, Паксяву, Нороваву, Модаву и др.*). Правильно, но и это еще не все, рассказать обо всех сразу нельзя. Мир языческих богов, покровителей, духов также огромен и богат, как огромна и богата деятельностью и событиями жизнь отдельного человека и целого народа. Друзья, вы уже, наверное, заметили, что в религиозных верованиях эрзян как в зеркале отражена жизнь народа, его душа, его история. Именно поэтому нам интересны сегодня древние верования, обычаи, обряды, традиции.

Хозяин: Богата и самобытна культура эрзянского народа, эрзянского дома. Ей посвящены труды ученых, произведения писателей и поэтов, написано много книг. Мы приглашаем всех, кому сегодня было интересно, посетить еще раз эрзянский дом, познакомиться с интересными людьми, прочитать книги, самим принять участие в возрождении национальной культуры, языка. До встречи.

Викторина

1. Мордовская фольклористика зародилась во II половине XVIII века. Собираателями произведений в разное время выступали русские путешественники, миссионеры, писатели. Кто стал первым профессиональным фольклористом – основателем мордовской фольклористики?

- а) А.А.Шахматов б) М.Е.Евсевьев в) А.И.Маскаев

2. В 12-томную серию УПТМН вошли практически все жанры мордовского фольклора, кроме одного. Проблема в том, что долгое время было мало записей произведений этого жанра. По мере пополнения записей произведения этого жанра включались в другие фольклорные сборники. Что это за жанр?

- а) заговоры б) устные рассказы в) потешки)

3. На протяжении долгих лет работы над мордовским народным эпосом его название неоднократно менялось. Какое окончательное название он получил?

- а) «Тюштя» б) «Сын молнии» в) «Масторава»

4. Календарно-обрядовая поэзия распадается на ряд циклов. В каждый из этих циклов мордва проводила определенные религиозно-магические обряды – озксы, которые имели хозяйственное назначение. В одних молянах люди просили обеспечить хороший урожай, приплод скота, достаток и благополучие в семье. В других – люди широко и торжественно благодарили языческие божества. В каком цикле календарных обрядов наиболее просматривается эта торжественность и благодарение древней мордвы?

- а) зимнем б) весеннее-летнем в) осеннем

5. Мордовская свадьба относится к числу древнейших обрядов, поэтому во все времена привлекала внимание собирателей и исследователей устно-поэтического творчества. Всего записано и опубликовано 6 вариантов эрзянской свадьбы и 4 варианта мокшанской свадьбы. Кем из фольклористов

записан и опубликован самый полный и до сих пор непревзойденный вариант мордовской свадьбы?

а) А.Г.Борисовым б) К.Т.Самородовым в) М.Е.Евсевьевым

6. Мордовская свадьба состояла из трех главных этапов: предсвадебный, собственно свадьба и послесвадебный. Вокруг них и группировались все остальные обрядовые действия. Какой из этих этапов самый напряженный и продолжительный по времени?

а) предсвадебный б) собственно свадьба в) послесвадебный

7. У мордвы существовало множество языческих божеств-покровителей, которым совершались специальные моляны и нередко – жертвоприношения. Например, на третий день свадьбы утром свекровь посылала молодую за водой. И та приносила туда 5 колец: 4 оставляла по углам колодезного сруба, а 5-е бросала в воду. Какое мифологическое божество являлось покровителем деторождения?

а) Вирява б) Ведява в) Кудава

8. Мордовские загадки как поэтические произведения бытовали и бытуют по сей день в трех видах: загадки-метафоры, загадки-вопросы и загадки-задачи. Какой из этих видов загадок самый малочисленный?

а) загадки-метафоры б) загадки-вопросы в) загадки-задачи

9. В одной мордовской эпической песне говорится о сотворении мира, живого и неживого. В один из дней появился эрзянский народ, эрзянский язык. В который день это произошло?

а) второй б) третий в) четвертый

10. Произведения несказочной прозы имеют установку на достоверность, правдоподобность, которые подтверждаются разными способами: родословными преданиями, возрастом рассказчика, своим участием в событиях и т.д. Исполнитель произведения какого жанра в принципе не может быть участником или очевидцем описываемых событий?

а) легенды б) предания в) былички

11. Топонимы в мордовских преданиях возникали по-разному: от имен первожителей; от событий, происшедших в данном месте; от слов, якобы кем-то сказанных здесь. Какую группу из этих преданий очень трудно подтвердить документально?

а) от имен б) от случаев в) от слов

12. В каком жанре несказочной прозы исполнитель обязательно является участником или очевидцем происходящего?

а) предание б) быличка в) устный рассказ

13. У мордвы существовал неравный брак, когда взрослую девушку выдавали за малолетнего мальчика, а порой и вовсе за младенца в зыбке. Этот факт нашел отражение в фольклоре. К каким произведениям относятся песни о малолетнем муже?

а) эпическим б) лирическим в) историческим

14. Детский фольклор объединил в себе целый ряд жанров. Одни из них создавались для детей взрослыми, другие – перешли из репертуара взрослых в детский, третьи – создавались самими детьми. Какой жанр создавался самими детьми?

а) прибаутки б) приговорки в) дразнилки

15. Мордовскими писателями были созданы эпические произведения, в основу которых положены легенды, сказания и эпические песни, повествующие о далекой истории своего народа. О каком из них спорили ученые: является оно народным эпосом или авторским произведением?

а) «Сараклыч» б) «Литова» в) «Сияжар»

16. Художники Мордовии: портретисты, пейзажисты, графики пишут свои картины в разных стилях. Кто из них является ярким представителем современного этнофутуризма?

а) И.С.Ефимов б) Ю.А.Дырин в) В.И.Федюнин

17. Скульптурная композиция «Мордовская легенда» создана по мотивам известных произведений о муже-медведе и о замужестве земной девушки и древнего мордовского божества. Кто автор композиции?

- а) И.И.Черапкин б) П.Ф.Рябов в) А.С.Алешкин

18. Среди множества фольклорных ансамблей Мордовии есть один, все участники которого – дети от 5 до 16 лет. Что это за ансамбль?

- а) «Цековне» б) «Колорит» в) «Лейне»

19. В мордовской диаспоре также организовываются фольклорно-этнографические ансамбли, целью которых является сохранение и пропаганда старинных песен, обрядов и традиций своего народа. Как называется такой ансамбль в Москве?

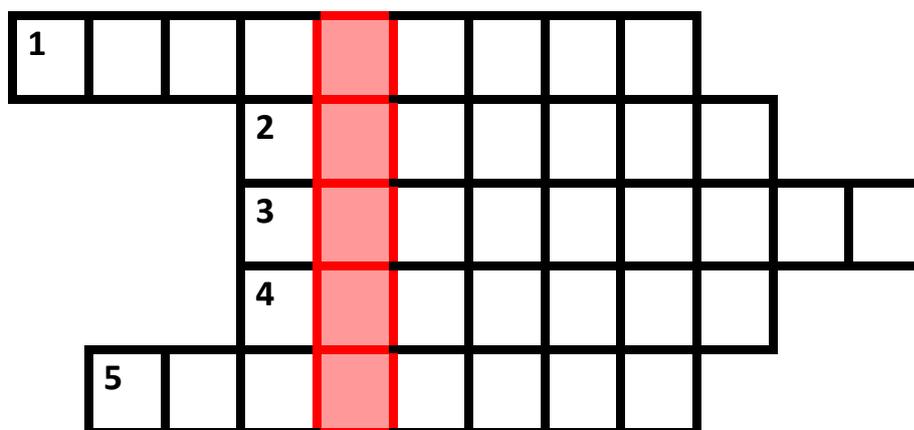
- а) «Ойме» б) «Сюлгамо» в) «Норовава»

Ответы.

1. б) М.Е.Евсевьев; 2. б) устные рассказы; 3. в) Масторава; 4. в) осеннем; 5. в) М.Е.Евсевьевым; 6. а) предсвадебный; 7. б) Ведява; 8. в) загадки-задачи; 9. в) четвертый; 10. а) легенды; 11. в) от слов; 12. в) устный рассказ; 13. б) лирическим; 14. в) дразнилки; 15. в) «Сияжар»; 16. б) Ю.А.Дырин; 17. а) И.И.Черапкин; 18. б) «Колорит»; 19. а) «Ойме».

Кроссворды

Кроссворд

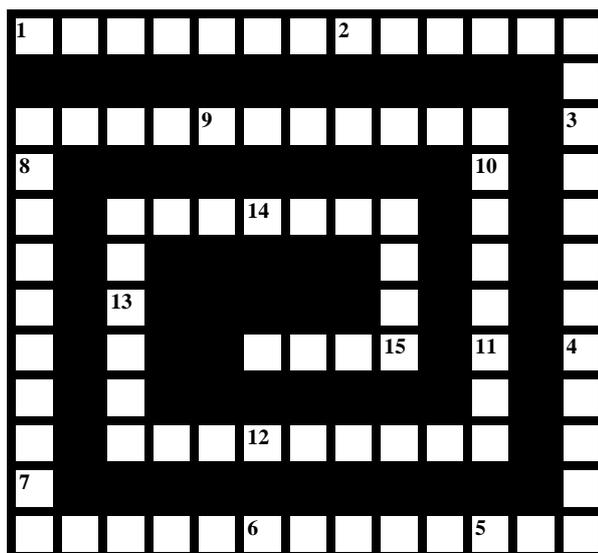

1. Звучные, остроумные стишки, используемые детьми для того, чтобы подразнить кого-либо из своих сверстников. 2. Краткие, замысловатые,

обычно ритмичные описания какого-то предмета или явления, с целью испытать сообразительность человека. **3.** Веселая игра, во время которой дети часто ошибаются, путают звуки, искажают слова. **4.** Ими взрослые развлекают малыша и начинают обучение его счету. **5.** Чтобы подшутить над товарищем, дети прибегают к таким проказам.

Ключевое слово по вертикали. Кто автор всех этих произведений?

Чайнворд

1. Бог Грома, Громовик. **2.** Первый мордовский фольклорист. **3.** Мифологическая покровительница леса. **4.** Известный мордовский писатель, автор эпической поэмы «Сараклыч». **5.** Мифологическая богиня воды и деторождения. **6.** Заслуженный художник России, СССР и Мордовии, использовавший в своем творчестве образы персонажей мордовской мифологии. **7.** Мифологическая покровительница хлеба, урожая. **8.** Имя единственного сына из одноименной эпической песни. **9.** Заключительный этап мордовской свадьбы (послесвадебный период). **10.** Название села, происшедшее, по мордовскому преданию, от сказанных кем-то слов. **11.** Верховное божество, великий бог. **12.** Жанр фольклора. **13.** Мордовский писатель, чье творчество целиком построено на мордовском фольклоре. **14.** Мифологическая мать вербы и весеннего ветра. **15.** Первое слово, которое, по мордовской легенде, произнес первый человек.

Ответы:

На кроссворд.

1. Дразнилки. **2.** Загадки. **3.** Скороговорки. **4.** Потешки. **5.** Поддевки.

Ключевое слово. Народ.

На чайнворд.

1. Пурьгине. **2.** Евсевьев. **3.** Вирява. **4.** Абрамов. **5.** Ведява. **6.** Алешкин.
7. Норовава. **8.** Андямо. **9.** Отгостки. **10.** Ишаки. **11.** Инечипаз. **12.** Заговор.
13. Радаев. **14.** Вармава. **15.** Аляй.

Послесловие

Итак, уважаемые читатели, вы познакомились с образцами устно-поэтического творчества мордовского народа, до рубежа XX столетия не имевшего своей письменности. Это поистине шедевры устного творчества, создававшегося на протяжении веков людьми безграмотными, но чуткими и сердечными, понимавшими красоту окружающего мира, его многомерность, таинственность и неповторимость. Эти творения можно назвать так: «Из глубины веков», а можно «Через века пронесенное слово», «Память народа безгранична» или же «Родники народной мудрости». И все будет точно.

Какое впечатление оказывает мордовский фольклор на наших современников, хочется показать на таком примере. В 1992 году в Мордовское книжное издательство пришло письмо из Японии. Прислал его молодой ученый-физик Тада Таку. В 23 года он уже был кандидатом наук, в 27 – защитил докторскую диссертацию. Самостоятельно изучил пять иностранных языков. Ныне работает переводчиком в газете «Сибун». Занимаясь физикой земли, много интересовался культурой и творчеством разных народов. И сообщал он в письме о своем восхищении легендами и преданиями мордовского народа. Впоследствии он еще не раз писал о своих впечатлениях от мордовского фольклора уже автору этих строк. Вот некоторые выдержки из его писем.

«Название города Саранска звучит для меня каким-то потайным смыслом, потому что я не знал Вашего города до того, как случайно не встретился с Вашей книжечкой в одном книжном магазине... Меня впечатлило то, как такой «маленький» народ, как мордовский, имеет большой свой духовный мир, свою историю, свою память, свое собственное мировоззрение, хотя названия мордвы нельзя найти в газетах и других средствах массовой информации. Происхождение местных названий было больше всего интересно...

Я перевел сам по себе Вашу книжечку на японский язык... Меня так сильно очаровал мордовский фольклор, что начал переводить его самостоятельно, без всяких просьб других людей. Нескольким приятелям и знакомым я показал свой перевод: они насладились чтением сборника. Нет никакого народа, никакого человека, кто не имеет чего-то очаровательного. Все зависит от пронизательности наблюдателя, который старается глубже понять человека или его общество, культуру, историю.

Стараюсь вообразить себе, какое долгое время Вы с сотрудниками собирали такие ценные материалы, переходя из селения в селение, встречаясь с разными людьми».

В этой книге, дорогие читатели, вы действительно познакомились с целой плеядой мордовских фольклористов, которые исходили и исколесили сотни сел и деревень с рюкзаком за спиной и тяжелым магнитофоном «Весна», собирая и бережно сохраняя жемчужины народного творчества.

То великолепное богатство образцов мордовского народного творчества не случайно привлекало и привлекает пристальное внимание представителей разных видов искусства: писателей и поэтов, художников, музыкантов и исполнителей. Первые – находили и продолжают искать в фольклоре своего народа новые сюжеты, мотивы, образы и художественные изобразительно-выразительные средства; вторые – открывают иные подходы в живописи и графике; третьи – создают фольклорные коллективы и в эпоху повального увлечения поп и рок музыкой, иностранными произведениями и исполнителями, находят свой путь к сердцам наших современников.

И наши педагоги стремятся привить своим ученикам любовь и уважение к народному творчеству. Все это не проходит бесследно. Помню, как 90-х годах предложили мне в одной из школ г.Саранска вести факультатив по устному народному творчеству. Мною была разработана программа факультатива (приводится в этой книге). Пришла я в класс. Передо мной – разгоряченные после урока физкультуры старшеклассники. Со страхом

думала, как же заинтересовать их, современных городских ребят, мордовским фольклором? Начала разговор с календарно-обрядовой поэзии, которая уже почти полностью забыта в наше время, и была им в новинку. К концу урока увидела в глазах ребят определенный интерес. Так была апробирована впервые эта программа. Полугодие закончилось. Я с удивлением узнала, что летом ребята продолжили заниматься фольклором, организовав своего рода «экспедицию» в село для записи рассказов старожилов. В последующие годы эти старшеклассники продолжили изучать историю культуры родного края на факультативных занятиях. И каково же было удивление, когда в 11 классе они в качестве экзамена по выбору решили сдавать историю культуры родного края. И насколько серьезно они подошли к этому!

В ряде школ Мордовии проводятся и другие мероприятия, связанные с фольклором мордовского народа. Это и уроки с использованием устного народного творчества, и фольклорные утренники, вечера, праздники. Педагоги делятся своими находками в использовании мордовского фольклора в современной школе на страницах журнала «Народное образование РМ». Некоторые из их разработок, наиболее интересные и удачные, предлагаем вам на страницах этой книги.

Использованные источники

Книги, статьи, справочники

Беломоева, О.Г. Этнокультурная традиция в контексте современной художественной практики / Финно-угорский мир. – 2009. – № 3. – С.58-65.

Бояркина, Л.Б. Мордовская музыкальная энциклопедия /Л.Б.Бояркина; [под общ. ред. Н.И.Бояркина]. – Саранск: Мордов.кн.изд-во, 2011. – 432 с.

В гостях у мордовской сказки: материал к литературному утреннику. Хранится в Мордовской республиканской детской библиотеке, отдел национальной и краеведческой литературы.

Вавилкина, Л.И. Использование разновидностей мордовского эпоса на уроках экологии. Урок-концерт / Народное образование РМ. – 2001. – № 6. – С.60-75.

Видяева, И.И. Признание в любви: очерки о художниках Мордовии / Инна Видяева. – Саранск: «Тип. «Крас. Окт.», 2012. – 400 с.

Все о Мордовии / Сост.: Е.М.Голубчик, В.Д.Еремкин, В.С.Ионова, А.С.Лузгин. – Саранск: Мордов.кн.изд-во, 1997. – 720 с.

Евсевьев, М.Е. Мордовская свадьба / М.Е.Евсевьев; [вступ.ст. Л.В.Седовой]. – Саранск: Мордов.кн.изд-во, 2012. – 280 с.

Долгова, О. Морай «Лихтибряня» ансамбльсь (Поет ансамбль «Лихтибряня» / Мокшень правда. – 2011. – 22 дек. – С.8.

Елисеева, Т. Картинатнесэ – эрзянь эпосось (На картинах – эрзянский эпос) / Эрзянь правда. – 1993. – 28 янв. – С.4.

Иванов, Н. «Литовантень» – 15 иеть («Литове» – 15 лет) /Чилисема. – 2012. – № 4. – С.3.

Кадушкина, Н.Н., Кузнецова, М.А., Мокрова, Н.С. Фольклор в развитии детей с ОНР. – Народное образование РМ. – 2011. – № 6. – С. 117-120.

Коровина, В.Я. Литература. 5 класс. Учеб. для общеобразоват. учреждений с приложением на электрон. носителе. В 2 ч. Ч.1. /

[В.Я.Коровина, В.П.Журавлев, В.И.Коровин]. – М.: Просвещение, 2012. – 303 с.

Литература. 6 класс. Учеб. для общеобразоват. учреждений с приложением на электрон. носителе. В 2 ч. Ч.1. / [В.П.Полухина, В.Я.Коровина, В.П.Журавлев, В.И.Коровин]; под ред.В.Я.Коровиной. – М.: Просвещение, 2012. – 304 с.

Литература. 7 кл. Учеб. для общеобразоват. учреждений. В 2 ч. Ч.1 / авт.-сост. В.Я.Коровина. – 17-е изд. – М.: Просвещение, 2009. – 319 с.

Литература. 8 кл. Учеб. для общеобразоват. учреждений. В 2 ч. Ч.1 / авт.-сост. В.Я.Коровина [и др.]. – 7-е изд. – М.: Просвещение, 2008. – 399 с.

Литературное чтение. 1 класс. Учеб. для общеобразоват. учреждений. В 2 ч. Ч.1. / [Л.Ф.Климанова, В.Г.Горецкий, М.В.Голованова и др.] – М.: Просвещение, 2011. – 80 с.

Литературное чтение. 2 класс. Учеб. для общеобразоват. учреждений. В 2 ч. Ч.1. / [Л.Ф.Климанова, В.Г.Горецкий, М.В.Голованова и др.] – М.: Просвещение, 2011. – 224 с.

Литературное чтение. 3 класс. Учеб. для общеобразоват. учреждений. В 2 ч. Ч.1. / [Л.Ф.Климанова, В.Г.Горецкий, М.В.Голованова и др.] – М.: Просвещение, 2012. – 223 с.

Масторава: Морд.нар.эпос [сост.Г.Я.Меркушкин, В.В.Горбунов, А.Д.Шуляев, А.М.Шаронов; пер. с мордов. Ю.В.Юшкин; худож. А.С.Алешкин]. – Саранск: Мордов.кн.изд-во, 2009. – 304 с.

Мичкасская, Т.Ф. Мордовия – мой край родной! (Внеклассное занятие по краеведению). /Народное образование РМ. – 2010. – № 4-6. – С. 193-198.

Мордва: очерки по истории, этнографии и культуре мордовского народа/ [сост. С.С.Маркова]; под общ.ред. Н.П.Макаркина. – 2 изд., доп. и перераб. – Саранск: Мордов.кн.изд-во, 2012. – 720 с.

Мордовское народное устно-поэтическое творчество. Очерки / [общ.ред. Э.В.Померанцевой и К.Т.Самородова]. – Саранск: Мордов.кн.изд-во, 1975. – 432 с.

Мордовия, XX век: культурная элита: энциклопедич. справ.: В 2 ч. Ч.1: А – М. – Саранск, 2010. – 416 с.

Мордовия, XX век: культурная элита: энциклопедич. справ.: В 2 ч. Ч.2. Н – Я. – Саранск, 2013. – 400 с.

Мордовия: Энцикл.: В 2 т. Т.1: А-М; НИИГН при Правительстве РМ. – Саранск: Мордов.кн.изд-во, 2003. – 576 с.

Мордовия: Энцикл.: В 2 т. Т.2: М-Я; НИИГН при Правительстве РМ. – Саранск: Мордов.кн.изд-во, 2004. – 704 с.

«Мордовочка» покорила Подмосковьё / Страницу подготовили В.Пиняев, В.Коновалова / Известия Мордовии. – 2012. – 11 июля. – С.28.

Мухина, В.В. Этнические сюжеты в творчестве мордовских художников и скульпторов Москвы и Московской области / Центр и периферия. – 2013. – № 1. – С.113-123.

Пальченкова, А.П. Национально-региональный компонент в детском саду / Народное образование РМ. – 2002. – № 1-2. – С. 80-82.

Резова, Л. «Колорит» ансамбльсь кеняртъфнесыне ваныхнень эсь асушиснон мархта (Ансамбль «Колорит» радует зрителей своими способностями) / Мокшень правда. – 2013. – 11 апр. – С.8.

Резова, Л. «Поюня» ансамбльсь кунардонь коень-обуцянь ванфты (Ансамбль «Поюня» – хранитель старинных обычаев и нравов) / Мокшень правда. – 2012. – 19 апр. – С.9.

Резова, Л. Сценать лангса «Мокшаваня» ансамбльсь (На сцене ансамбль «Мокшаночка») / Мокшень правда. – 2013. – 23 мая. – С.7.

Родионова, Н. «Сюлгамось» яла моры («Сюлгамо» все поет) / Сятко (Искра). – 2007. – № 10. – С.114-116.

Рункова, А.В. «Тайна фатальная жизни другой...» в творчестве Юрия Дырина / Центр и периферия. – 2013. – № 3. – С.116-125.

Самсонкин, П. У народного ансамбля «Марлюня» день рождения / Известия Мордовии. – 2003. – 2 окт. – С.3.

Седова, Л.В. Программа факультатива «Устно-поэтическое творчество мордовского народа», 8-10 кл. / Национально-региональный компонент в образовательном процессе школы. – Саранск: Мордов.кн.изд-во, 1997. – С.91-96.

Спиридонова, Е. Ансамблю «Пиже лугине» – 10 лет / Известия Мордовии. – 2013. – 7 марта. – С.4.

Спиридонова, Е. По зову «Торамы» / Известия Мордовии. – 2013. – 12 февр. – С.8.

Финно-угрия. Этнический комфорт. / Спецвыпуск. – 2012. – С.46-48.

Цыпин, О. «Нороваванть» моронзо (Песни «Норовавы») / Сятко (Искра). – 2001. – № 5. – С.126-134.

Чибиркина, Л.Г. Эрзянь кудо – Эрзянский дом (Театрализованный фольклорный праздник). / Народное образование РМ. – 2002. – № 6. – С.156-163.

Фольклорные сборники

Из глубины веков: легенды, предания, былички и устные рассказы мордовского края / [сост. Л.В.Седова]. – Саранск: Мордов.кн.изд-во, 2011. – 328 с.

Мордовские пословицы, поговорки, приметы и загадки: поэтические образцы житейского опыта / [сост. Л.В.Седова]. – Саранск: Мордов.кн.изд-во, 2009. – 336 с.

Мордовский этнографический сборник / [сост.А.А.Шахматов]. – СПб., 1910. – 848 с.

Устно-поэтическое творчество мордовского народа: эпические и лиро-эпические песни / [сост., подстроч.пер., предисл., примеч. Л.С.Кавтаськина]. – Саранск: Мордов.кн.изд-во, 1963. – Т.1. – Кн.2. – 400 с.

Устно-поэтическое творчество мордовского народа: исторические песни XVI-XVIII веков / [сост., подстроч.пер., предисл., коммент. А.М.Шаронова]. – Саранск: Мордов.кн.изд-во, 1977. – Т.1. – Кн.2. – 352 с.

Устно-поэтическое творчество мордовского народа: лирические песни / [сост., подстроч.пер., предисл., примеч. Л.С.Кавтаськина]. – Саранск: Мордов.кн.изд-во, 1965. – Т.2. – 372 с.

Устно-поэтическое творчество мордовского народа: мокшанские сказки / [сост., предисл. и примеч. А.И.Маскаева]. – Саранск: Мордов.кн.изд-во, 1966. – Т.3. – Ч.1. – 384 с.

Устно-поэтическое творчество мордовского народа: эрзянские сказки / [сост., предисл., примеч. А.И.Маскаева]. – Саранск: Мордов.кн.изд-во, 1967. – Т.3. – Ч.2. – 384 с.

Устно-поэтическое творчество мордовского народа: пословицы, присловья и поговорки / [сост. К.Т.Самородова]. – Саранск: Мордов.кн.изд-во, 1967. – Т.4. – Ч.1. – 376 с.

Устно-поэтическое творчество мордовского народа: мордовские загадки / [сост. К.Т.Самородова]. – Саранск: Мордов.кн.изд-во, 1969. – Т.4. – Ч.2. – 324 с.

Устно-поэтическое творчество мордовского народа: частушки / [сост., подстроч.пер. и предисл. Л.Кавтаськина и А.Самошкина]. – Саранск: Мордов.кн.изд-во, 1969. – Т.5. – 240 с.

Устно-поэтическое творчество мордовского народа: эрзянская свадебная поэзия / [сост., подстроч.пер. А.Г.Борисова]. – Саранск: Мордов.кн.изд-во, 1972. – Т.6. – Ч.1. – 472 с.

Устно-поэтическое творчество мордовского народа: мокшанская свадебная поэзия / [предисл и примеч. К.Т.Самородова]. – Саранск: Мордов.кн.изд-во, 1975. – Т.6. – Ч.2. – 400 с.

Устно-поэтическое творчество мордовского народа: эрзянские причитания-плачи / [сост., подстроч.пер., предисл., примеч. Л.С.Кавтаськина]. – Саранск: Мордов.кн.изд-во, 1972. – Т.7. – Ч.1. – 374 с.

Устно-поэтическое творчество мордовского народа: мокшанские причитания / [сост., подстроч.пер. и коммент. М.Г.Имярекова]. – Саранск: Мордов.кн.изд-во, 1979. – Т.7. – Ч.2. – 360 с.

Устно-поэтическое творчество мордовского народа: календарно-обрядовые песни и заговоры / [сост., подстроч.пер, примеч. и указатели В.Л.Имайкиной и К.Т.Самородова]. – Саранск: Мордов.кн.изд-во, 1981. – Т.7. – Ч.3. – 304 с.

Устно-поэтическое творчество мордовского народа: детский фольклор / [сост., подстроч.пер., предисл. и коммент. Э.Н.Таракиной]. – Саранск: Мордов.кн.изд-во, 1978. – Т.8. – 300 с.

Устно-поэтическое творчество мордовского народа: мордовские народные песни Заволжья и Сибири / [сост., коммент., указ. И.С.Сибиряка (Поздьева)]. – Саранск: Мордов.кн.изд-во, 1982. – Т.9 – 352 с.

Устно-поэтическое творчество мордовского народа: легенды, предания, былички / [сост., подстроч.пер., предисл., коммент. и указ. Л.В.Седовой]. – Саранск: Мордов.кн.изд-во, 1983. – Т.10. – 256 с.

Устно-поэтическое творчество мордовского народа: народные песни мордвы Пензенской области / [сост., вступ.ст. и коммент. В.П.Белякова]. – Саранск: Мордов.кн.изд-во, 1987. – Т.11. – 200 с.

Устно-поэтическое творчество мордовского народа: народные приметы мордвы / [сост. Т.П.Девяткиной]. – Саранск: «Тип. «Красн.окт», 2003. – Т.12. – 320 с.

Интернет-источники

1. [ru.wikipedia.org /wiki / Илия-\(пророк\)](http://ru.wikipedia.org/wiki/Илия_(пророк))
- 2 <http://www.goloserzi.ru/ru/tvorchestvo/zhivopis/dyirin-dyirin.html>
3. <http://www.goloserzi.ru/ru/tvorchestvo/zhivopis/alyoshkin-andrej-stepanovich.html>
4. <http://nsportal.ru/blog/detskii-sad/all/kurovaya-rabota-formirovanie-obshchchelovecheskikh-tsennostey-u-detey>

Содержание

Введение.....	2
Часть 1. Из истории мордовской фольклористики.....	6
Зарождение и развитие мордовской фольклористики.....	6
Мордовские фольклористы.....	19
Мордовские сказительницы.....	30
Часть 2. Жанры мордовского фольклора.....	35
Календарно-обрядовая поэзия.....	37
Свадебная поэзия.....	66
Причитания и плачи.....	95
Заговоры.....	122
Пословицы и поговорки.....	138
Приметы.....	146
Загадки.....	149
Сказки.....	165
Эпические песни.....	189
Исторические песни.....	215
Легенды.....	221
Предания.....	239
Былички.....	261
Устные рассказы.....	274
Лирические песни.....	296
Частушки.....	317
Детский фольклор.....	324
Толкование устаревших и малопонятных слов и выражений.....	342
Часть 3. Фольклорные сюжеты и мотивы в разных видах искусства.....	347
Фольклор в творчестве писателей Мордовии.....	347
Фольклорные мотивы в творчестве художников Мордовии.....	358
Фольклорные ансамбли.....	366

Часть 4. Мордовский фольклор в современной школе.....	381
Использование фольклора в дошкольных учреждениях.....	381
Региональный компонент при изучении школьного курса литературы (фольклор).....	383
Программа факультатива «Устно-поэтическое творчество мордовского народа».....	388
Сценарии фольклорных утренников, вечеров и праздников.....	393
Викторина.....	417
Кроссворды.....	420
Послесловие.....	423
Использованные источники.....	426